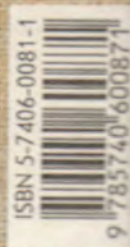

ЯНТАРНЫЙ СКАЗ
Калининград

П. ТИМОФЕЕВ
ХОПЕР
ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА

ХОПЕР

ИСТОРИЯ,
БЫТ, КУЛЬТУРА

П. ТИМОФЕЕВ

Котовская
Урюпинская
Петровская
Тиликинская
Луковская
Правоторовская
Бурацкая
Тишанская

Филионовская
Аннинская
Ирбженская
Дурновская
Павловская
Алексеевская

Островская
Березовская
Сергиевская
Раздорск

Акушевская
Усть-Бузунская
Арженевская
Зотовская

Ефремовская

Федосеевская

Арчадинская

Слащевская

Кумбукенская

Глазуновская

Кебинская

АРЧАДА

БРАВОРОНИЯ

Вешенская

Еланская

Букановская

Ново-Александровская

ТИХИЙ ДОН

Усть-Хоперск

Усть-Медведицкая

ТИХИЙ ДОН

П.Т.Тимофеев

ХОПЕР:

ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА

Янтарный сказ
Калининград

Peter T. Timopheev

THE KHOPYOR:

HISTORY, MODE OF LIFE, CULTURE

Yantarny skaz
Kaliningrad

Рецензенты:

координатор Консультативного Совета
по проблемам изучения российского казачества
при Институте этнологии и антропологии
АН России с.н.с. И. А. Аверин;

доктор филологических наук В. В. Федоров

Художник С. А. Гавриляченко

Тимофеев П. Т.

Т 41 Хопер: история, быт, культура / Худож.
С. А. Гавриляченко. — Калининград: Янтар. сказ,
1998. — 222 с.: ил. — Б. ц.

63.3 (2P) 0—299

Книга, которую вы держите в руках, уникальна. Впервые в отечественной литературе рассматривается традиционный уклад жизни, поэтическая культура верхового казачества бассейна реки Хопер, одной из самых красивых рек в Европе. Возрождение казачества невозможно без бережного отношения к своему историческому прошлому. Природная среда, общинное земледелие, промыслы, быт, праздники и обычаи, свадебный ритуал, предания, народный театр, былины помогут лучше понять традиции казачества. Книга насыщена материалами прошлого и современности.

Для широкого круга читателей.

© П. Т. Тимофеев, 1998.

© С. А. Гавриляченко, иллюстр., 1998.

© ГИПП "Янтарный сказ", 1998.

Много лет назад, отправляясь на Верхний Дон, я впервые услышал о незнакомой для меня реке с очень странным и непонятным названием "Хопер". Интерес к ней подогрел случайный попутчик, который убеждал меня с моим другом, что более рыбной и удивительной по красоте реки он не встречал.

Тогда мы снисходительно отнеслись к этому рассказу, зная, что рыбаки склонны к преувеличениям и зачастую теряют границу между воображаемой и настоящей реальностью.

И только позже, вспомнив первую встречу со случайным человеком, который подвез нас на своем стареньком "Москвиче", я подумал, что мог бы и не узнать об этом уникальном уголке природы с богатым историческим прошлым.

Всякий раз, приезжая на Хопер, иногда с кем-нибудь из новых друзей или знакомых, я наблюдал, что какая-то особая, непостижимая, загадочная сила этой реки притягивает вновь и вновь к себе. Не было случая, чтобы, побывав однажды на Хопре, кому-либо не захотелось снова приехать сюда.

Проплывая на байдарке и глядя на остовы храмов, своеобразие кирпичных и деревянных построек, особое расположение улиц, площадей, замечаешь следы прошлого.

Печать его лежит также на укладе, образе жизни людей, манере разговаривать и даже двигаться (особенно у женщин). Ничто бесследно не проходит. Какие бы исторические изменения ни затронули самые основы жизни, прошлое удивительным образом проявится. Особенно в речи: сочной, цветистой, богатой интонациями и особыми диалектными формами.

Что означает слово "Хопер"? Ученые разошлись во мнении. Академик А. И. Соболевский предположил, что *hi* — "хороший" и *регепа* — "полный" из иранского. М. Фасмер сомневался, что это слово тюркского происхождения, и считал его исконно славянским. Очень интересное объяснение встречаем у В. И. Даля — "притон диких гусей". Действительно, весной и осенью приходилось видеть на Хопре гусей во время перелета. Обратившись к орнитологам, я выяснил, что Хопер, как и знаменитая Мещёра, находится на одном из важнейших путей миграции этих птиц.

Е. С. Отин предложил новую точку зрения. Современная форма "Хопер" по происхождению обязана перестановке звуков (метатезе) в варианте Похорь (от славянского корня — *пх* — толкать, быстро течь).

Хопер часто упоминается в документах XVII — XVIII вв., связанных с Доном: в "Донских делах", в памятниках дипломатической переписки Московского государства с Крымом и т.д. Из трех вариантов названий (Хопор, Похор, Похорь) последние два мы находим в "Хождении" Пимена в Царьград в 1389 г., где говорится о том, что во время своей поездки митрополит и его спутники миновали "и Бетюк-реку и Похорь-реку" (левые притоки Дона). Указание на дан-

ный вариант имеется также в одном из "Донских дел" 1646 г.

Свое начало Хопер берет в Пензенской области. Маленький звонкий ручеек здесь настолько узок, что человек легко может перешагнуть его. Приняв несколько притоков, Хопер становится небольшой рекой, достигая двадцати-тридцати метров в ширину. После впадения рек Вороны, Савалы и ряда других, вблизи города Новохоперска, он расширяется до пятидесяти-шестьдесяти, а в нижнем течении до ста и более метров. В пределах Волгоградской области, немного выше станицы Усть-Хоперской, у хутора Зимовного Хопер впадает в Дон. Общая длина Хопра от истока до устья 979 км. Протекает он по территории четырех областей: Пензенской, Саратовской, Воронежской, Волгоградской. Правый берег Хопра на всем протяжении значительно выше левого. Местами он очень крут и обрывист, особенно там, где к реке подходят довольно высокие холмы — отроги Среднерусской возвышенности, которые поднимаются над уровнем моря до двухсот и более метров. Встретив их, река меняет направление, поворачивая с запада на юг и образуя при этом большую подковообразную излучину, на которой расположены города Новохоперск и Урюпинск. На левом берегу много пойменных лугов, а также озер, стариц и болот, густо заросших осокой, камышом.

Геологи и гидрологи определяют возраст Хопра приблизительно в десять тысяч лет. Одно время на него и на степные просторы, по которым привольно он течет теперь, надвинулись ледники. Потом ледники постепенно отступили на север. В те далекие времена Хопер

в верхнем течении шел в юго-западном направлении. Далее же, там, где в настоящее время находится город Балашов, Хопер круто поворачивал на юго-восток. Пройдя по долинам реки Елань, он сливался с Медведицей и, образовав с нею одну большую и многоводную реку, впадал в Дон. Позднее Хопер, отделившись от Медведицы, проложил русло на юго-запад и затем далее на юг и проходил там, где сейчас протекают его притоки Бузулук и Кумылга. После этого Хопер еще два раза менял свое русло.

В XIX веке Хопер славился своей "красной рыбой" — осетрами и стерлядью. Осетры заходили из Дона и поднимались от устья вверх на довольно большое расстояние, до 500—600 километров. Стерлядь же водилась в Хопре повсеместно. По своим вкусовым качествам она считалась значительно лучше донской и волжской.

В пойме Хопра, в его затонах и озерах обитает небольшой зверек — выхухоль. Это один из самых древних млекопитающих. Мастодонты, которые вымерли уже несколько миллионов лет тому назад, появились значительно позже маленького выхухоля.

В конце XIX века на выхухоля начали усиленно охотиться. В 1913 году на Макарьевской ярмарке в Нижнем Новгороде было продано 60 тысяч выхухольных шкурок. Хищническое истребление этого зверька привело к тому, что в 1922 году была запрещена охота на выхухоля. Несколько позже, в 1935 году, в Новохоперском районе Воронежской области создается Хоперский государственный заповедник — крайняя точка акклиматизации пятнистых оленей в степной и лесо-

степной зоне. В лесах можно встретить оленя, бобра, куницу, белку, барсука, лису и других. Это одно из живописных мест Прихоперья.

В древности повсюду паслись стада сайгаков, которые за день могли пройти более ста километров. На Хопре и его притоках держались стаи белых лебедей.

Многие населенные пункты к реке не выходят, и даже сейчас здесь часто создается иллюзия дикой природы. По данным ЮНЕСКО начала 80-х годов — это самая чистая река в Европе.

Жители станиц и хуторов, бывает, берут питьевую воду прямо из реки. Правда, в последнее время все реже.

Сохранившиеся по обоим берегам леса, в среднем и особенно нижнем течении реки, предохраняют ее от гибели. Но все чаще, особенно летом, когда падает уровень воды, видишь обрушившийся высокий правый берег с оголенными корнями, зависшими над мелеющей в межень рекой. Хопер весьма извилист, и в полую воду берега песчаные сильно размываются. В 80-е годы XX века повсеместное увлечение мелиорацией губительно сказалось на экологии. Слава Богу, до поворота Хопра не дошло, как это было в проекте с северными реками, но мягкая и "сладкая" родниковая вода Хопра прельстила местных преобразователей природы. Повсеместно в нижнем течении были организованы насосные станции: 6 — 8, а то и 12—14 ниток стальных труб большого диаметра днём и ночью качали воду, зачастую орошая тяжелую солончаковую почву Прихоперья, обескровливая реку и не принося пользы земле. Берега в период наибольшего испарения, низкой воды еще больше обнажились,

постепенно занялись, и кое-где уже изумительные песчаные косы с чистейшим песком стали зарастать осокой, прибрежным кустарником, тиной.

В паводок, который еще довольно мощный (уровень воды поднимается на 4 м), река очищает свои берега, хотя силы уже не те.

В степную зону Хопер входит ниже слияния с самым большим своим притоком Вороной. По правому берегу раскинулся обширный Теллермановский лес. Название его происходит от тюркских слов "телле" и "орман", что означает "бесконечный, непроходимый лес". Здесь расположено опытное лесничество Академии наук России с уникальными по возрасту (180 — 200 лет) и сложными по структуре древостоев дубравами.

СТОРОНА МОЯ,
КАЗАЧЬЯ СТОРОНУШКА

Когда-то бассейн Хопра и прилегающие территории были покрыты густыми лесами, по берегам его рек устраивали свои зимовники и станы казаки.

Недостаток письменных сведений и других известий о донском крае до XVI столетия не представляет возможности с точностью установить начало происхождения донского казачества как отдельной общины, имеющей свою организацию, свои особенности. Такая община, по меткому определению П. С. Балуева, "не могла явиться сразу из ничего и стать твердой ногой на занятых ею местах".

Территория между Волгой и Дунаем во времена глубокой древности известна была грекам под именем страны Гиперборейской, которая называлась еще Скифией. По преданию, скифы, вытесненные массагетами с восточных берегов Каспийского моря, перешли Волгу и расселились между Доном и Дунаем. Более многочисленные полчища сарматов, кочевавших в пределах теперешней Астраханской области, перешли на Дон, разрушили царство скифское. Аланы вытеснили сарматов в I веке. В свою очередь, аланы были вытеснены гуннами в IV веке. В IX веке на обширной площади, орошаемой Доном и его притоками, жили хазары, печенеги и половцы.

Все эти народы оставили здесь свои следы — будь то городки, каменные истуканы или могильные курганы.

Пока разные народы боролись за обладание Доном, далеко на севере и западе формировалось царство русское. В XI веке начинаются уже столкновения печенегов и половцев с русскими, они идут с переменным успехом, но

оканчиваются подчинением этих народов русскому влиянию.

В 1224 году пошли на Донскую землю монголы, подчинившие к 1237 году своей власти всю Россию. В столице Золотой Орды — Сарае в 1265 году была учреждена Русская христианская епархия, существовавшая там до конца XV столетия и распространившаяся по всей территории между Волгой и Днепром.

В 1354 году левая сторона Верхнего Дона отошла в ведение рязанского епископа, и уже в грамоте Святителя Алексия Митрополита всея Руси 1360 года послано было благословение "ко всем христианам, обретающимся в пределах Черленого Яру и по Кораллу возле Хопор и Дону".

Возможно допустить, что русское христианское население, хотя и немногочисленное, существовало на этой территории значительно ранее XVI столетия, с которого принято считать появление русских казаков на Дону.

Такое предположение подтверждается и преданием, дошедшим с 1380 года: "В донесении Донскими казаками Великому Князю Дмитрию Ивановичу накануне Куликовской битвы иконы Божьей Матери и другой, Гребневской иконы-Богородицы". Эти священные памятники сохранились до наших дней в Москве.

С XIV столетия, когда пределы Московского княжества начинают продвигаться на юг и юго-восток, когда Рязанское княжество, постепенно теряя свою самостоятельность, присоединилось к Московскому, на берегах Хопра и Дона, в стране, называвшейся Диким полем, в беспрестанных стычках с татарами, разбившимися на несколько орд, начинает выделяться часть русских людей, объединившаяся в воинственную общину донских казаков. Судя по

дошедшим историческим актам донская община становится все более известной с 1549 года. В то время казаки имеют уже на Дону свои укрепленные городки и, окруженные со всех сторон татарскими ордами, ведут с ними и турецким городом Азовом постоянную ожесточенную войну, берут даже с Азова оброк (1551 г.). Предание свидетельствует об участии их в покорении Казани в 1552 году. Через 5 лет вместе с царскими войсками участвуют в покорении царства Астраханского.

Слово "казак" тюркского происхождения — "свободный, независимый человек", хотя в разных языках народов Средней и Малой Азии оно имело разное толкование. По иным источникам — казак от "гозак" или "гузак" (гусар), — "легковооруженный всадник". Встречается и такое утверждение, что в I — II веках нашей эры в древнеиндийской литературе этим словом называли свободных, вольнонаемных крестьян. Большинство ученых, говоря об ордынских, запорожских, ногайских, донских и других казаках, отрицает, что это слово когда-либо обозначало работников, и связывает его с вольницей, удалством конных наездников, живущих войной и набегами. Споры о происхождении казачества не утихают до сих пор. Ни одна из теорий, от миграционной ("бегло-холопской", которую вряд ли можно отнести к научной) до автохтонной (местной, коренной), не дает исчерпывающего ответа на этот сложный вопрос. Сама идея казачества не принадлежит русскому народу. Первыми после падения Римской империи казаками являются скандинавы, с их безумно отважными морскими набегами. В Азии казачество получило широкое развитие, монголы познакомили русских выходцев с удалством азиатских наездников и передали им название казаков.

В начале 1570 года Иоанн Грозный прислал на Дон свою грамоту с послом Новосильцевым, чтобы казаки Новосильцева слушали во всех государевых делах, "тем бы вы нам послужили. А мы вас за вашу службу жаловать хотим". Эта грамота считается первой по времени, и с нее начинается официальное признание московскими царями существования Войска Донского.

С тех пор связь с Москвой становится неразрывной, казаки ограждают южные рубежи России от враждебных народов, отбивают у них и возвращают на родину "русский полон". Места, занятые донскими казаками, простирались поначалу от низовьев Дона почти до нынешнего Воронежа, где им принадлежал Борщевский-Троицкий монастырь, основанный до 1615 года. На северо-восток от так называемых Шацких ворот на реке Цне находился принадлежащий им же Черниев Никольский монастырь, основанный в 1573 году.

В XVII столетии благодаря смутам в Московском государстве Донское казачество выросло, окрепло.

Городок Черкасский (станция Старочеркасская) стал считаться главным в Войске Донском. Во главе войска стоял ежегодно выбираемый атаман, который по истечении годового срока своей службы являлся в круг и, поклонившись на все четыре стороны, слагал с себя полномочия, возвращая себя в ряды обыкновенных казаков. Круг выбирал новое начальство. Атаман (старейшина) был прямым начальником казаков в дни мира и брани, во внешних сношениях он был представителем войска и принимал послов, вел дипломатические переговоры. По внутреннему управлению на нем лежала обязанность мирить ссорящихся, защищать обиженных, делить между казаками царское

жалованье, следить за порядком исполнения круговых приговоров. Тем не менее власть атамана была очень ограниченной. Он не имел права предпринять что-либо по своему личному усмотрению. При нем находились 2 войсковых есаула, выбираемых подобно своему начальнику, на год. Они были исполнителями приказаний атамана и круга. Письменная часть лежала на обязанности войскового дьяка, не имевшего никакой политической власти. В отдельных горюдах было то же устройство, что и в главном войске.

Станичный атаман и есаул избирались на год. Принимая власть от общества (круга), атаман приобретал неограниченное право управлять, особенно во время военных походов. Жизнь и смерть каждого казака находилась в руках атамана. Круг говорил избранному атаману: "Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы свои." В случае неумелого руководства казаками либо нанесения вреда обществу атаман мог быть подвергнут суду круга, как рядовой казак.

В знак власти атаманы и есаулы носили жезлы или насеки. Жезл атамана был 1,3—1,4 метра, верхний конец был залит свинцом, так что имел вид булавы. Жезл же есаула был длиннее — ровная палка длиной 2 метра. Насеками они первоначально назывались, по преданию, потому, что, будучи безграмотными, атаман и есаул насекали на них кресты и другие знаки для памяти. На Дону были широко распространены зарубки и насеки для памяти на палках и дощечках. Казак, отправляемый с каким-либо известием в другую станицу, вместо расписки, что известие доставлено, привозил половину расколотой палочки с нарезками. Когда посыльный устно докладывал, то, чтобы ничего не забыть, во время рапорта держал перед собой палку с насечками.

Когда жезлы иссекались полностью, они заменялись на новые. Позже насечки на стволах жезлов делались для красоты.

Как пишет И. Тимошенко, была на Верхнем Дону даже такая традиция: выбирали молодое деревце, на нем делали надрезы и оставляли его расти. Через год-два, когда надрезы зарастали и насеки приобретали природную красоту, дерево срубалось и оформлялось в жезл.

Все общественные дела станицы обсуждались в кругу. Круг собирался на майдане (т.е. площади) между станичной избой и часовней. Когда необходимо было собрать круг, есаул с жезлом шел по станице и на перекрестках, сняв шапку, нараспев кричал: "Атаманы молодцы, сходитесь на майдан войсковую грамоту слушать" или "для общего станичного дела". В случае немедленного сбора, чтобы отразить набег или выступить на помощь другой станице, есаул сзывал казаков с развевающейся хоругвью. Это означало, что станица находится в критическом положении. В круг выносились хоругви из часовни, он считался местом священным, правительственным. Казаки стояли без шапок. Атаман предлагал кругу для обсуждения дела, есаул в это время смотрел за порядком. За нарушения или оскорбление святости круга своим поведением любой казак тут же мог быть наказан жезлом, который есаул не выпускал из рук. За важное отличие на общественном поприще или подвиг в бою каждый мог быть удостоен высшей почести, особой награды. Отличившегося качали в кругу самые почетные граждане под громкое ура всего круга.

За различные преступления круг наказывал позором и штрафом. Позор состоял в том, что виновного били

в кругу ослопьями (дубинами) и чем попало, сажали в клетку, забивали в колодки. Штраф же — в том, что у виновного забирали (грабили) все личное имущество в пользу общества. Иногда оба эти наказания присуждались одному лицу, это называлось "бить и грабить". Если кого присуждали к битью, его обязательно еще и грабили. Грабеж мог быть и без битья. Наказывали за воровство, трусость, непослушание, прелюбодеяние, несоблюдение постов и т.д. Приговоры круга исполнялись желающими. Если желающих не оказывалось, исполнителем был есаул. За более важные преступления — убийство, измену — в станичном кругу не судили, а забивали в колодки и везли для суда в войско. Там их судил либо войсковой круг, либо войсковой атаман, либо выбранные от каждой станицы 2 — 3 старика-депутата. В большинстве случаев виновных приговаривали к смертной казни через "куль и воду". Преступника сажали в мешок с песком или камнями и опускали в воду, где он и задыхался. За измену войску иногда казнили и так: выводили преступника на границу, рубили пополам, одну половину оставляли на своей земле, другую перебрасывали на неприятельскую. За убийство одним казаком другого во время военного похода, случалось, убийцу живым закапывали в землю поверх убитого.

Тот, кого наказывали на станичном кругу за проступки, лишался гражданских прав, но восстановить свои права мог всегда, проявив себя с пользой для общества.

Станицы наполнялись беглыми из России, теми, кто переходил из других станиц, и пленными. Во время набегов на турок, татар, черкесов казаки мужчин убивали, а женщин и детей (мальчиков и девочек) брали в плен и доставляли их в свои городки вместе с другой добычей.

Иногда пленных отправляли в Россию царю, за что получали подарки и припасы, но чаще оставляли у себя: на женщинах женились, а детей усыновляли и воспитывали. Браки совершались на майдане, решение принимал круг, всегда спрашивая согласие у женщины. Если она была согласна, круг утверждал брак. Иногда невеста была пленницей, доставшейся жениху на дуване*. Он мог ее продать, выменять, но жить с ней как с женой без разрешения круга не мог, потому что оскорбил бы этим общественную нравственность и был бы наказан как преступник. Если муж и жена решили развестись, то с разрешения круга они могли это сделать и вступить в новый брак. Если до брака жена была пленницей мужа, то после развода восстанавливались прежние права: казак мог ее подарить кому угодно, продать, променять на коня или харчи. С "неотказною" же (неразведенною) женой он не имел права этого сделать.

Станица могла иметь, наряду с другими, покос, звериный, рыбный промысел по всей войсковой земле, где находилось свободное место, не занятое другой станицей. В случае нападения на станицу, если было необходимо, защищать ее поднималось все войско. В воинский поиск станица могла отправиться как со всем войском, так и одна. Если войсковое начальство заключало мир с кем-либо, станица также должна была соблюдать этот мир.

В случае невыполнения решений войскового круга станица могла лишиться права гражданства между станицами, т.е. подвергнуться *пени*. В этом случае представители ее не принимались в войсковой круг, суда и защиты

*Дуван — место раздела добычи после возвращения из похода. Дуван дуванить — делить добычу на дуване, в 2 — 3 км от станицы.

ей в войске не было. Мало того, против нее могло пойти все войско, разорить и сжечь дотла, что и случалось с некоторыми станицами. Атамана и лучших людей этих станиц казнили, а всех остальных продавали в неволю туркам.

Далеко не все население городков составляли казаки. Казакom считался тот, кто служил государю и получал за это жалованье. Об этом свидетельствуют сами казаки. Казак Максим Логинов по прозвищу "Щербак" в расспросных речах от 26 марта 1661 года сказал, что "родом он белорузец города Орши, мещанский сын, тому де лет тридцать и больше, от отца шел в Запорожье семь лет, а из-за порога пришел на Дон лет двадцать и больше". Чтобы поступить в казаки, требовалось объявить об этом перед кругом в Черкасске.

Несмотря на служивое значение казаков, не было реестров или записей о поступивших в казаки.

По имущественному положению казаки делились на домовитых и голытьбу. Им дозволено было скотоводство, охота, рыбная ловля и пчеловодство. В походах казаки делились на сотни. Сотни делились на курени, которых насчитывалось в сотне до десяти. Курень имел своего куренного атамана и есаула. Курень назывался по имени атамана, и при составлении списков казаков, шедших в поход, они обозначались для краткости по сотням, куреням или личным именам без прозвищ. В военное время, отправляясь в поход, выбирали походного атамана, а иногда брали даже самого войскового атамана, замещая его новым. Походным атаманам давали помощника, который назывался полковником. При походе на Азов и Крым казаки использовали легкие самодельные струги, в которых помещалось от 24 до 30 человек в каждом.

Войны и тяжелое положение Московского государства при царе Алексее Михайловиче тяжким бременем легли на все слои общества, в том числе на крестьян. И они бежали на Дон к свободной, хоть и более опасной жизни. Благодаря пришельцам увеличилось число казаков. В посланиях к царю идут сетования на голод и отсутствие добычи, так как царскими указами было запрещено ходить на моря "за зипунами". Жалованье, хотя и увеличивалось, не могло обеспечить всех, гольтыба же постоянно прибывала. Слабые шайки гулебщиков подавлялись старыми казаками, понявшими всю выгоду зависимости от Москвы. Пока не было вождя у гольтыбы, она держалась спокойно, но появился Степан Разин, и равновесие было нарушено. Он повел гольтыбу добывать себе зипунов. Вот здесь и сказалась московская политика. Казаки-старожилы больше всех печалились появлению Стеньки на Дону. Разина взяли в Кагальницком городке и выдали Москве. За это получили прибавку в жалованье. Стало ясно, что зипуны уже не интересовали старожилов, что они поступились своим исконным правом не выдавать Москве никого, даже беглых, не говоря уже о казаках. Воспользовавшись столь удобным моментом, московское правительство в августе 1671 года послало стольника Косагова и дьяка Богданова для привода казаков к присяге на верность московскому государю. Несмотря на некоторое сопротивление, посланным удалось выполнить поручение. С этого времени казаки присягали каждый раз при вступлении нового государя на престол. Старшина получала не только жалованье, но и подарки, ими одаривали даже детей, которых казаки привозили с собой в Москву в составе зимовных станиц.

На Дон нередко посылались тайно соболя. Недаром

голытьба обвиняла старых казаков в том, что они продали тихий Дон московскому государю за жалованье — соболя. Но не одному дипломатическому искусству Москва была обязана такому успеху на Дону. Важную роль играла церковь. Из архивных данных выяснилось, что казаки донские в церковном отношении ведались московским патриархом, входя в состав его епархии. Через посольский приказ духовные дела казаков направлялись патриарху. Известно, что патриарх Никон благословил построение церкви на Дону, куда казаки поместили икону Одигитрии, взятую во время похода на Вильно в 1656 году. Далее, в 1694 году Митрофан, епископ Воронежский, затруднялся венчать и давать без указа патриарха "венечные памяти казакам, поженившимся на Воронеже", имея в виду, что казаки принадлежали к епархии патриарха. И только в 1718 году "по Дону и по другим речкам монастыри и церкви, часовни, которые были в патриаршей власти, указано было ведавать Воронежской епархии". Административное отношение патриарха к своей донской пастве заключалось в том, что патриарх разрешал постройку церквей и освящение их. Круг не имел по войсковому обычаю права разрешать это своей властью. Случаи такого разрешения являлись нарушением права патриарха. Патриарх также назначал на должность священников, но здесь не было строгого порядка. Круг сам имел право принимать приходивших на Дон священников. Бывали случаи, когда круг из среды казаков выбирал кандидата для поставления в священники или дьяконы. Этим ограничивались административные обязанности патриарха по отношению к донской пастве. Никаких доходов казаки патриарху не приносили. В приходно-расходных книгах патриаршего

казенного приказа в списках церквей, которые платили дань патриарху как епархиальному пастырю, нигде не встречается упоминание о Донской области.

Старшина среди донских казаков выросла и развивалась постепенно. Уже с середины XVII века казаки стали не те. Появилось богатство, а с ним роскошь и честолюбие. Люди, отличавшиеся умом, смелостью, выделяли себя из остальных, захватили власть в свои руки, становясь знатными.

Уже в 1695 году Петр I требовал, чтобы для встречи генерала Гордона были посланы из войсковой старшины знатные люди. Звание старшины, иногда дававшееся войсковым кругом за заслуги, вначале принадлежало всем, отслужившим выбранный срок войсковым атаманам, но его вскоре присвоили себе начальники казачьих полков и отрядов. По словам А. Савельева, в 1649 году впервые употребляется вместо атамана имя старшины. К концу XVII века оно становится преобладающим. В XVIII веке старшина становится независимой от войскового атамана, а начальники полков и отрядов постепенно присваивают себе право распоряжаться общественными делами в качестве ближайших советников войсковых атаманов. Таким путем сложилась прослойка, получившая перевес над остальными казаками. С течением времени старшины захватывали все большую и большую власть и постепенно в их руки перешли все дела, ведавшиеся прежде кругом. С середины XVIII века звание старшины, до этого бывшее избирательным (войско могло как избирать старшину, так и лишать этого звания), становится пожизненным. С 1754 года звание это начало жаловаться высшей властью. С течением времени старшинство перерождается в

чиновничество. В 1768 году чиновникам было пожаловано дворянство. В 1828 году вышел указ, по которому звания казачьих офицеров определяли в соответствии с типом регулярных войск.

Таким образом, в течение XVIII века самобытная жизнь казаков неоднократно подвергалась изменениям согласно соображениям правительства. Только в низших слоях казаков сохранились традиции и своеобразие обычаев.

Донских казаков исстари разделяли на верховых, населяющих северные округа области, и низовых, живущих в низовьях Дона. Разграничительной черты, отделяющей одних от других, не было, но различия в произношении, нравах, жилище, одежде оказывались при сравнении значительными.

Земля Области Войска Донского только с 1786 года по указу Екатерины II получила точное определение границ. До этого отдельные казачьи городки и станицы только пользовались обширными земельными участками. Казачество жило исключительно войной и для войны. Оно не знало мирных занятий и свой хлеб, одежду, украшения незатейливых жилищ и конской сбруи, войсковое снаряжение, — все это добывало с оружием в руках или получало в виде царского жалованья. Только в недолгие промежутки отдыха от дальних походов или во время вынужденного обстоятельствами мира казак занимался звероловством и рыболовством. В 1696 году по хоперским и медведицким городкам была послана грамота Войскового круга, которой запрещалось хлебопашество, "дабы воинским промыслам помехи не было", "а если станут пахать и того бить до смерти и грабить". Это правило строго

соблюдалось до Петра I и поддерживалось верховным русским правительством.

С Петра I начинается перелом в жизни казачества. Государь убедил казаков, что вовсе не постыдно соединять мирные занятия с военным ремеслом, и то, что в верховых станицах по Хопру делалось тайно, так как тосковали руки беглых воронежских, тамбовских, рязанских крестьян по земле, теперь поддерживалось царем.

В 1703 году посланы были на Дон царские стольники для описи казачьих городков и для высылки с Дона всех поселенцев, которые появились там после 1695 года. Когда опись выявила казачьи городки и число жителей в них, последовала царская грамота о том, чтобы все городки, построенные по указу, свести за Северский Донец, а новоприбывших людей выслать в украинные города. Окончательно ликвидировалась одна из главных привилегий донских казаков — "с Дону выдачи нету".

В конце 1707 года прибыл на Дон для сыска беглых князь Юрий Владимирович Долгорукий, проявивший себя очень жестоко. Казаки обвиняли его в том, что он, вопреки царскому повелению, разорил и пожег многие казачьи городки, пытал людей и бил кнутом, резал им носы и губы, надругался над женами и вешал детей по деревьям.

В то время за пределами Войска Донского на службе русского царя состояло 15000 казаков, лучших воинов.

Оставшаяся на Дону гольтьба, доведенная до отчаяния, выступила под началом бахмутского атамана Кондратия Булавина против Долгорукого. Булавин напал на него ночью, истребил весь царский отряд с самим князем, освободил 3000 беглых людей, которых успел собрать по городкам Долгорукий.

Для усмирения бунта Петр I отправил 20000 войска под началом князя Василия Долгорукого, родного брата князя Юрия. Но еще до прихода войск на Дон верные царю казаки осадили Булавина в Черкасске. Кондратий Булавин был застрелен во время штурма дома, в котором он находился. Когда князь Долгорукий подошел к Черкасскому городку, все казаки присягнули к бунту не приставать.

Тем не менее, князь Василий счел своим долгом исполнить буквально строгий наказ Петра I: "Все казачьи городки, лежащие по Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле, сжечь и разорить до основания, людей рубить и заводчиков сажать на кол и колесовать, ибо сия сарынь ничем, кроме жестокости, не может быть унята". Из письма калмыцкого тайши к царицынскому воеводе от 1708 г. узнаем: "Я (т.е. тайша) Перекопский город взял, да с Хованским разбили три городка: Паншин, Качалин и Иловлин, и казаков побили, а ниже пяти изб с казаками управляется боярин Долгорукий, а вверху по Дону казаков никого не осталось".

К этому времени относится печальная народная песня, в которой сказывается горе всего русского казачества:

*Приуныли, приутихли на Дону Донские казаки
А Яцкие, Донские, Запорожские;*

А и что казаки унылы?

Приуныли на Дону Донские казаки,

Да что взял у них, государь-царь, город...

.....

Залегли пути дороги за сине море гулять,

А и не стало нам добычи на синем море

И на тихом Дону на Ивановиче.
 И поехал атаман в каменну Москву,
 Поклонился государю о праву руку,
 Сквозь слезы он словечко выговорил:
 Ах, свет наш, надежда, благоверный царь!
 А и грозен, государь, Петр Алексеевич!
 Прикажи нам на Дону чем кормиться?

Территория донских казаков вследствие Булавинского восстания значительно сократилась. По словам Н. Краснова, эта территория была урезана на 1 миллион десятин. На месте разрушенных городков была сооружена земляная крепость Хоперск.

В 1768 году, после обновления крепости город был назван Новохоперск, в районе которого Хопер входит в юрт* Михайловской станицы и, пройдя через всю долину Хоперского округа на протяжении около 320 км через 20 станиц, в юрте Букановской станицы впадает в Дон.

Уже при царе Федоре Иоанновиче в Москве различали верхние и нижние юрты, верховых и низовых казаков. Низовые казаки обижались, если в царской грамоте писали их после верховых, которые "государевой службы и не знают", а московские приказные люди оправдывались, что они-де не хотели обидеть низового Войска, а писали по порядку следования грамоты вниз по Дону. Низовыми юртами считались казачьи селения вниз от Переволоки, т.е. от Качалинской станицы, но сами казаки считали низ от устья Донца.

Издавна низовой казак называл верхового "чигой". ("Чига", по Е. П. Савельеву, будто бы от твердо произносимого по-русски "чего", в отличие от мягкого украинского

*Юрт — земельный надел, закрепляемый за станицей.

"чего" или "чево")*. Х. И. Попов, один из лучших знатоков донской старины, говорит, что помнит, как в полках казаки верховые насмешливо говорили низовым, что у них будто бы "суми сомовы, толчи тараньи", намекая на скудные запасы, привезенные из дома (в суммах из сомовой кожи — тарань). Намек на рыболовство. В ответ на это низовые говорили верховым, что у тех "бурсак колесо за-тормосил", высмеивая обильные запасы бурсаковых — сухарей, привозимые старожилками из дома.

Хоперский округ до 1919 года занимал площадь в 14888 квадратных километров, граничил с Верхне-Донским и Усть-Медведицким на юге и юго-востоке, с Воронежской губернией на западе и Саратовской на востоке. Западная часть, лежащая по правую сторону Хопра, — возвышенная и изрезана глубокими балками, восточная — несколько ниже, балки и овраги широки и отлоги. Глубоко

*С чем трудно согласиться. Плутуватый казак Чига, Чигуша — завсегдатай ярмарочно-балаганных кукольных представлений на праздниках хоперских казаков, любимый герой, участвовавший в фарсах и сценках, о чем более подробно будет сказано ниже. Кроме того, австрийский барон Сигизмунд Герберштейн, бывший послом Германии в Московии в 1517 и 1526 году, в трактате "Rerum Moskovitarum Commentarii" (1527 г.) указывал, что к запорожским казакам, основавшимся между Днепром и Днестром, подошли "Черкасы-Славяне с Кавказа, Цики или Чиги". В 1562 г. основан их город Чигирин. А поскольку черкасы и белгородские казаки дали начало севрюкам и донским казакам, прежде всего верховым, но и низовым также, что не отрицается почти всеми исследователями, можно предположить, что прозвище "чига" связано не с мягко или твердо произносимым "чего" или "чево", а по вышеизложенным причинам.

в подпочве залегает мел, покрываемый всюду валунным суглинком, на котором развился хороший чернозем. Солонцовые почвы залегают пятнами.

Кое-где в восточной части сохранились маленькие клочки целинной ковыльной степи, покрывающейся в весеннее время тюльпанами и воронцами.

Климат бассейна Хопра более суровый по сравнению с другими местностями Дона, но зато не подвержен резким переменам. Летняя жара легко переносится, погода резко меняется только во время сильного разлива реки. Большое влияние на климат оказывают ветры. Господствующим ветром является восточный, "суховей", летом он губительно действует на хлеба, засушивая их раннее созревание, а зимою вызывает иногда снежные бури.

По данным Статистического комитета Областного Войска Донского за 1919 год население округа составляло 235000 казаков и 92000 неказачьих, большей частью донских крестьян. И это притом, что во всем Войске, в том числе и низовом, соотношение было прямо противоположным.

Верховые казаки были более демократичны и вплоть до начала XX века на круте, случалось, принимали в казаки донских крестьян и иногородних, правда, строго следуя правилу: чтобы вступающий был как минимум во втором поколении из постоянно проживающих на Дону и не запятнан ничем, трудолюбив, скромнен.

Казаки Хоперского округа, как пишет В. В. Богачев, выгодно отличаются от своих тамбовских и саратовских соседей лучшими способностями, большей хозяйственностью, склонностью к торговым предприятиям: от казаков низовых они отличаются "большей твердостью характера,

меньшей склонностью к щегольству, большим трудолюбием, отсутствием суетности, тщеславия, большею простотою характера и нравов и, если можно так выразиться, — демократичностью. Казаки низовые очень дорожат приобретаемыми чинами, отличиями и своими исконными казачьими привилегиями, т. е. сословными особенностями и правами".

В отличие от низовых, которые истари добывали свой хлеб более легким путем, занимаясь торговлей, рыболовством, скотоводством, огородничеством, виноградарством, садоводством, верховые занимались преимущественно тяжелым земледельческим трудом.

Издавна Войско Донское раздавало станицам так называемые разводные грамоты, в которых по представлению самих станиц указывались границы юртов, земельных наделов, закрепленных за станицей. Решено было "развести рубежи станицам между собой полюбовно, с совету и жить бесспорно: одной у другой рыбы не ловить, сennie покосы не окашивать, всякие угодыя не обивать и не отолачивать, охотою по степям не ходить, капканов и тенет не метать и никакого звериного промыслу не чинить". Интересным было то, что знаками границ служили дубравы, излучины степных речушек, отдельно стоящие деревья. С течением времени природа менялась, дубравы вырубались, естественные природные границы разрушались и между станицами происходили споры. Недовольные искали правосудия в войске. Для прекращения споров гурт поручал кому-либо дело рассмотреть на месте.

С всеобщего согласия выбирался старожил, который, поклявшись на Евангелии поступать в этом деле по совести, должен был со святой иконой пройти точно по тем

местам, как помнил он, где была граница. Через какие урочища проходил старожил, это и считалось границей юрта.

Землю обрабатывали сообща. Выезжали в поле всей станицей и с оружием в руках. Работали так, чтобы каждой артели быть на виду у всех других. На ночь возвращались в городок или оставались в поле, но съезжались вместе. Если в городке узнавали о приближении врага, востовой скакал с хоругвью в поле. Не говоря часто никому ни слова, он проносился только по полю и так же быстро возвращался обратно. Все понимали, в чем дело, и готовились к отражению нападения.

Как только власть царская укрепилась на рубежах Области Войска Донского и появилась возможность спокойно заниматься хозяйством, многие станичники стали селиться поближе к своим паям, на хуторах. Каждый сея сколько хотел. Жили большими семьями, а для полевых работ часто объединялись и сообща обрабатывали пай. Во время обеда кто-либо выставлял "маяк": привязывал на палку платок или полотенце. Это означало, что он приглашал всех отобедать. На другой день другой казак вывешивал "маяк": все направлялись к нему, прихватывая из съестных припасов что у кого было.

По мере того, как население увеличивалось, земледелие развивалось, появились зажиточные люди. Они, имея по два или три плуга волов, могли вспахать много земли и приобрести на нее право трехлетней собственности. Чтобы захватить как можно больше земли, нанимали даже иногородних и крестьян. К середине XIX века ссоры из-за земли между соседями и целыми хуторами приобрели такой размах, что грозили перерасти в настоящую вражду. Тогда-то станичники решили делить землю на пай.

В 1873 году официальным путем было предписано всем станицам доставить сведения о пользовании юртовым довольствием. Из этих сведений выяснилось, что только в 40 станицах земля разделена пропорционально населению на пай, в остальных 70-ти станицах пользовались землей свободно.

Казачи знали свои законы, владели ими 3 года. Если после 3-х лет загон не распахивался прежним хозяином, он считался свободным. К 70-м годам XIX века все меньше оставалось свободной незанятой земли. Население увеличилось, земли на всех не хватало, соседи стали ссориться между собой, каждый пытался первым захватить определенный земельный загон. М.Харузин приводит курьезный случай. "А запахал загон. В, не обращая внимания на его загон, запахал ниву, добавив к ней непаханной земли обмежки, а затем уехал. Но А, приехавши чуть не вслед за ним, засеял ниву пшеницей. Через 3 дня приехал В и, рассердившись на поступок А, посеял сверху пшеницы овес. Летом выросли овес и пшеница. Два раза к этому месту сходилась община, но ни на чем не порешила. Затем А скосил в лунную ночь хлеб зеленцом. А В успел на заре перевезти скошенное сено в свое гумно". Подобное стало случаться нередко. Целые хутора жаловались, что соседние жители производят пашни, особенно под арбузные бахчи, под самыми дворами и т.п.

Общинный мир вплоть до XIX века наиболее сохранился в земледелии. Зачастую не только в обиходе, но и в аграрной литературе смешивают слово "мир" и "община". Эти два понятия не вполне тождественны. Но еще чаще смешивают, как писал И. Стебут, два понятия — общинное

землевладение и общинное пользование земель. Общинные земли иногда сдавались в частное пользование, а частные земли, арендуемые крестьянскими обществами, поступали зачастую в пользование общества на общинном начале. Кроме того, имелись селения с наделенной в подворную, частную собственность земель и со всеми порядками общинного чересполосного хозяйства.

Труд сообща и равное разделение его продукта чаще происходили на сенокосных угодьях, чем на пахотных землях. И на арендуемых землях чаще, чем на землях, составляющих собственность общин. В старой орфографии слово "міръ", означающее деревню, от слова "миръ" — покой, согласие отличалось правописанием. Сельский "міръ" есть общее соглашение семей относительно распределения земель. Когда земельная территория была обширна, как это наблюдаем в Прихоперье: Саратовской, Воронежской, Царицынской губерниях, — она находилась в общем пользовании без строгого закрепления за конкретным земледельцем. Стоило только сделать знак, вырезать свою метку на деревьях, которые служат временными границами, и человек свободно мог занимать гуляющую землю для ведения полевого хозяйства. Но постепенно и здесь начала устанавливаться частная земельная собственность (особенно сильно это проявилось после того, как начальствующему сословию казаков было пожаловано дворянство и началось наделение земель тем большее, чем выше была должность, чиновничья либо военная, вследствие привилегий, вытекающих из военной иерархии).

Изучение исторических документов показало, что соединение деревень в волость для пользования земель было общим явлением в древней Руси.

Феодальные нравы, с одной стороны, и влияние римского законодательства, с другой, уничтожили во многих местах эту форму коллективного землевладения и заменили ее собственностью личной или частной. Первоначально это происходило в западной России, но постепенно распространилось на казачьи общинные земли, особенно там, где земли на всех стало не хватать. Но в среднем и верхнем Прихоперье: Воронежской и Саратовской губерниях, — "волость" раздробилась на отдельные "міры" или общины. Как только поселение становилось деревней, соседние земельные угодья присваивались образовавшейся общиной и постепенно переходили в ее исключительную собственность: раздел земли должен был проводиться уже между ее членами.

"Мір", пользующийся самоуправлением в своих хозяйственных делах, являлся собственником принадлежащей станице земли, но и в то же время нес ответственность за благосостояние всех членов общины, — он должен был обеспечить участком земли каждого способного работать.

Часто леса и пастбища оставались в общем, нераздельном пользовании. Дом с землей, на которой он построен, и прилегающий к нему сад или огород, т.е. усадьба, составляли частную собственность. Но без согласия станичников ее нельзя было продать постороннему, не принадлежащему к "міру" лицу.

В Урюпинской станице, к примеру, пахотная земля разделена была наемными землемерами. На каждую душу "мужеского пола" приходилось до 30 десятин удобной, т.е. пахотной земли. При землемерах присутствовали от каждого хутора и каждого квартала станицы понятые. К разделу приступали по окончании полевых работ.

Порядок севооборота: по целине твердой земли сеяли просо, потом опять просо или пшеницу. Севооборот был произвольный. Для образования степных сенокосов выделялась часть пахотной земли, на усмотрение каждого хозяина. Луговые сенокосы находились в общинном владении. Ежегодно делились на пай, которые определялись жребием, если на какой-либо участок (улеш) было несколько претендентов.

Лес представлял особую ценность и заботу общины. Часть леса строевого и часть мелкого дровяного была оставлена в общественном владении. Остальной весь разделен на пай между гражданами. Общественный строевой лес можно было рубить только по общественным приговорам для помощи пострадавшим от пожара или потерпевшим от других стихийных бедствий. Каждый хозяин хотя и получал пай, но по общественному приговору не мог производить рубку без разрешения общества. Разрешение давалось лишь в крайнем случае, если такая необходимость подтверждалась обществом.

Приказные в особые станичные книги записывали, кому и сколько позволено рубить в своем пае леса. Самовольная рубка исключалась. За это следовало наказание: огромный штраф за каждый срубленный корень (5 рублей серебром, а если кто срубил в чужом пае, то вдобавок — хозяину 15 рублей серебром за дерево) и командирование виновного на внеочередную полевую службу. Выборные лесничие и сами хозяева леса строго следили за порядком. Продавать внутри станиц и хуторов лес разрешалось, продавать же на сторону нельзя было.

Интересная ситуация сложилась в Хоперском округе в связи с новым лесным законом 1874 года. Используя

общинное право лесопользования и испытывая острый недостаток в стройматериалах для возведения домов, мостов, переправ, общественных зданий, к 70-м годам лесные запасы Прихоперья сильно истощились. Войсковое правление в 1896 году прислало комиссию для переписи и обмеров оставшихся лесных угодий. В станицах Слащевской и Букановской начались волнения. Казаки посчитали, что лес собираются перевести в собственность государства, и решили не допускать комиссию и лесничих к лесу. Но сами казаки, памятуя о дисциплине и последствиях неподчинения решениям Войскового правления, прямого участия в этом не принимали.

В защиту лесных паев встали казачки, выставив пикеты. Казачки были так сплочены и решительны, что ни уговоры, ни попытки силой произвести обмеры не помогли. Комиссия была вынуждена возвратиться ни с чем в Новочеркасск, а Войсковое правление организовало следствие по этому делу во главе с прокурором из Харькова.

Но казачек это мало печалило. Бюрократическая машина прокручивалась со скрипом, казачек привлечь к уголовной ответственности было сложно, так как почти у всех были малые дети. Да и хозяйство держалось на их плечах, особенно у тех, чьи мужья служили. Растянувшаяся на много лет тяжба так ни к чему и не привела.

В силу особенностей военного быта на Дону исторически выработался особенный тип женщины — неустанной труженицы, смело и энергично принимающей на себя все труды мужчины. Уронив хозяйство, она роняла свое человеческое достоинство в глазах всей честной станицы и в своих собственных.

Большие семьи были редки. После женитьбы обычно

через год или два сын уже отделялся от отца, хотя родительская власть сохранялась. Главная причина раздела семейств — жажда свободы, присущее молодому человеку желание пожить своим умом, сыграть роль главы в доме. Но важнее была экономическая причина семейных разделов. В семейную жизнь ни станичный, ни поселковый сход никогда не вмешивался и защиты против отца сын нигде не смог бы найти. Сын-работник все силы отдавал хозяйству, но не был убежден, что в случае выхода его на службу оставшаяся жена не будет обижена, что отец не выделит его против воли, не уверен был в правильности раздела имущества в случае смерти отца. Желая сохранить свой труд лично для себя и во избежание случайностей, сын считал за лучшее приготовить для себя и семьи своей отдельный угол.

В благоустроенной семье трудились все, каждый выполнял соответствующую своему возрасту работу. Жены помогали мужьям, дети — родителям. Мужчины косили хлеб, женщины гребли и вязали снопы. Мужчины привозили снопы, а старики и женщины молотили. Малолетние дети стерегли скот, служили погоньчиками при вспашке земли.

Возрождение земли связано с обустройством родного дома. И здесь опыт общинного бережного отношения к земле, воде, лесу бесценен.

Расчистить общими усилиями залившиеся родники, чтобы река вздохнула свободно, обиходить землю, чтобы она была плодородной, — что может быть важнее сейчас? Ибо чистый родник, ухоженная земля в условиях современного урбанизированного мира — бесценное сокровище, которое только и способно сохранить и поддержать жизнь на Земле.

СТАНИЦЫ ПО ХОПРУ

Урюпинская станица - 6541 житель (3327 мужчин и 3214 женщин)* — бывший административный центр Хоперского округа (с 1858 года), принадлежит к древнейшим на Хопре, основана в XVI столетии. Расположена на левом берегу реки при озерах Мелком и Подпесочном. До 1700 года находилась на правой стороне Хопра в Лугу, против нынешнего поселения, которое теперь называется Старый городок. Из-за наводнений переселилась на левый берег. Построена станица по плану, делилась на 3 части: Апарух, Станица и Ярмарочное поселение.

Дома строились из дерева (иногда каменные, но редко). Крыши плоские покрывались камышом, соломой, черепицей или железом. Больше всего было зданий, крытых железом, хотя наиболее практичной считалась камышовая крыша. Она удобна, прочна и стоит столько же, сколько и дом — 40—50 лет. Фундамент из камня. Под домами устраивались подвалы. Дома, как правило, пятистенки (4 наружных и одна внутренняя, отделяющая одну комнату от другой). Комнат от 2—3 до 5. Чулан пристраивался сбоку. Комнаты в таком случае назывались: одна — избой, другая — чуланом. Большинство домов было "круглых", так как их удобнее отапливать. Глухие стены встречались редко, во всех — окна, украшенные резными наличниками. Дома стояли отдельно от нежилых надворных построек, окнами обращены всегда на улицу.

*См.: Сведения о Войске Донском. Изд. Ф. Траилина. Новочеркасск, 1878. Вып. 1. Все сведения о численности жителей в станицах приводятся по этому изданию.

Располагались дома рядами, прямыми улицами и переулками. Отапливались дровами, но чаще кизяком и сорными травами — полынью, чернобылем. Жилища освещались сальными свечами и керосином.

27 февраля 1717 г. из Москвы была послана благословенная грамота и антиминс для церкви во имя Покрова Святой Богородицы в Урюпинской станице.

Из консисторского архива видно, что в 1740 году в этой станице была построена Покровская деревянная церковь. Она стояла около яра на песчаном месте, которое от ветра заносило песком. Поэтому в 1776 г. церковь разобрали и заложили новую на более удобном месте. В 1792 году решили построить каменную однопрестольную с такой же колокольной. В 1811 году к ней пристроили придел во имя святого Николая Чудотворца.

Утварью она была богата, в ней находилась чудотворная икона Божьей Матери, которая явилась 8 июня 1821 г. В конце XIX в. на месте явления ее предполагалось открыть монастырь, о чем был составлен приговор общества, а деревянную Вознесенскую церковь решили перенести на место будущего монастыря. Монастырь собирались, как писал И.Сулин, открыть "потому что неоднократные бедственные времена в станице, т.е. в бездожие, при падеже скота, после крестных ходов по совершении на месте этом молебна бедствия прекращались".

Кроме этой церкви в станице находились еще две — Вознесенская, построенная в 1825 г., деревянная, с такой же колокольной, и на Ярмарочной площади — каменная трехпрестольная, построенная на средства купцов, съезжавшихся на Покровскую ярмарку.

В Старом городке есть так называемое Зимовное. Существует предание, что на месте настоящего поселения станицы когда-то были пашни.

На войсковой земле при станице Урюпинской издавна существовали 2 ярмарки: Покровская и Богоявленская (Крещенская). Покровская относилась к важнейшим ярмаркам в России по торговле лошадьми, рогатым скотом, а также привозными фабричными и заводскими товарами. По масштабам торговли она занимала первое место не только в Области Войска Донского, но и в России, после Нижегородской и Ирбицкой. Возникли они в начале XVIII столетия. Есть точное указание о существовании Богоявленской ярмарки в Михайлове городке в 1725 г. (Позже эта ярмарка была переведена в станицу Урюпинскую).

Ярмарочная торговля в России существовала издревле. На пересечении важнейших торговых путей создавались временные оптовые центры торговли. Развитие ярмарочной торговли в Прихоперье связано с особыми бытовыми и экономическими условиями жизни казаков. Обширные степные пространства, бытовые пастбища дали возможность развить здесь скотоводство, полевое хозяйство, а разбросанность производителей по хуторам и станицам, удаленность от крупных настоящих рынков сбыта способствовали появлению базаров и ярмарочной торговли.

Ярмарки открывались с ранней весны и следовали одна за другой в течение всего лета и осени. Главным "товаром" в торговле Прихоперья являлся скот, причем каждая крупная ярмарка разграничивалась на два периода: в один происходил торг крупным рогатым скотом, а во второй — торг лошадьми. Среди станичной торговли

выделялись ярмарки по продаже скота в хуторе Рябовском и станице Алексеевской, куда съезжались торговцы со всей юго-восточной и центральной России. Но важнейшими были Покровская, Богоявленская или Крещенская ярмарки в станице Урюпинской. Богоявленская ярмарка вначале проходила в старейшей станице Области Войска Донского — Михайловской на Хопре (в 60-х годах XVIII века переведена в станицу Урюпинскую).

Масштабы торговли были столь значительны, что в 1732 и 1733 годах в камер-коллегию от ранненбургских (Рязанской губернии) компанейщиков поступила жалоба на то, что "заведенная в казачьих городках Урюпине и Михайлове — в первом Покровская, во втором Богоявленская — ярмарки делают подрыв ранненбургским ярмаркам, к одному с ними времени приуроченным, так как на упомянутые выше (донские) ярмарки "езды москвичи и других городов купецкие люди со всякими товарами... и торгуют беспошлинно". Но свобода торговли на этих ярмарках была подтверждена грамотой императрицы Анны Иоанновны от 25 июля 1735 года и торговые обороты их достигали: первой — свыше 5 миллионов и второй — свыше 3 миллионов рублей.

Еще при царе Михаиле Федоровиче казаки в 1640 году отправили в Москву выбранных людей, которые именем всего Войска докладывали государю, что они "служат ему, Великому государю, разъезжают по шляхам, стерегут перевозы, отбивают и своим коштом приводят в украинные города русских пленных; российских посланников в Турцию, в Ногаю встречают и провожают и всей службой просят, чтоб государь пожаловал, дозволил им ездить в украинные города со всякими товарами и торговать теми товарами

свободно без всяких налогов и притеснений со стороны воевод, на каковой конец пожаловал бы им свою царскую жалованную грамоту". В сентябре того же года Донскому Войску была дана жалованная грамота с красной царской печатью. В грамоте было сказано: "И Мы вас, атаманов и казаков за ваши многие к нам службы пожаловали, велели вам в наши украинные города со всякими товарами ездить и торговать. Из тех товаров пошлин иметь есьмя за вашу службу не велели". В течение XVII столетия она многократно подтверждалась в разных частных грамотах, посланных Войску Донскому от царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Петра Алексеевича. В XVIII столетии торговые привилегии казаков еще больше расширились. А уже упомянутая Грамота от 25 июля 1735 года утверждала беспошлинную торговлю на Урюпинской и Михайловской ярмарках "всякого звания людям", т.е. всем.

Начало съезда Крещенской ярмарки приходилось на середину декабря, официально торговля начиналась с 7 по 28 января, но иногда затягивалась до 5—10 февраля, так как торговцы ожидали своих должников. Съезжались сюда из обеих столиц фабриканты, из поволжских городов, северных и южных губерний купцы. Продажа товаров шла в кредит на сроки: и сроки назначались от одной ярмарки к другой, т.е. от Покровской до Крещенской и обратно. Такой порядок дал возможность большим и мелким торговцам в срочный период выручать деньги к сроку и снова на тех же условиях покупать товары. Когда торговля шла слабо, многие просили отсрочек до Покровской и Троицкой донских ярмарок.

Чтобы представить масштабы торговли, достаточно

указать географию поставок товаров на ярмарку. Москва доставляла сюда мануфактуру, чай, игольные, галантерейные, пушные и другие товары. От Санкт-Петербурга шли европейские вина, Киевская и другие юго-западные губернии поставляли сахар. Владимирская — мануфактурные товары, холст, лен-сырец, хрусталь, стекло, деревянную посуду и другие ценные изделия. Тверская, Костромская и Рязанская — также мануфактуру, холст, рыболовные сети. Нижегородская — холст и деревянные изделия. Тула и село Павлово — металлические изделия. Арзамас, Муром — дешёвые пушные товары. Касимов — меховые товары Средней Азии; Пензенская, Рязанская, Саратовская, Воронежская, Тамбовская, Орловская — кожевенные товары, мед, конопляное, подсолнечное масло, мыло. С Волги и Калужской губернии шли поставки железа, из Вятской, Казанской, Рязанской поступали деготь, смола; Кизляр, Таганрог, Новочеркасск, Нахичевань поставляли вина, бакалейные и колониальные товары. Станицы Первого и Второго Донских округов привозили виноград, соль; с Волги и Азовского моря шла рыба. На ярмарке с низовьев Волги сбывалось около 400 тысяч пудов рыбы. Из Острогожска — огромное количество табака, мыла. Станицы Хопёрского округа, кроме скота и хлеба, продавали прочные сукна. Из разных округов Донской области, Кавказа, киргизских степей шли шерсть, мерлушка, сырые кожи. Помимо различных товаров на ярмарку пригонялось от 20 до 40 тысяч поголовья рогатого скота. Лошади были не только с донских заводов, но и с Кавказа и даже киргизских степей.

Торг скотом на донских ярмарках имел определённый порядок. Перед центром "лавочной" торговли пересекались обычно две улицы: одна из них шла по слободе или станице

параллельно ярмарочной площади, а другая пересекала ее, причем эта вторая улица была временная, образованная за чертой слободы или станицы на ярмарочной площади двумя рядами возов или дощатых лавок. Обширный перекресток этих улиц и вся улица, параллельная ярмарочной площади, были центром торговли скотом и назывались "воловодем" или "тычком". Все дворы, примыкающие к воловодью и выходящие на ярмарочную площадь, были заняты приезжими купцами-прасолами, а базы при этих дворах до тесноты наполнены сборным закупленным скотом. В этих дворах и происходила купля-продажа.

Система торговли носила своеобразный характер благодаря посредничеству "бегунов" и "шибаев". Если бы купец-прасол начал скупать скот в розницу прямо по дворам, то купля шла бы медленно. Сортировка отняла бы много времени, а время на донских ярмарках ценилось по минутам. Поэтому купцы-прасолы прибегали к помощи "бегунов", т. е. крестьян и казаков, которые принимали на себя обязательства подыскать скот с такими качествами, которые необходимы прасолу. "Бегуны" составляли особую касту торговых посредников. Они перебирались с одной ярмарки на другую, это стало профессией. Другой кастой являлись "шибаи" — мелкие торговцы из крестьян, специально занимавшиеся барышничеством. Они вели свои дела по одиночке или в компании. Шибай-компанейцы ездили по хуторам и станицам, закупали поштучно быков, коров, телят. Набрав партию из 10—15 голов, гнали на ближайшую ярмарку и продавали оптом — в одни руки, а если это не удавалось, то разводили скот парами по прасольским дворам, стараясь скрыть при этом, что они "шибаи", выдавая себя за крестьян — собственников продаваемого

скота. Обман редко не удавался. Возвратив капитал с барышами, шибай делили его и расходовали на свои нужды, складчина же оставалась неприкосновенным капиталом по уговору. Затем они снова отправлялись набирать партию. При удаче артель шибает получала хорошую прибыль, богателя, потом распадалась и ее члены становились вполне самостоятельными "скупщиками". Скупщики формировали гурты от 100 до 200 голов на ярмарках, по станицам, выпасывали на арендованных пастбищах и откормленный скот перепродавали оптом крупным прасолам, собиравшим гурты для продажи уже в Москве, Рязани и других крупных губернских городах.

Торговля лошадьми была совершенно иной и для прасолов, скупающих скот, являлась делом "темным". Она имела своих специалистов: цыган, барышников, или, как их называли, "масов", напоминавших шибает в торговле скотом.

Ярмарка продолжалась целый месяц и в течение этого времени стягивала людей и капиталы не только со всей Донской области и сопредельных с нею южнорусских губерний, но и с разных концов России. На ярмарках раздавались задатки под предстоящий сбор: в мае — шерсти тонкорунной, в июле — зернового хлеба. Получив задатки, помещики закупали то, что им было нужно и чего область не производила, а также нанимали для предстоящих полевых работ сезонных рабочих, которые стекались на ярмарки тысячами.

Купечество Московской, Воронежской, Саратовской, Тамбовской и других губерний, взяв на откупное содержание ярмарку, выстроило огромные каменные крытые железом 10 корпусов на 400 "номеров", храм во имя Покрова Богородицы, каменный дом с залой дворянского собрания

и театром, много удобных квартир для приезжающих на ярмарку, учредило скачки, где на первое место ставились состязания за императорский приз. Скачки породистых лошадей, ежедневные спектакли в театре, вечера танцев в дворянском собрании способствовали громадному стечению народа всех сословий.

В 1858 году центр окружного управления был перенесен из станицы Алексеевской в станицу Урюпинскую; она же становится и центром народного образования в округе. До того времени не было здесь даже приходского училища. В том же году сюда переведено окружное училище с приходским при нем.

В 1877 г. открыто реальное училище, а затем женская четырехклассная школа и 3-го разряда училище, двухклассное приходское училище, двухклассная церковно-приходская школа, церковная женская школа и военная ремесленная школа.

Население с 1768 года (109 дворов; 553 "лиц мужского полу" и 487 "лиц женского полу") к началу XX века выросло почти в 6 раз. Из станицы выделилось 12 отдельных поселений и хуторов.

На левой стороне реки Хопра на низменной местности, окруженной озерами, в 20 км от окружной станицы на север находится **станция Михайловская** — 4874 жителя (2360 мужчин и 2514 женщин) — одна из наиболее древних хоперских станиц. Постройки преобладали деревянные на каменных фундаментах, некоторые из них обкладывались снаружи кирпичом. Крыши железные, тесовые, соломенные и камышовые. По причине частых пожаров (михайловцы подозревали жителей Новохоперска в поджогах из-за михайловской Крещенской ярмарки,

с которой было трудно конкурировать новохоперской, проходившей в эти же сроки), — общество станицы поставило, "чтобы все граждане по возможности крыли дома железом или тесом, а кому крыть камышом или соломой, тот должен еще на лето раскрывать или пересыпать всю крышу слоем навоза с землей". Так появились навозные крыши.

По преданию, до 1726 года станица Михайловская находилась на правом берегу Хопра, но из-за наводнений была переселена на 2 км выше по течению на левый берег. В старом Михайловом городке была деревянная церковь, построенная в 1700 году во имя Богоявления Господня. Когда ее перенесли на новое место, здесь в 1751 году была заложена каменная однопрестольная церковь во имя Сретения Господня, оконченная в 1765 году, а в 1764 году было начато сооружение второй напестольной церкви во имя Богоявления Господня, окончено в 1775 году.

Еще с начала XVIII столетия в Михайлове городке существовала Богоявленская ярмарка, много содействовавшая экономическому развитию станицы, отличавшейся от других станиц богатыми постройками и благоустройством. В 1860-х годах, как только ярмарка была переведена в Урюпинскую станицу, Михайловская станица значительно изменилась, население распалось на отдельные хутора. В юрте Михайловской станицы в XVII столетии находились городки Григорьевский, Хоперский и Беяевский (последний упоминается в актах 1675—1704 годов). Городки Григорьевский и Пристанский (находившийся на том месте, где теперь г. Новохоперск) были уничтожены после Булавинского восстания (1708 г.) — жители их частью были расселены по другим станицам, а частью вошли

в состав Михайловской станицы. Беяевская станица была переселена на Дон ниже станицы Голубинской с сохранением своего названия. А в 1734 г. по высочайшему повелению переименована в Трехостровянскую. В Михайловской станице в 1865 году было открыто I Приходское одноклассное училище; в 1866 году — II женское 2-го разряда; в 1896 году — III женское училище.

Котовская станица — 20473 жителя (9788 мужчин и 10685 женщин), расположена на левой стороне Хопра при заливе Зимовном на песчаной возвышенности. Название получила от реки Котовки, близ которой построена. Станица делится на 3 части: Иртышная (западная); средняя и крайняя (восточная). Из дел консисторского архива известно, что в июле 1721 года строилась церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

В Котовской станице самым значительным сооружением была водяная общественная мельница на протоке Хопра с левой его стороны. Имела около 200 работников, работала от "воды до воды", т.е. от того времени, когда сбудет полая вода и до разлива в наступающем году, в течение 9 месяцев. Страховка мельницы составляла 50 тысяч рублей серебром. Чистого дохода мельница давала до 100 тысяч рублей серебром. Станица выгодно сдавала ее в аренду, получая арендную плату на содержание мельницы, дорог, хозяйственных построек, станичного правления, церкви. Станичники за помол зерна не платили ничего.

Были сданы в откуп станичные озера и попасы при скотопрогонных дорогах, что являлось обычным для многих станиц.

Петровская станица — 4007 жителей (1916 мужчин и 2091 женщина) — располагалась всего в 4 км ниже

Урюпинской, во всем была связана с ней и самостоятельно-го значения не имела. Она образовалась в 1842 году из слияния Левыкинской и Бесплеменовской станиц. Время основания первой из них неизвестно, но в 1696 г. она упоминается в списке казаков, раненных под Азовом*. Вторая была основана в 1687 году. В 1849 году для новой Петровской станицы была избрана территория Левыкинской, находившейся при озере Ильмене, а Бесплеменовская обращена в хутор. В той и другой уже в 1720 году существовали церкви, построенные в начале XVIII века. В 1918 году бывшая Бесплеменовская станица, ставшая хутором, вновь исхлопотала самостоятельное станичное правление.

Добринская станица — 5086 жителей (2403 мужчин и 2683 женщины) — расположилась на правом берегу Хопра в километре от него, по обеим сторонам реки Безыменки. Первоначально станица находилась на левом берегу и одной стороной примыкала к этой реке напротив впадения в нее речки Доброй, от которой получила свое название. В 1706 году в этой станице уже была деревянная Архангельская церковь.

Тепикинская станица — 4410 жителей (2116 мужчин и 2294 женщины) — расположилась на левом берегу Хопра, при устье реки Акчерни в 17 км от окружной станицы. Первоначально она находилась тоже на левом берегу Хопра в километре от настоящего поселения на лугу, затопляемом весенней водою, почему в 1781 году и переселилась на нынешнее место. Время первого заселения этой станицы неизвестно, но из актов видно, что она существовала

*В списке отмечено так: "Хоперский казак Левыкина города Иван сын Кузнецов ранен в левый висок и по левому ж глазу из можжеры раны тяжелой".

до 1704 года. В 1724 году была построена и освящена деревянная церковь во имя собора архистратига Михаила. Из донесения от 1 марта 1764 года епископу Тихону видно, что Архангельская церковь от времени и от ежегодной полой воды сильно обветшала. Видя это, решили построить более просторную, тоже деревянную, того же наименования церковь, а в старой совершать службу. Заложен этот храм был в 1763 году.

С переходом станицы на настоящее место его тоже перенесли. В 1796 году здесь начали строить новую церковь того же наименования с приделом во имя усекновения главы Иоанна Предтечи. Сама церковь была освящена 17 августа 1801 года, а главный придел — в 1802 году. Церковь эта была каменная, с такой же колокольней, караулкой и лавками, с богатой утварью. Она имела Евангелие 1688 г. и второе — 1735 г., потир серебряный 1762 г., ковчег серебряный 1763 г., дароносицу 1762 г.

Ниже станицы Тепикинской в 3-х км от границ юртов Усть-Луговской с правой стороны Хопра при устье Буйрак Рубежный находятся признаки древнего поселения, обозначенного буграми, ямами и черепками глиняной посуды.

В 1865 г. здесь случайно был вымыт дождевой водою большой глиняный сосуд красноватого цвета, высотой 55 см с выпуклыми боками, суживающийся кверху. По краям испещрен украшениями. Со слов нашедшего, этот сосуд похож на татарский, какие ему приходилось видеть на Кавказе, у татар — так называемый "барбак". Кроме того, здесь с незапамятного времени находился яблоневый и терновый сад. Рассказывают, что на многих яблонях плоды отличались от обыкновенных лесных как величиною, так и лучшим качеством.

Луковская станица — 5302 жителя (2585 мужчин и 2717 женщин) — большое старинное поселение, которое лежит на правом берегу Хопра. Шесть кварталов расположены на верхней площадке горы и образуют только две параллельные улицы. Остальное поселение разбросано по косогорам и лощинам произвольно. До 1800 года станица находилась на левой стороне Хопра в урочище Лука, от которого и получила свое название. Верхняя часть станицы носит название Стрелка, а нижняя — Острый. Из дел консисторского архива видно, что церковь была построена и освящена еще в 1729 году во имя святого апостола евангелиста Иоанна Богослова.

Правоторовская станица — 4766 жителей (2271 мужчина и 2495 женщин) — поселена на левом берегу Хопра возле озера Бабьего. По преданию, основателем ее был казак Правоторов. Через какое-то время станица переселилась на правый берег, но из-за наводнений в 1793 году вернулась на прежнее место. Время заселения неизвестно, но впервые встречается в актах в 1707 году. В 1795 году взамен разрушившейся построена из дуба Николаевская церковь. По описи 1853 года в церкви находились следующие книги: минея праздничная, напечатанная при царе Алексее Михайловиче, Апостол 1693 года.

Бурацкая станица — 3430 жителей (1652 мужчины и 1778 женщин) — расположена на правой стороне Хопра, в 40 км от Урюпинской. Когда основана — неизвестно. В актах 1707 года уже упоминается. В 1722 году построена дубовая церковь во имя знамения Божьей Матери. К концу XIX века (1895 г.) утварь церкви состояла из

определенных реликвий: Евангелие 1688 и 1730 годов; требник 1742 года, дароносица 1765 года.

Недалеко от хутора Нехаева вверх по реке Тишанке на склоне горы сохранились следы каких-то ям, бессистемно вырытых, вал состоит из отдельных частей, между которыми нет соединений. В народе это место называлось шанцы. У подошвы горы находится холм, поросший лесом, с плоской вершиной. На противоположной стороне реки находили много железной изгари — шлака. Ближе к станице расположен курган Маяк. По преданию, он служил сторожевым пунктом.

Тишанская станица — 4090 жителей (1959 мужчин и 2131 женщина) — находится на правом берегу реки Хопра в 50 км от Урюпинска. Ниже нынешнего поселения на правой стороне Хопра расположена Зимовная Лука. С севера и запада она окружена крутой горой, а с востока и юга рекой Хопром. Известно, что до основания первых казачьих городков охотники за добычей пускались куда-нибудь в поле временно. Иногда по обстоятельствам оставались на зимовье. Здесь же и использовали тогда удобные низменные места, закрытые от холодных северных ветров. С тех пор эти места получили название Зимовная Лука.

Перед самой станицей с правой стороны возвышается крутая гора, известная под названием Маяки.

До настоящего времени курганы называются Маяками, а балки Подмаячными. Вероятно, на этих курганах выставлялся караул из предосторожности во время полевых работ по реке Тишанке.

Из дел консисторского архива известно, что в 1780 году жители Тишанской станицы просили епископа Тихона:

"В станице нашей церковь во имя Покрова Божьей Матери от давнего построения весьма ветхая, вместо нее желаем построить новое здание в то же наименование". В 1782 году была выстроена дубовая церковь, а в 1818 году ее расширили и перестроили заново.

Тишанка известна крестным ходом после литургии на день Девятой Пятницы на край станицы, где, по преданию, в ту ночь явилась одной старухе благочестивая святая великомученица Параскева с ликами других святых. К этому дню из окрестных станиц стекалось большое количество людей.

Станица Тишанская очень интересна в археологическом плане. По правую сторону прежнего городища у буерака Мечетного до середины XIX века лежали развалины кирпичного здания, называемого в народе мечетью. Открытые захоронения азиатских воинств и другие постройки, фундаменты которых были выложены из необработанного плоского камня, свидетельствовали о старинных поселениях. По народным преданиям, городище с мечетью было татарским, и пришедшие сюда из Руси казаки — основатели Тишанской станицы — застали это татарское селение многолюдным и некоторое время жили в соседстве с татарами.

Эти казаки, опираясь на возраставшее могущество родной Руси и способствуя ему, к тому же зная, что в тылу врагов живут свои братья, поселились и жили здесь гораздо смелее и безопаснее тогдашнего первоначального Донского войска.

Из преданий неизвестно, сколько времени казаки жили в таком близком соседстве с татарами и как они освободились от опасных соседей. Существует, правда, предание, что

будто бы пришло царское войско и с помощью казаков захватило татар, опустошило их жилища, разрушило мечеть и бежавших прогнало в дальние низовые степи. По преданию, развалины этого татарского городка назывались кир-мечетью.

После изгнания татар жизнь казаков стала спокойнее и привольнее. Но набеги повторялись нередко со степной правой стороны Хопра, называемой тогда Крымской стороной (в отличие от левой стороны, называемой Ногайской). Когда случаи татарских набегов стали редки, представилась возможность перенести городок на более выгодное место — правую сторону Хопра, занятую, по преданию, в XVII веке красивыми "колками", т.е. группами липовых деревьев, которые тут же были использованы для постройки домов.

В 1734 году в Тишанской станице были 2 водяные мельницы — общественная станичная и частная. В эти же годы появились хутора, вначале как зимовники для скотоводства. На некоторых актах XVIII столетия, как пишет Я. А., в Тишанском архиве сохранились оттиски станичной печати с изображением государственной короны, под которой надпись: "По Хопру Тишенской станицы 1735 года".

Станица старалась селить частные хутора как можно дальше, чтобы расширить границы юртовых владений, особенно в тех местах, где юрты пускали к свободным землям, считавшимся войсковыми. Но земельной экспансии препятствовала соседняя Акишевская станица, которая задолго до 1704 года исколотала себе во владение речку Акишевку со всеми впадающими в нее притоками. В 1704 году вторично получила на это войсковую грамоту.

Тишанцы вынуждены были занять лежащие чересполосно за рекой Акишевкой свободные земли по речке Большой Песковатке, нижней частью которой владела станица Казанская. Казанцам не нравилось такое соседство тишанцев, занявших лучшие земли по Песковатке. Возник спор за поземельное владение между этими станицами. Для разрешения спора выборные уполномоченные от станиц отправились в Черкасск, где заключили полюбовный мировой акт, по которому "они смирились и между собою впредь для бесспорного в юртах своих им и детям и потомкам их жития такой утвердительный договор положили, чтоб нам, тишанцам владеть юртом на речке Песковатке по Грачевый куст, который лежит на той речке, а от куста по правой стороне речки на крутой буерачек, а оттуда прямо ж в степь, також и по левой стороне речки от того ж Грачевого куста прямой степью; а лес, как нам их, так и им в нашем юрте рубить вольно, а ежели по сему договору мы Тишанской станицы впредь учнем в выше описанных юртах какую ссору или челобитье, то повинны будем без суда оной Казанской станице заплатить 100 рублей".

Таким образом, тишанцы явились обладателями юрта, превышающего пространством даже первоначальный старинный юрт их на Хопре. Владение это утверждено войсковой грамотой при войсковом атамане Данииле Ефремове в том же году и опять подтверждено при Степане Ефремове в 1756 году.

Ежегодному разделу подвергались лишь сенокосные луга. На всем же степном пространстве юрта сено косили вольно, кто где и сколько хотел. Поэтому вся степная местность за рекой Тишанкой называлась по старинному обычаю "вольнищей".

Паи травные получали все поровну, включая бездетных вдов. Землю пахали вольно, кто сколько и где мог. Сеяли пшеницу, рожь, лен. Сажали бахчи.

Ростовские и таганрогские купцы организовали в Тишанской станице ссыпку, "заготзерно". Весной, во время навигации, грузились суда на Борисоглебск, Балашов, Калач.

До середины XIX века процветало скотоводство. Некоторые казачьи хозяйства имели до 1000 овец, 100—150 голов рогатого скота и от 70 до 90 лошадей.

Юртовые леса считались лучшими в Хоперском округе. Они были в хорошем состоянии до раздела в 20-х годах XIX века. За 40 лет лес был почти весь вырублен. Оставалось только одно урочище с заповедным лесом.

Известно, что строгое запрещение принимать беглых и беспаспортных до 1796 года относилось только к крестьянам центральных губерний. Черкасы из Малороссии свободно селились в станицы и приписывались к ним. По 5-й ревизии 1795 года таких крестьян за Тишанской станицей числилось 30 человек "мужеского" и 26 "женского пола". Несколько семей были приняты в казачье сословие. Станичные крестьяне привлекались к общественным работам наравне с казаками, их посылали в Черкасск и другие места по плотницкому делу. Включали в число переселенцев в другие станицы.

В 1811 году все они были приняты в казаки.

После Отечественной войны 1812 года и по возвращении из заграничного похода казаки стали проявлять все большую склонность к гражданскому развитию. Окончательно соха заменяется на плуг, растёт поголовье рогатого скота, развивается промышленный "извоз" или

"ходки на волах", способствующие развитию экономики Тишанской станицы. Исчезают последние курные избы, строятся просторные, крепкие дома.

Еще до 20-х годов по инициативе одного из влиятельных граждан генерала Андриянова возникла в станице частная школа, где преподавались чтение, письмо, арифметика. Эта школа существовала до открытия приходского училища в 1866 году.

Общественный станичный доход получали в станице от сдачи юртовых степей под попас купеческих гуртов, от сдачи в аренду рыбного озера Заозерного, от 3-х мельниц на речке Тишанке, принадлежащих станичному обществу.

Торговлей занимались в основном иногородние. С начала XIX века возникла Девятопятницкая (проводилась в конце мая или июня) и Сорокомученическая (9 марта) ярмарки, куда возили соль с Маньча, используя для этого до 20 пар волов, но к середине XIX века солевозный промысел стал невыгодным и казаки снаряжали караваны на Волгу: везли оттуда сосновый лес, рыбу, деготь, соль. Рыболовством занимались 3 артели по 10—15 человек, рыбу ловили вентерями, сежами и волокушами, которые в станице получили название "приволочек". Сбывали рыбу промышленникам из северных городов и продавали в станице. Звериный промысел, прибыльный в старину, в XIX веке уже отсутствовал.

Акишевская станица — 3353 жителя (1687 мужчин и 1666 женщин) — располагалась на реке Хопер в 60 км от Урюпинска. Вначале находилась ниже по течению на 2 км, на лугу и ежегодно затоплялась водою. Место это называлось Старый городок. Станица делилась на 2 части: Вольнешняя и Шульдяково. Из дел консисторского архива

следует, что еще в 1729 году в этой станице существовала церковь во имя святого Николая Чудотворца. В 1872 году вместо деревянной построена каменная однопрестольная с колокольной. Из описи церковного имущества 1853 года видно, что в ней было Евангелие 1701 года небольшого формата с медными украшениями и потир серебряный 1763 года. Название станице дала река Акишевка.

Усть-Бузулукская станица — 4175 жителей (2012 мужчин и 2163 женщины) — раньше находилась на левой стороне Хопра в Займище на расстоянии от нынешнего места в 2 км. Делилась на две части: нижняя — Городок, верхняя — Терновская. В 1784 году построена новая каменная Крестово-Рождественская церковь. В Терновской части располагалась другая церковь — во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

В земли этой станицы входили урочища Куликовщина, Подосинное, Лука, Крутовское, Зимовье, чаща Кривая, озеро Ларино, лиман Юшкин.

Арженовская станица — 4275 жителей (1985 мужчин и 2290 женщин) — располагалась в урочище Луки на правой стороне Хопра. В 1687 году станица уже существовала. В 1777 году построена церковь во имя Святого Николая Мирликийского Чудотворца, интересна как памятник развития церковного зодчества.

Зотовская станица — 8666 жителей (4108 мужчин и 4558 женщин) — расположилась на правой стороне Хопра у Луки. В Зотовской станице в 1682 году уже существовала Архангельская церковь. В этой станице до 1747 года был святой антиминос*, освященный преосвященным

*Антиминс — плат, расстилаемый на церковном престоле под чашей и дарохранительницей.

Феодосием, епископом Воронежским и Елецким. На антиминсе надпись: "Вверх на Хопер в Зотовскую станицу от сотворения мира 7228 года, а от Р.Х. 1720 г." До 1785 года существовала деревянная во имя архистратига Михаила церковь. 3 февраля 1785 года заложена каменная во имя знамения Пресвятой Богородицы.

Федосеевская станица — 4846 жителей (2741 мужчин и 2105 женщин) — расположена на правом берегу, раньше находилась в урочище Хасиев бутор, в 9 км от нынешнего поселения, также на правом берегу. В 1777 году станица перешла на настоящее место. Делится на 2 части: Станица — нижняя часть, Красная поляна — верхняя.

Слащевская станица — 5400 жителей (2537 мужчин и 2863 женщины) — поселение на правой стороне реки Хопра, большая часть домов расположена на покато́й неровной местности. В 3-х местах станица прорезывается обширными оврагами, один из которых называется Слащин. От него станица получила свое название. Раньше она называлась Усть-Едовльскою, находилась на левой стороне Хопра в 2-х км выше теперешнего поселения. Станица делится на 2 части: верхняя называлась Рогожкин край, а нижняя — Судомойкин край. До 1764 года существовала церковь во имя знамения Пресвятой Богородицы, новая заложена в 1769 году. При хуторе Кругляковском и Самойловском жители иногда находили в прошлом старинные медные стрелы, выдуваемые ветром из песков.

Кумылженская станица — 5339 жителей (2503 мужчин и 2836 женщин) — поселена на левом берегу реки Кумылги. Прежде эта станица находилась на правой стороне реки Хопер, в дремучем лесу, в урочище, называемом Лука, против устья Кумылги. Около 1682 года станица

переселилась на нагорную сторону Хопра по течению ниже на юго-запад, недалеко от хутора Дундукова. Существует предание, что станица основана еще в царствование Михаила Федоровича, но точных сведений нет. Станица делилась на три части: Средняя, Слободка и Нижняя. По преданию, первая церковь была построена в Старом городке во 2-й половине XVII столетия. Для защиты от разбойных нападений татар вокруг церкви был вырыт ров и насыпан вал. Недалеко от станицы на кургане Кашин постоянно находились сторожевые казаки. "Кашиным" он назывался потому, что сюда в старину во время полевых работ все съезжались ночевать на один стан, или, по-тогдашнему выражению, — в Каши.

Как только государство укрепилось и опасность набегов уменьшилась, общество обратилось в войсковое правление за разрешением переселить станицу на нынешнее место в урочище Суходольский переезд. Об этом свидетельствует войсковая грамота от 6 марта 1764 года: "За вышепрописанными от вас резонами в той станице вашей переход из нынешнего неспособного на другое обыскание место в урочище Суходольское переезд на речку Кумылгу позволили". После этого жители обратились с просьбой в Хоперское духовное правление, бывшее в станице Зотовской, к епископу Воронежскому и Елецкому Тихону дозволить перевезти из старой станицы в новую деревянную церковь во имя святого Николая. 8 марта 1782 года войсковой атаман Иловайский доносил епископу Тихону, что станица Кумылженская "возымела намерение соорудить при Николаевской церкви другую, теплую Святой Троицы, а также построить по ветхости старой колокольню". В 1785 году новая церковь была освящена. В церкви

в 1895 году находилось Евангелие 1683 года, Устав церковный 1720 года и 2 пролога 1748 года.

Жители вдаль от станицы стали заводить мукомольные мельницы и базы для скота, городившиеся "засекою" и "частоколом". А при базах землянки. В 1752 году в урочище Чиганаках и в других местах по реке Кумылге было уже 13 базов. Так появились хутора. Из статистического описания земли Войска Донского за 1822 год видно, что в юрту Кумылженской станицы было уже 29 хуторов, в которых насчитывалось 217 домов.

Юртовое довольствие между соседними станицами разводилось полюбовно. Обозначалось известными урочищами, в которых насекались грани на деревьях, ставились столбы, большие камни. Границы эти периодически осматривались станичными атаманами и стариками, разрушившиеся знаки возобновлялись по указанию старожил, помнивших грани. Когда возникали споры, то жаловались Войску и для развода юртов присылались из Черкаска назначенные лица. На некоторые местности по просьбе станиц давались войсковые грамоты. В позднейших актах упоминается грамота войскового атамана Фрола Минаева, определившая станице Кумылженской владения вверх по реке Кумылге до урочища Круглого гаю. В 1727 году при войсковом атамане Андрее Лопатине дозволено было владеть названной речкой по Гордов шлях. По челобитью Зотовской станицы велено было сделать некоторые изменения в границах. В том же году по челобитью Кумылженской и Слащевской станиц послана была им войсковая грамота, чтобы они между юртов на Крымской стороне (правой стороне Хопра) имели рубеж по войсковому приговору. Для развода был прислан казак Иван Васильев,

которому поручено было "станичными атаманами и казаками посторонних станиц и старшинами, кого обеими станицы пожелают" ставить грани. Развод производился следующим порядком. На пашне, из-за которой была ссора между казаками Кумылженской и Слащевской станиц, поставили столб, от столба взяли направление к Хопровому урочищу — устью Кумылги, где на дереве насекали грань, "а к Хопру лука, то Слащевской станице также по Хопру водою владеть по-прежнему". Затем от поставленного на пашне столба взяли направление "в степь прямо на дуб, и на дубу по разводу насечена грань", а от дуба опять прямо в степь, и тем оканчивался развод. После этого ссоры прекратились. Когда же из бывших челобитников никого в живых не осталось, то 8 марта 1759 года "для освидетельствования показаний молодым людям рубежных мест" съезжались станичные атаманы, старики и по общему совету избрали "старожилого старика Григория Ежова (Слащевской станицы), который был при разводе юртов в 1727 году". А так как по направлению от известной спорной пашни в степь граничного дуба уже не оказалось, а остался только пенек от него, вместо этой грани "для незабыльной памяти положили самородный большой камень". Через 20 лет, в 1779 году снова возникли разногласия по размежеванию. На этом заканчиваются письменные сведения о старинных юртовых разграничениях. В 1847 году станице был отмежеван юрт уже по положению Области Войска Донского 1835 года.

Как предположил А.Корнилович*, основали Кумылженскую выходцы из низовьев Дона, гулебщики, которые приезжали на зиму для звериного промысла. Но местный

*Корнилович А. Русская старина. М., 1824. С.230.

говор, напоминающий наречие Шацкого уезда Тамбовской губернии, многие обряды свидетельствуют об ином. Из сохранившихся преданий известно, что в середине XVII века предок теперешних Фроловых Даниил Гладкий приплыл на плоту из России и поступил в состав граждан этой станицы. Потом у него был внук Фрол Гладкий. Из детей же Фрола некоторые стали называться Фроловыми. Позднее, когда выход переселенцев из России на Дон был строго запрещен правительством, некоторые казаки продолжали брать себе оттуда жен, с "платою за вывод их денег". Из войсковой грамоты от 17 марта 1752 года видно, что Кумылженской станицы отставной казак Афанасьев послан был в Тамбовскую провинциальную канцелярию "для взятия и приводу достоверной справки в даче ему за взысканное с него за вывоз жены его Ирины по указу выводных денег 10 рублей выводного письма".

Много было выходцев из Украины. В актах 1748—53 годов встречаются фамилии чисто украинские: Болдырь, Григорьевский, Долгой, Пичуга, Сось, Хохлач. Некоторые изменились: Луконосенков, Рог — Рогины, Чера — Черсковы, Шило — Шилины. Многие казаки по обычаю запорожских подстригали волосы в кружок, носили мужские сорочки украинского покроя, с прямым, а не с косым, как у россиян, воротом. Пахали исключительно украинским плугом. Речь их имеет оттенки украинского наречия, например, все казаки говорят вместо "есть" — "исть".

Встречались фамилии Мордвинцевы, Мещеряковы, Кубраковы.

Букановская станица — 4379 жителей (2052 мужчин и 2327 женщин) — расположена на правой стороне Хопра. По положению 1835 года к ней присоединена

бывшая Остроуховская станица, превратившаяся в хутор. В 1768 году от наводнения станица передвинулась на 1 км правее. Бывшая Остроуховская станица находилась в урочище Зимовной Луки. В 1779 году переселилась на настоящее место. Станица Букановская делится на 3 части: Заречная (верхняя), Полиновка (средняя) и Терновская (нижняя). До 1760 года в Букановской станице была ветхая Покровская церковь. Относительно ветхости и бедности этой церкви вот что пишет епископу Тихону священник Василий Межев: "В оной церкви на алтаре великая паутина, на престоле одежда олевая, евангелие ветхое, на жертвеннике пестрой крашенины притон, завеса царская крашенинная. Риз — 3, 2 епитрахили, поручи одни ветхие бархатные."

Станица Букановская — одна из самых малоземельных станиц не только в Хоперском округе, но и в Области Войска Донского. Имела всего 14 десятин на "душу мужеского пола", тогда как средний надел составлял 30 десятин. Исторически так сложилось, что по положению 1835 года к юрту Букановской станицы предполагалось присоединить юрт бывшей Остроуховской, которую собирались всю переселить на новое место, в состав вновь образованной станицы Преображенской. Жители Остроуховской не заботились о земле, а Букановская еще не уяснила себе собственного права на все земли Остроуховского юрта. Когда шло межевание, этим воспользовалась Кумылженская станица и присоединила себе часть Остроуховской земли, так что межа прошла рядом со станицей Остроуховской.

После обмежевания выяснилось, что переселять всю Остроуховскую станицу разорительно для жителей. Реше-

но было Остроуховскую присоединить к Букановской и из них обеих 203 семьи по жребью переселить в Преображенский юрт.

Обе эти станицы были малоземельными и раньше, а после объединения оказались вовсе без земли. Раньше Букановской станице предоставлялась свободная войсковая земля на речке Елани, куда с весны отгонялись конные табуны, гулевой скот и стада овец на все лето до глубокой осени. Но во время межевания эта земля отошла в юрт Слащевской станицы. Юрт Букановской остался в прежних границах. Напротив станицы, с левой стороны Хопра на 20 километров тянутся сыпучие пески. Получилось, что для пашни земли мало, для сенокосов тоже. А для скотоводства еще меньше. Не оказалось пастбищ и для станичного конного табуна. Число скота и лошадей каждый год уменьшалось. В 1865 году кодификационный комитет определил станице дополнительно до 23 десятин на душу в свободных землях чересполосно, но и спустя 5 лет жители этих земель не получили.

Усть-Хоперская станица — 3802 жителя (1875 мужчин и 1927 женщин) — расположена на правой стороне реки Дон, первоначально находилась на левой стороне Дона в урочище Зимовной Луки при устьях Старого и Нового Хопра, отсюда и название Усть-Хоперская. Когда станица перешла на правую сторону Дона, неизвестно, но из журнала Петра I видно, что в 1696 году городок Хопер стоял уже на правой стороне. Время первоначального заселения станицы тоже неизвестно. Существовала она уже в 1672 году. В 1724 году по благословению митрополита Пахомия была построена церковь во имя Николая Чудотворца. В 1884 году была заложена каменная церковь с коло-

кольной. Недалеко от станицы расположены курганы: Малый Мечетный и Большой Мечетный. По преданию, на этих курганах черкесы в древности выставляли пикеты.

Почтовая служба

Почтовым станциям в Области Войска Донского уделялось особое внимание. До 1846 года почтовая гоньба, хомутовая повинность отбывалась в станичных обществах снаряжением казаков, зачисленных из строевого разряда в запасной для внутренней службы по войску, а также подростками от 17 до 19 лет. Отбывали ее понедельно, путем очередного наряда обязанных казаков и подростков, которые делились на десятки или сотни. Каждому доставалась очередь через 3 — 5 недель. В крестьянских волостях почтовая служба осуществлялась также с помощью очередного наряда семейств по числу в них душ. Такой порядок был консервативным и малоэффективным. Кто-то откупался, кто-то по причинам нездоровья не являлся в очередь на почтовую станцию. Станичные правители при требовании подвод (особенно проезжающими по казенной надобности чиновниками, служащими) вынуждены были делать распоряжение, чтобы лошадей и повозки брать без всякой очереди у первого встречного, невзирая ни на какие отговорки. В некоторых станицах прибегали к другой мере: загоняли с поля станичный рабочий табун и ловили для упряжки табунных лошадей. Хомуты брали у купцов, иногда из лавок кожевников. Если станичному начальству пред-

стояла какая-либо дальняя поездка по делам службы, то атаман, бывало, заблаговременно, когда граждане еще собираются на сбор, увидев у кого-нибудь рессорную бричку с бушеванными колесами, писал приказ снарядить эту бричку в дальнюю дорогу.

В 1846 году 3 станицы Области Войска Донского — Аксайская, Сретенская и Александровская — рассчитали, что отбывка этой повинности натурой обходится каждому в 80 рублей, тогда как наем обойдется всего в 28 рублей. Расчеты представили в войсковое правление. Войсковое правление, собрав сведения по всем станицам и убедившись, что отбывка подводной повинности наймом во всех станицах выгоднее отбывок натурой, просило военного министра "дозволить наем". Положением от 2 апреля 1846 года это было высочайше утверждено.

Общества большинства станиц составили приговор, выступив против найма. Те станицы, которые располагались у трактов, у пересечения важнейших дорог, понимали, что наем будет для них обременительным. Дело в том, что спрос на подводы в этих станицах всегда был огромный, а обязанность отбывать повинность затрагивала незначительную часть казаков. Поэтому сумма найма могла возрасти до таких размеров, которую уплатить многие были бы не в состоянии.

Кроме того, наемное почтосодержание было обременительным и для чиновников. Например, судебному акцизному приставу, который оплачивает прогоны, необходимо проехать из станицы Урюпинской в хутор Родионов на Кардаиле или в волость Николаевскую. Его не повезут прямой дорогой — в хутор Сычевский Михайловской станицы, до которого 19 км, а оттуда еще 21 км до хутора Родионова.

А повезут из Урюпинской в станицу Котовскую, затем в Добринскую, в Михайловскую, в хутора Серков, Сычов, Дупляцкий и, наконец, в Родионов. Вместо 40 км придется проехать свыше 100. Формальное объяснение: извозчик вначале доставит вас в станицу, к которой приписан хутор, а затем уже по месту назначения. Если ехать из верховых станиц в Черкасск, то из Екатерининской станицы не повезут сразу через Нижнекундрюческую, а вначале завезут в Усть-Быстрианскую, потом Верхнекундрюческую и только после этого вы попадаете в Нижнекундрюческую. Если ехать вверх по Хопру из Усть-Бузулукской в Правоторовскую станицу, то вы попадете вначале в Алексеевскую, Дурновскую, Ярыженскую, а затем в Правоторовскую, вместо того, чтобы по прямой проехать путь в 3 раза короче. Борьба с этим практически было невозможно. Все станицы по Хопру имели почтовые станции, за которыми были закреплены по 5—6 троек и от 1 до 5 трактов. При перегонах от 17 до 25 км лошадей все равно не хватало. Если гон был большой, сведения об этом записывались в станционные книги, если нет, зачастую и записей никаких не велось.

Семейный быт

Семейная традиция связана с жизненным укладом казачества, его общинным устройством. В основе этой традиции — родительская власть. Живут, к примеру, в разных домах отец, мать, сыновья, невестки, замужние дочери, но семью составляют одну. Семья распадается со смертью

отца и матери. Старший сын не вправе брать на себя функции главы семьи. Бывает, что отец или мать по состоянию здоровья или возрасту устраниются от ведения хозяйства и передают его в распоряжение сына. И в этом случае сын не может распоряжаться самостоятельно: всегда спрашивает совета у отца или матери, находится под их строгим контролем, в любое время может быть наказан и лишен власти. Если отец умирает, власть переходит к матери. На членов семьи, живущих в своих домах, отдельно, власть родителей распространяется так же, как и на живущих в одном доме. Отец и мать не только вникают во все домашние дела отдельно от них живущих детей, наказывают их в случае необходимости, но могут взять у них все, что им угодно или перейти к ним жить. Даже могут забрать все хозяйство и заставить на себя работать.

Обычно, если у отца несколько сыновей, он их не держит при себе, а отделяет. Себе оставляет незначительную часть имущества. Если с родителями остается жить, как правило, младший сын, то после смерти все имущество переходит в его собственность — тому, "кто их докормил". Умирая, отец или мать распределяли все между детьми, внуками без всяких завещаний и записей. И все строго выполнялось. Если отец или мать сомневались, что их предсмертная воля не будет нарушена, они призывали двух-трех свидетелей и их слова были равносильны духовному завещанию. Если при исполнении духовных завещаний возникали споры, они разрешались обществом стариков.

Отношения между детьми, сведенными от разных браков, могли быть различны. Дети, которых привела в дом к отчиму мать, считались в семье чужими, даже по отношению к вновь родившимся братьям и сестрам по матери. На-

оборот, усыновленные и приемыши считались родными и имели равные права на наследство. Если после возвращения со службы муж признавал незаконнорожденного ребенка своей жены за своего сына, тот становился родным. Усыновление происходило без всяких формальностей, фамилию ребенок мог носить другую, часто ту, которая давалась при крещении.

Если в семью принимался зять, он считался за сына, но формально никогда не усыновлялся. Положение зятя хуже положения усыновленного, он всегда притеснялся. Народная молва говорила — "зятнина шуба всегда под лавкой", "большое место зятя в углу, где рогажи ставят". Если кто видел собаку без хвоста, говорили: "должно быть, в зятях была, что хвост сбыла". Принимая к себе зятя, тесть и теща заключали с ним устное соглашение обязательно при свидетелях. Варианты соглашений: "если зять докормит нас до смерти, то все, что мы имеем, будет его (если у них был сын, то пополам с сыном); когда же он уйдет от нас, не прожив 10 или 5 лет, то получит какую-либо часть или ничего". Иногда соглашения составлялись письменно в станичном правлении.

Доходило до курьезов. Газета "Донской голос" в 1885 году писала: "В станице урядник Родион Тарасов словесно заявил жалобу Михайловскому станичному суду о том, что зять его станичный казак Сергей Кузнецов самовольно ушел от тестя своего к родному отцу Евдокиму Кузнецову, у которого проживал целый год и пользовался паями травными и земельными. Ответчик, отец Евдоким Кузнецов, показал, что собственную землю действительно распахивал и сын у него прожил действительно один год. Станичный суд постановил: т.к. зять урядника Родиона

Тарасова самопроизвольно ушел от своего тестя к родному отцу, где проживал полный год, в чем и сознался сам отец Е. Кузнецов, а потому станичный суд постановил: от родного его отца Евдокима Кузнецова взыскать 25 рублей за прожительство и работу у него в доме, о чем объявить уряднику Родиону Тарасову. Подписали судьи: Слепов, а за неграмотного — Беспалов и Путилин."

По всей видимости, было заключено соглашение и, не работая в семье своей жены, по этому соглашению спустя какое-то время (5 или 10 лет) зять приобретал права на часть имущества тестя и тещи. Таким приговором общество пыталось воздействовать на сознание семейного человека, соблюдая справедливость имущественных прав.

Из духовных родственных связей важнейшим считалось кумовство. Кум о куме не только сам ничего не должен говорить дурного, но даже и слушать от других дурные о ней отзывы. Вражда и ссора между кумом и кумою — тяжкий грех. Вступить в брак не может не только кум с кумою, крестник с дочерью крестной матери, но даже внук с крестницей своей бабушки. Что же касалось побратимства, то оно не служило препятствием к браку. Названные братья, чтобы еще более укрепить дружбу, старались соединить браком своих детей. В старину побратимство было очень распространено: редкий казак не имел названного брата, за которого, не раздумывая, готов был умереть. Названные братья менялись нагрудными крестами и обязывались защищать друг друга.

Станичный суд

Общественный станичный суд имел свою историю. С самого начала суд вершило все общество, круг. Круг решал все гражданские и уголовные дела, кроме тех, которые подлежали смертной казни. В случае иска истец являлся в круг и объявлял свою жалобу словесно. Круг требовал налицо ответчика, допрашивал его и выносил решение. Решение исполнялось сразу же. Если совершалось уголовное преступление, в круг являлся либо пострадавший, либо выступали два, три и более свидетеля. Они излагали обстоятельства преступления и выносили обвинительное заключение. Круг допрашивал обвиняемого и выносил решение о наказании. Когда о преступлении, до объявления его в кругу, узнавал атаман, он проводил собственное расследование и затем предлагал его на обсуждение в кругу, причем сообщал свое мнение о мере наказания преступнику. Круг рассматривал дело, допрашивал свидетелей и обвиняемого, выясняя мельчайшие подробности события, принимал решение. В 1835 году в новом положении об управлении Донским войском права круга (сбора станичного), как судебного места, несколько ограничивались, на практике эти ограничения игнорировались. Станичное правление считало важным уголовным преступлением только убийство, о котором доносило сыскному начальству. С другой стороны, каждый из граждан считал для себя более выгодным судиться станичным, как бы семейным судом, чем иметь дело в сыском ведомстве. Там дела тянулись долго и дорого стоили. В 1870 году вышло новое постановление об управлении в казачьих станицах, по которому станичный сбор лишался права суда совсем.

Учреждался особый станичный суд, который состоял из ежегодно избираемых обществом нескольких судей. Суд этот имел право разбирать споры и тяжбы ценой до 100 рублей включительно, а также "все дела по маловажным проступкам".

Точных правил для руководства при производстве дел станичный суд не получил. Предписывалось судить по внутреннему убеждению и по принятым старинным обычаям и правилам. Вначале разницы между кругом и станичным судом никто не заметил, но вскоре была открыта камера мирового судьи, многие старинные обычаи и правила перестали быть законом и даже преследовались.

Из-за боязни ответственности за превышение власти, не имея на все точного указания, суд стал принимать к разбору только гражданские споры и тяжбы. А также различные проступки (непослушание, пьянство). Воровство, даже мелкое, станичный суд уже не рассматривал. Вместе с ограничением станичного суда вышли из употребления и те меры, которые употреблялись раньше. Станичный суд мог в качестве наказания либо подвергнуть аресту до 7 дней в станичную тюрьму, либо наложить денежный штраф — до 3-х рублей серебром в доход станицы. Раньше, кроме наказания плетью и розгами на полном сборе, общественный суд мог определить: забить в колодки; посадить в тягилевку (тюрьму); водить по улицам с поличным (ворам связывали руки и вешали на шею украденное, водили по станице, били в ведра, заслонки, кадушки); послать без очереди на службу; употребить на общественные работы; наложить штраф в пользу станицы или магарыч (покупку вина) судьям, т.е. всему собравшемуся обществу.

Последнее наказание было наиболее частым, сопровождало почти любое другое. Виновный часто сам покупал обществу водку. Если он этого не делал добровольно, общество само исполняло это за его счет. С виновного снимали одежду или брали какое-нибудь имущество и закладывали кабатчику или продавали с аукциона всем желающим. Это называлось "ободрать виноватого". Вот несколько случаев из судебной практики 1800 года. Казак явился во время сбора в станичную избу пьяный, вышел из благопристойности, кричал и стал ругать стариков разными скверными словами, а как он был замечен и прежде, то его и не выпустили из избы, а посадили в колоду и через день наказали плетью. Казак у казака "унес из церкви с намерением воровства" теплую шапку, обложенную поплиновым позументом, и за это был арестован при станичной тюрьме на три дня. Две казачки украли 1 четверик пшеничной муки, 2 побочные дубленые шкуры, 5 пар подошв, юфтовые переда, два окорока свиных, подзатыльник с кички и два платка. За это их водили со всеми этими вещами по станице и секли на сборе розгами. Казак украл у казачки махотку сметаны и корчагу кислого молока и за это был сечен на сборе розгами. Мужик украл женскую юбку и его, нарядив в нее, водили по станице с барабанным боем. Казак украл несколько овец из ватаги; так как это было уже не в первый раз, то его присудили к самой высшей мере наказания: бить плетью на полном сборе и записать это в штрафную станичную книгу. Кроме того, он должен был вознаградить хозяина украденных овец. Казак украл два хомута, корыто, лемеш, чересло, буравцы, долота и проч. Его поймали с поличным и присудили выпить за его счет два ведра водки, взвалить ему на голову украденное имуще-

ство; потом положили все в корыто и, привязав к нему веревку, заставили таскать по всему поселку; водили его с барабанным боем до тех пор, пока он от усталости не упал без чувств на землю. Свекор имел связь со своею снохою. Жена его и сын (муж снохи) явились в общественный суд с жалобою. Суд, разобрав дело, приказал виновному тут же мириться с женою и сыном и не делать греха, а в противном случае грозил ссылкой на долгий срок без очереди на службу. Преступник на коленях просил прощения у жены и сына и был ими прощен. После этого суд приговорил: посадить прелюбодея и кровосмесителя в подполье на два дня. Казачья жена вознамерилась уйти от своего мужа с одним мужиком. Муж догнал ее на дороге, с помощью соседей привел вместе с мужиком в станичное правление, которое приговорило: связать виновных (казачку и мужика) рука с рукою и водить по станице с барабанным боем.

Главным судебным доказательством и уликами для преступников служили поличное, свидетели и собственное признание. Свидетеля достаточно одного. В качестве судебного доказательства использовались: присяга, клятва, целование икон, целование дула у заряженного ружья со взведенным курком. Если преступление не доказано или преступник неизвестен, в наказание ему ставили "обидящую" свечу, т.е. комлем вверх. Старались не ругать и не проклинать укравшего, а желали ему добра и здоровья, даже служили молебны за его здоровье. В этом случае его обязательно начнет мучить совесть и он, пожалуй, принесет украденное.

На тяжкие преступления, например, убийство, казаки смотрели как на что-то роковое и predetermined судьбой. "От сумы да тюрьмы никогда не зарекайся", —

говорили в народе, считая, что никто не может поручиться, что не станет нищим или преступником. Убийства были очень редки. В большинстве случаев муж убивал жену или жена мужа по разным причинам, иногда из ревности. В другом случае убивали или в драке, или из мести.

Причину воровства народ видел в страсти. Страсть эта, по народному представлению, бывает так же непреодолима, как страсть, например, к спиртным напиткам. Считалось, что для этих лиц воровство превратилось в потребность, без которой они не могут обойтись, как без пищи: крадут все, даже то, что лично им не нужно. Если у посторонних украть нечего, они крадут у своих близких или даже у самих себя: повесят, например, на тын шапку и, воображая, что она чужая, скрадывают ее.

Самоубийства также были чрезвычайно редкими, в основном из-за жизненных лишений, болезненного состояния или семейного несчастья. Народ смотрел на самоубийство как на наваждение нечистой силы. Задумавшего повеситься нечистая сила уже не оставит в покое, она ходит по пятам и подталкивает его к самоубийству.

В одной из быличек рассказывается о казаке, который шутя решил попробовать, как вешаются. Он сделал петлю, привязал ее к крюку и сказал товарищу, чтобы тот перерезал веревку, когда он подаст ему знак, надел ее себе на шею. Только он повис, в это время в казарму — дело было на кордоне — вскочил заяц и собаки, которые за ним гнались. Наблюдавший за повесившимся казак бросился гнаться за зайцем. Когда же он возвратился, было уже поздно.

Встречались преступления особые. В неурожайные годы люди оказывались в самом безвыходном положении: купить хлеба не за что, а занять не у кого, так как все

имеющие хлеб считали более выгодным продать его, чем дать займы. Между тем у зажиточных довольно много хлеба оставалось в степи необмолоченного. Бедняки в таком случае его брали самовольно займы. Неожиданно исчезает хлеб, неизвестно кто взял. На второй или даже на третий год при хорошем урожае хлеб привозится и складывается на том же самом месте. Иногда на току берущий оставлял записку. В ней он писал, что взять хлеб заставила крайняя нужда и с первым урожаем он будет возвращен.

Сделки и договоры

Кроме имущества, приобретенного личным трудом, существовали и другие способы приобретения: дарение, находка, сделка и договор. Дарение было распространено, но обычно выражалось в оказании помощи малоимущему казaku справиться снаряжение на службу. Казаков на службу провожала вся станица, родственники одаривали уходящих деньгами. Со службы казак обязательно привозил всем родственникам подарки. Обычно это были кафтаны, фуражки, сапоги, платки. Чем больше подарков и чем они лучше, тем больше чести служивому. Бедность служивого или отсутствие гостинцев навлекали на него всеобщее презрение.

Очень часто состоятельные родители, узнав, что их сын идет со службы без денег, что ему даже не на что купить гостинцев, чтобы избавить его от позора, посылали ему на встречу деньги на необходимые покупки.

Имущество приобреталось и посредством находки.

Нашедший что-либо объявлял о своей находке соседям, потом станичному правлению. Если удавалось разыскать хозяина, то вещь возвращалась ему без всякого вознаграждения, если хозяин не находился, нашедший вещь забирал ее себе. В отношении найденного или приблудившегося скота, лошадей, овец правительство установило определенный порядок. Необходимо было заявить в станичное правление, которое, как правило, публиковало сообщение об этом в войсковых газетах. Если в течение полугода после публикации хозяин найденного скота не отыскивался, то скот продавался с аукциона при станичном правлении, одна треть от вырученной суммы отдавалась нашедшему, а две трети обращались в пользу казны. Утайка найденного считалась дурным делом, но как воровство не преследовалась.

Клады также относились к находкам, но особым, с закладом. Поэтому их найти очень трудно. Они не всем давались, даже если кто-то и знал точное местонахождение клада. Если кто находил клад, он поступал в его полную собственность. О кладах существует много преданий. Об огромных, таких, как клад Степана Разина, до отдельных золотых или серебряных монет. Беспокойная жизнь и постоянная опасность в старые времена заставляли зажиточных людей пускать деньги не в оборот, а прятать в укромных местах или закапывать в землю. О том, что кладов много, свидетельствуют различные предания. Например, один старожил рассказывал, что в 1828 году, во время войны России с Турцией он был в Венгрии с отцом. Там отец его был ранен турками и умер. Умирая, он сказал сыну, что дома закопал пять горшков с деньгами, указал точное место. По возвращении домой сын обнаружил, что дом

перенесен на другое место, по приметам он искал, но не смог найти. Деньги эти до сих пор находятся в земле. Об одном из казаков распространилось предание, что у него несколько десятков тысяч денег и он их закопал в землю. Лет через пять пошел свои деньги проведать, откопал и увидел что-то страшное, испугался, заболел горячкой и уже несколько месяцев не встает с постели. Ему уже 80 лет, но что он там увидел и почему боятся даже говорить об этом, никто не знает.

СЕНОКОСЫ

Сенокосы в Прихоперье имеют огромное значение. Будучи сельскохозяйственным и скотоводческим одновременно, и этим отличаясь от других округов, как южных, так и северных, Хоперский округ занимал ведущее место в земледелии Дона. Как свидетельствуют статистические данные П. С. Балуева, с 1894 по 1898 год, т.е. за пять лет, имея пай земли в пользовании одного казака наименьший среди всех округов, 60,46% казаков обрабатывали землю самостоятельно. Это самый высокий показатель в Донской области. И скотоводство здесь было развито не потому, что хозяева рачительны, а потому, что скотоводство подчинено земледелию и домашнее животное — это своего рода машина по переработке продуктов земледелия. Там же, где скотоводство существовало самостоятельно, вне связи с земледелием, или было мало ему подчинено, бескормица не прекращалась и скот погибал чаще и в большем количестве. Т.е., как бы ни был запаслив земледельец-скотовод, у него всегда найдется солома, тогда как скотовод-неземледельец зависит от урожая только сенокосных угодий и цен на сено. Затянувшаяся зима иной раз обманет расчеты хозяина, затянется на 3—4 недели, сено поднимется в цене. Возникает дилемма: держать скот, особенно лошадей, впроголодь или платить за сено втридорога. Хорошо еще, если есть где купить сено, гораздо хуже, если и купить-то негде. А солома у земледельца всегда есть. Правда, случается, что и изобилие кормов не спасает. Как пишет С. Номикосов в "Статистическом описании Области Войска Донского", "в пределах области ровная,

погожая зима — большая редкость. В большинстве случаев она гнилая, т. е. сыкотная. Если же иногда и бывают глубоко-снежные зимы, как, например, в 1864 году, то лучше бы их совсем не было. Непрерывно дующий в одном направлении, в течение 5—6 дней, ветер наносит до того глубокие сугробы, что ни пройти, ни проехать невозможно. Бывали также случаи, что в течение недели нельзя было доставить корма скоту и он буквально погибал от голода".

В станицах под сенокосы отводилась часть юртовой земли, естественные луга и целинная степь. Места, отведенные под сенокосы, не только никто из станичников не имел права тронуть плугом, но и скота не мог пустить. Редко какое из решений станичных властей так почиталось, как распоряжение о неприкосновенности сенокосов. Весь сенокос делился на сотки, а сотки на пай, по числу всех наличных душ мужского пола, имеющих право на сенокосные пай. Распределив пай по жребью, на сходе назначали день, когда сенокосение должно было начаться, и срок, в который сено должно быть убрано. Обычно укладывались в две недели. До истечения срока казак, получивший пай, может скосить траву сам или продать ее на корню кому пожелает. По истечении срока любой станичник волен косить траву везде, где она еще осталась. Обыкновенно с уборкой сена спешили, чтобы заготовить качественное сено, а оставшуюся траву скормить скоту. Такой порядок пользования сенокосами практиковался почти во всех станицах и хуторах Хоперского округа, так как сохранялось общинное владение землей.

В тех станицах, где земля была поделена на подворные участки, всякий хозяин пользовался своим участком на праве частной собственности.

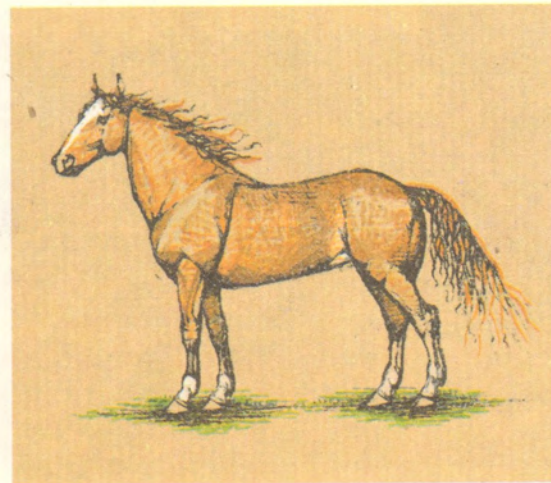
Крестьяне, за редким исключением, не имели сенокосов. Они арендовали их у помещиков, станичных обществ или у арендаторов войсковых земель. Арендовали иногда за деньги, чаще брали из части, с 5-й, 4-й или 3-й копны хозяину. В густо заселенных местах, скудных площадями, крестьяне давали половину сена хозяину травы, а иногда и две трети. Снимали сенокосы вблизи своего жилья, но, бывало, и за 40—50 верст.

В помещичьих имениях и на чиновничьих участках целинные попасы к середине XIX века сохранились у немногих. Клочок целины на участке земли от 200 до 800 десятин являлся признаком расчетливости хозяина или более скромных его требований от жизни. Сенокосы луговые и степные существовали повсеместно, где хозяйствовали разумно и под зерновые не распахивали все земли подряд. Но были и селения, где на тысяче и более десятин невозможно накопить десяти копен сена. Это имения, заложенные в банках и совершенно безнадежные к выкупу. Хозяева их, в ожидании удара аукционного молотка, махнули на все рукой и с ожесточением ринулись выжимать из земли последние соки, распахивая даже превосходные естественные луга. Другая категория — чиновничество, сдающее свои участки в долгосрочную аренду (без условий) ежегодной распашки земли. По окончании срока аренды земля возвращалась хозяевам непригодной к сельхозпроизводству.

Если брать в среднем, то сена должно было бы хватать с избытком для прокорма скота в Прихопёрье. Но это в среднем. В сухие годы, в недород, хозяева не собирали и трети от "среднего" уровня, в годы обильных урожаев травы они могли бы накопить сена вдвое больше, чем нужно,

с запасом. Но недостаток денег при чрезмерно повышающейся зарплате, а иногда и недостаток рабочих рук не позволяли этого сделать. Поэтому большинство хозяев накашивали сена сколько смогли, а не сколько хотели.

ДОНСКАЯ ЛОШАДЬ

Обильные и тучные пастбища прихоперской низменности способствовали степному коневодству. Летом лошади находились на отгонных пастбищах, переходя из одного места на другое, пока на предыдущих не отрастала трава. В Слащевской и Кумылженской станицах коннозаводчики имели небольшие, но ухоженные табуны.

Осенью после обильных дождей отрастали ковыль и тирса, образуя т.н. типчак, который и составлял основное продовольствие лошади. В зимнее время, если снег был не велик, лошади питались травой, оставшейся от лета. Как бы ни был глубок снег, даже если снежный покров достигал 30—40 см, лошадь выгребет траву из-под него. Но если во время оттепели ударял мороз и все пространство покрывалось гололедицей, табуны перегонялись на подготовленные базы, под навес, и их кормили сеном дома. Если гололедица захватывала табун вдали от жилья и его приходилось гнать по ледяному полю 2—3 км, то такое движение шаг за шагом совершалось в течение суток, чтобы не покалечить лошадей. В зимнее время табун подвергался еще большей опасности от метелей, которые в открытых степях бывали сильными и продолжительными. Табунщики научились предугадывать приближение метелей. Если метель застигнет их врасплох — горе табуну, горе табунщикам. Единственное средство спасения — держать всех лошадей вместе. Во время метели табун старались загнать в балку или под гору, где бы лошади смогли найти слабую защиту от резкого холодного ветра. При больших метелях лошади бегут по направлению ветра. Чем сильнее ветер, тем быстрее они

бегут. Более слабые лошади отстают от передних, напрягают все свои силы, потеют, а потом, будучи не в состоянии продолжать бег, падают и легко замерзают. Но и самые сильные лошади, приходя в азарт, скачут, что есть духу, не избегая опасности, рискуя искалечить себя. Бывало, что лошади, загнанные бурей, погибали в каком-нибудь обрыве.

Некрасива лошадь в зимнее время: безобразно худая, с выдающимися костями, с всклокоченной шерстью, она имеет самый жалкий вид. По местному народному выражению, лошадь зимой только "кожа да кости".

С наступлением весны, в мае, степных лошадей уже не узнать. Сочная трава и обилие воды делают их бодрыми, здоровыми, сытыми. Но только до летнего зноя — новых терзаний для степной лошади. Жаркий летний день, солнце в виде раскаленного шара стоит неподвижно в воздухе, иссушило воду в балках, выжгло траву, земля растрескалась, дождя нет и не предвидится. К голоду и жажде в летнее время присоединяются муки, причиняемые оводами, мошкой и пауками. Почти безошибочно можно сказать, что в табуне, состоящем из 500 маток, вряд ли 70 лошадей одного опонеса достигают трехлетнего возраста.

Происхождение пород лошадей обуславливается климатом, условиями содержания, кормом и тем, для чего, собственно, выращивают лошадь: хозяйственная она, военная или вьючное животное торгового каравана.

Донская лошадь под влиянием обычных климатических условий представляет собой своеобразный тип со следующими признаками: узкий склад тела, шея оленья, голова высоко задрана кверху, с горбатым носом и очень развитой нижней челюстью, брюхо малое, поджарое. Донская лошадь в прежние времена представляла собой смесь всех возможных

пород европейской и азиатской России. Сюда вошли лошади черкесские, татарские, персидские, поволжские. Юго-восток России служил путем, по которому шли народы из Азии в Европу. Часть этих движущихся масс оставалась в придонских степях и, мешаясь с другими массами, составляла более-менее постоянных обитателей этих степей. Сюда же стекались и русские беглецы. Они выводили с собой лошадей, так как хорошо знали, что без этого животного в степи не выжить. Люди разных национальностей привозили с собой лошадей различных пород. Во времена набегов в Крым казаки пригоняли домой табуны целыми тысячами. Один раз пригнали 15 тысяч. Когда было образовано Войско Донское, из Перми, Кавказа, Турции, из-за Волги, — где бы ни находились казаки, — отовсюду выводили лошадей, которые на Дону мешались с прежними.

С течением времени казаки перешли уже на более-менее постоянную службу правительству. С этого периода, приблизительно с конца XVIII века, прилив разнообразной крови к донским табунам значительно ослабевает, а лошадь начинает складываться в особый тип под влиянием климата, почвы и путем естественного отбора. Благодаря различным местным условиям у донских казаков появилось два типа лошадей. На севере — в Хоперском, Усть-Медведицком, частично Донецком округах донская лошадь вылилась в форму маштака, очень крепкого, но несколько сырого телосложения, выносливого, небольшого роста, сильного, способного к службе в артиллерийских дивизионах. Другой тип, поджарый, высокий и стройный, водился в Задонской степи. Эти лошади происхождения более восточного. Почему произошла такая разница в типах лошадей, специалисты не могут определенно объяснить.

Есть предположение, что возвышенная плоскость всего Задонья, особенно Манычской степи, покрыта травянистой растительностью, с преобладанием трав более сухих, поэтому у лошади сухопарое телосложение, поджарость. Низменные пастбища долин Хопра, Бузулука и Медведицы с травами более сырыми сообщали лошади сложение более рыхлое.

С 20-х годов XIX столетия владельцы донских табун-ов стали стремиться улучшить качества своих лошадей. Лошадь уже не предоставлена самой себе. Человек стал прилагать к образованию породы свою волю.

"Перенесемся, читатель, с вами в начало XIX века, отправимся за Дон и глянем на тамошних лошадей, — писал В. Н. Деревянко. — Вот гонят какой-то табун на водопой: лошадей 1000, если не больше. Впереди идет золотисто-рыжая молодая кобылка. Взгляните, какая красивая хорошая шея, тонкие длинные ноги, какие гибкие члены и как она ловка, как грациозна в своих движениях. Вслед за ней идет другая, гораздо меньше ростом, но с более округлыми формами и красивой головой. Кожа на ней тонкая, светло-серая шерсть мала и блестяща. У этих лошадей есть примесь арабской или турецкой крови. А вот узкий сухой длинноногий конь. Да это помесь с английским скакуном. Далее стоит лошадь с запрокинутой назад головкой, с унылыми глазами. Вся она длинная, сухопарая, ниже среднего роста, с прочными сухими ногами и козлиными копытами. Это черкесская лошадь. Вот идет узколобый, с понурой головой, с малыми неприятными глазами степняк. Это неудачная помесь донской лошади с какой-нибудь другой. А вот, наконец, идет горбоносая, с оленьей шеей, с головой вроде мазницы лошадь. Это наша, донская. Осмотрите этих лошадей всех внимательно, вы найдете, что нет и 10 в целой

1000, которые совершенно обладали бы всеми признаками, характеризующими ту или иную породу. Это табун сборный. Владелец его не задавался целью вывести ту или другую породу. Лошади плодились у него как сами знали. От времени до времени он пускал производителем то английского полукровного жеребца, то перерodka персидского, карабахского и др. То брал производителей верхового сорта с государственных заводов. О правильном подборе кобылиц, о смешении именно пород сходных, об уничтожении фамильной случки, рациональном улучшении породы в самой себе речи не было. Если же говорилось обо всем этом, то только говорилось и в дело никогда не переходило. Вот отчего на Задонских заводах, даже самых лучших, вы видите рядом и водовоза, и лошадь, годную для регулярной кавалерии.

Ноги донской лошади правильны с превосходным весом, как и вообще у всех степных лошадей. Это зависит от того, что жеребята воспитываются в степи, а не в конюшне, где от частого лежания косятся ноги. Темперамент дончака оценивается многими по-разному. Один восхваляет благонравие и понятливость донского коня, другие говорят, что донские лошади злы, капризны, непонятливы. И те и другие правы. Все зависит от воспитания. В хороших руках несколько дикий и пугливый степняк делается смиренным и послушным. Пугливость и злость поправимы. Это не природный недостаток, а связан с жизнью в степи."

К. Смирнов отмечал: "Калмыки — большие мастера приучать лошадей к повиновению. Случается нередко в степи около какой-нибудь кибитки видеть оседланную лошадь, которой поводья брошены на луку. Хозяин ее чем-нибудь занят в кибитке или просто угощается ракой. А лошадь стоит несколько часов, как вкопанная на одном

и том же месте, где поставлена за кибиткой, дожидает своего хозяина.

Несмотря на холод, жару, жажду, мучения от насекомых, лошадь не двигается с места, хотя имеет к тому полную возможность. Непослушная и недобронравная лошадь на такой подвиг положительно неспособна."

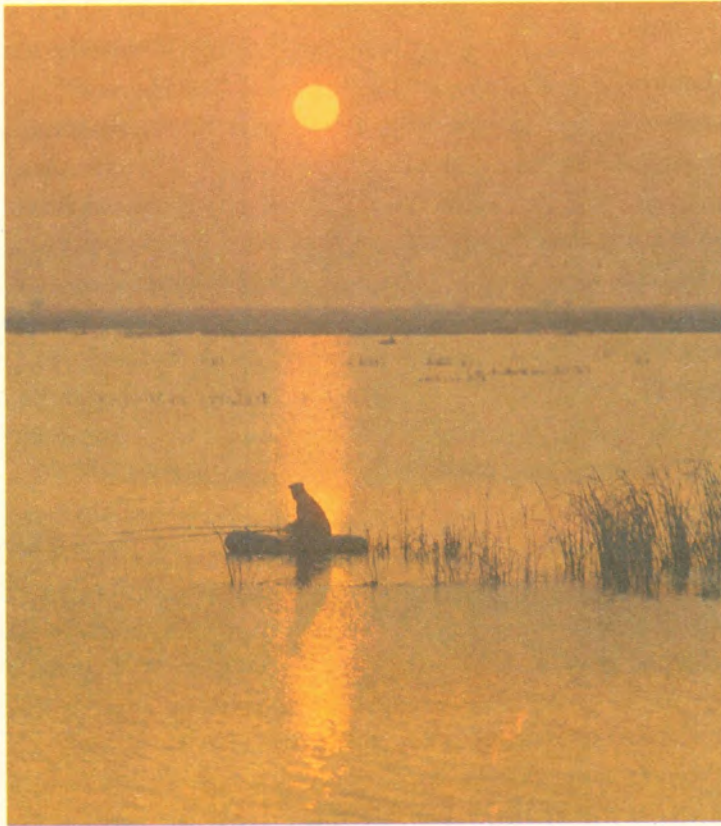
Продолжительность жизни донской лошади при благоприятных условиях около 25 лет, но чаще 10—15 лет. Цвет мастей разнообразный. Правда, по правую сторону реки Дона лошади с более темной отмасткой, по левую — более светлой. Встречаются серые и золотисто-рыжие. Пегих, саврасых, буланых на Дону мало, и они старательно сбываются. Отметины на рубашке лошадей имеют, по народным поверьям, некоторое предзнаменование. Так, например, лысина, т. е. белая полоса через морду — дурной признак для супружеского благополучия ее владельца. Напротив, звезда — малое белое пятно на лбу коня, считается добрым знаком. Хотя лошади на Дону разнообразны, все они приближены к складу лошадей верхового сорта.

Ход донских лошадей под седлом размашистый. Езду рысью казаки недолюбливали. Лучшим аллюром считался так называемый тютп-тютп (у калмыков) или хода у казаков. Это не рысь и не шаг, а что-то среднее. Этим частым шагом с перевальцем, спокойным для седока, хорошая лошадь может пройти 7—8 километров в час.

Лошади, рожденные на Дону и воспитанные по правилам табунного коневодства, отличались необыкновенной выносливостью и способностью долгое время переносить голод и жажду. В этих свойствах — главное достоинство донской лошади. Благодаря этому на донских лошадей в XIX веке установился повышенный спрос в регулярной кавалерии.

РЫБОЛОВСТВО

В современном мире вопросы экологии и выживания человечества — главные проблемы грядущего XXI века. Только рациональное и бережное отношение к природе, воссоздание естественных продовольственных запасов, среди которых не последнее место занимают рыболовство и рыбоводство, способны предотвратить катастрофу, восстановить гармонию мира, человека и природы. По богатству и разнообразию рыбных запасов Волга и Дон (особенно в нижнем течении) были уникальны и не знали равных. Ушли в прошлое те времена, когда можно было бесконечно черпать из реки, как из бездонного резервуара.

Воспроизводство рыбы, несмотря на ежегодные огромные выловы, в прошлом было естественным и не оскудевало. В настоящее время только упорная и кропотливая работа способны хоть как-то поддержать разрушающееся равновесие мира человека и природы.

Одним из самых интересных и важных занятий на Хопре всегда было рыболовство. Это не промысел, как, например, на Волге, так как главное занятие хопровских казаков и крестьян — хлебопашество. Ловили рыбу в основном для собственных нужд. И все же сколько выдумки, фантазии и поэзии в этом, одном из самых древних промыслов!

Рыболовством занимались едва ли не все. Всю зиму, все свободное время от полевых работ вязали сети, готовили снасти, делали вентера и т.п. Истинные рыболовы терпеливы, их знание реки, опыт, искусство, с которым они добывают судака, лещей, стерлядь, сомов, изумительны. А знаменитая

хопровская стерляжья уха?! А жерех, а хопровские зори и особая пьянящая вечерняя свежесть, густо настоящая на разнотравье?! И ощущение счастья, когда тугая леска режет стрежень воды и ты, обминая косы, вываживаешь крупного судака!

Наконец, тебе удастся поднять его в верхний слой воды, а он, почувствовав близость поверхности, резко пытается уйти вглубь, и ты удерживаешь его, заставляя свечой изогнуться, выпрыгнуть из воды. Глотнув воздуха, обжигающего жабры, судак уже не тот: он покорно идет на леске, судорожно, по инерции, рывками пытается сойти с крючка. И здесь самое важное — не дать ослабнуть леске, но и резко перебирать снасть нельзя. Спокойно, в натяжку вываживаешь его из воды. Бывало, считая, что все закончилось, рыболов, как корягу, подтаскивает к берегу снующую рыбу и вдруг, собрав остаток сил, судак, почувствовав мель, делает последнее усилие. И уходит. У самого берега. Обескураженный рыболов минуту-две от испытанного потрясения не может прийти в себя. Но вскоре он снова весь во внимании, всецело поглощен снастями и не сомневается в успехе. Истинное наслаждение — эта рыбалка!

Хопер богат рыбой: сазан, щука, окунь, ерш, линь, лещ, язь, судак, сом, налим, густера, синец, глазач, красноперка, плотва, голавль, елец, жерех, уклейка, чехонь, верховка. Всего около сорока видов. Снасти самые разнообразные. Традиционно плелись сети, которые особым способом ставились на прочном придонном шнуре. Самоловы, шашковые снасти, невода, переметы.

С наступлением весны, как спадала вода, рыболовы пытались не прозевать весенний ход чехони, синьги, глазача, леща. После первых уловов лишние расходились по домам,

оставались страстные рыболовы. Некоторые из них, сроднясь с местами, от которых им приходилось терпеть непогоду в наспех устроенных шалашиках, не могли покинуть его, даже имея плохой улов.

Как только вода поднималась до критической отметки, она держалась некоторое время на известном уровне. В это время рыбу ловили *перемётами*. *Перемёт* состоял из длинной нетолстой бечевки, на которой на расстоянии 1,5 метра друг от друга вязались поводки с небольшими, остро-наточенными крючками. На крючки чаще всего наживлялись навозные черви, опарыш, моллюски, мелкая рыба в качестве живца.

Весенняя прибыль воды от таяния снегов и стремящихся потоков подмывала берега, образуя рытвины и обрывы. В некоторых местах течение заворачивалось в небольшие водовороты, высверливая в берегах глубокие котлованы. В этих котлованах, под береговыми обрывами, круто падающими в глубину, любят толпиться крупные ельцы, сорочи-красноглазки, ерши, подъязки и хищник щука, добычливо охотящаяся тут за мелкой рыбой. Рыба скапливалась в этих местах потому, что идет в весеннее время против течения, для удобного выбрасывания икры, которую она вытирает о неровность обрывистых берегов.

Еще один из способов ловли — *намёт*. *Намёт* — это огромный треугольный сак, насаженный на длинное древко или рукоятку, идущую от середины основания одной стороны треугольника через вершину противоположного угла. Сетка сака вязалась из крепких, но тонких льняных ниток, в мутной весенней воде рыба ее совсем не замечала. Наметом эта снасть называлась по способу ловли: сак закидывался, наметывался рыбаком на воду, погружался в глу-

бину и потом велся тихо к берегу, под самый его урез, загребая стоящую под ним рыбу. Иногда наметом ловилось рыбы много, но почти не попадалась крупная. В основном этой снастью выгребали ершей, уродливо раздутых икрой. Уха из ершей великолепна, уступает только стерляжьей.

Но вот вода выкатилась из берегов и залила все окрестности с пожнями, яровыми полями, большими и маленькими логами, ручьями и речками. Мелкие кустарники по берегам, лиственные леса, растущие грядами, — все залито водой. Весело бросилась рыба на свежую воду и разбрелась по широкому приволью. Она трется у кустов, в чаще леса, в густых бечевниках, у плавающего хвороста, выбивая из себя икру. В эту пору множество рыбы ловилось в *заплёты кружами*. Еще с осени приготавливались по склонам речек и ручьев, в логах, в оврагах, долинах, перевалах, во всех известных ходовых местах огорода из тонких прутьев в переплет. Это и есть *заплёты*. Они располагались в форме ломаной линии, в каждом изломе которой оставлялось окошко или ворота. Как только разольется вода и начнется ход рыбы, в ворота заплетов ставятся *кужи*, т.е. мережки с горлом, натянутые на ветвиный остов, имеющий форму кувшина. Ломаная линия заплета позволяла расставлять кужи в ту или другую сторону отверстиями, так что с какой бы стороны ни пошла рыба, она обязательно попадала в кужу. Эти снасти были уловисты. В них попадали крупные, до 2—3 кг лещи, язи, голавли, щуки, окуни.

Кроме того, весной по полям и перекатам воды ставились *крылёны* или *крылачи*, состоящие из мережки с двумя горлами и имеющие у отверстия большие растопыренные крылья. На течении крылена опускалась на дно с камнем, течением воды выправлялась мережка, так что

крылья, натянутые на большую черемховую дугу, находились в вертикальном положении.

Когда весенняя вода входила в берега, начиналась ловля стерлядей шнурами. На глубоких местах реки, исстари известных рыбакам по стерляжьему ходу, перпендикулярно берегам крепился шнур, к которому привязывались поводками кужи, — большие с обращенными внутрь горлами кувшины, сплетенные из тоненьких ветловых прутьев. На быстрине они плотно прижимаются ко дну, и стерлядь, идя против течения, заходит в эти кувшины. Но к середине XIX века эта снасть постепенно выходит из употребления.

Более популярными были снасти из остроотточенных крючков на поводках, которые удерживались в вертикальном положении поплавками-балберками и крепились к шнуру, который опускался, но не ложился на дно. Снасть ставится поперек реки, спинкой крючков против течения, поводки и крючки играют в воде, рыба идет спокойно между ними, но стоит ей только сделать неосторожное движение, едва дотронуться до одного из крючков, он вопьется в рыбу своим острым жалом, рыба начнет биться, взмахнет хвостом — и новое жало подхватит его, тогда уже нет ей возможности уйти.

И, несмотря на строжайший запрет этих снастей, ими нередко ловили в среднем и нижнем течении Хопра, когда вверх, влекомая древним инстинктом, на нерест устремлялась красная рыба.

Удочкой, ради спортивного интереса в станицах и хуторах никогда не пользовались, исключая ловлю сазанов или лещей, считая это праздным занятием. В основном ловили на сети: *ставные*, которые устанавливались на весь сезон, с весны до осени. Периодически их вынимали из воды,

просушивали. Или на самоплав. Интересный, хотя и трудоемкий способ лова. Самоплав состоял из двух сетей, помещенных одна за другой, крупной — *решь*, спереди и мелкой — *частик*, сзади, из которых первая вдвое крупнее второй. Они обе вязались на одну веревку, а потом собирались на другую. К каждому концу сети для тяжести привязывали по камню, а от верхних концов шли две веревки. К одной привязывался бочонок-маяк (курень), а другая была нужна, чтобы причалить к лодке. Курень изготовлялся в форме креста из высушенной древесины. Ловили вдвоем. Один — на веслах, другой сыпает сеть: вот булькнул камень, шлепнулся и закачался курень, напарник на веслах перестал грести.

Лодка сама тихо поплыла по течению. Если курень наверху, значит сеть идет правильно, ни за что не задевая, но чуть он скрылся, значит сеть за что-нибудь зацепилась. Доплывая до определенного места, ловец начинал выбирать сеть, а гребец — табанить, т.е. бить веслами по воде, пытаясь удержать лодку на одном месте.

Сомов ловили на сомовники: к толстой бечевке привязывали длинный поводок с крючком, на который насаживали ракушку, лягушку, мелкую рыбу, которая служила приманкой. Был и другой способ: *клочение*. С лодки, недалеко от берега пускалась сомовая удочка с приманкой. Рыбак одной рукой держал удочку, а другой бил по воде (*клочил* или *квочил*) особой деревяшкой из вяза или яблони, сделанной в виде изогнутого ножа с крючком на конце, производя звук, похожий на тот, который издает сом.

ПЕСНИ НАД ХОПРОМ

Хопер — пограничная река. Она занимала часть знаменитой Белгородской линии и была пограничьем русского государства с Диким полем. Правая сторона, возвышенная и изрезанная балками, называлась Крымской, левая — Ногайской. Сюда съезжались в XIV—XV веках послы для переговоров.

В этом году, отправляясь в экспедицию по Прихоперью, встречаясь в станицах и хуторах с интереснейшими людьми, записывая предания, легенды, рассказы об историческом прошлом, я видел искренность и неподдельный интерес к своей работе. Прихоперье богато не только воинским прошлым казачества, но и традиционной песенной культурой.

Наиболее популярны были песни. Их пели на майдане, на свадьбе, на встречах и проводах и просто собирались поиграть песни до утра. Слагая песни, вкладывая в них душу, любовно хранили и передавали их из рода в род.

"Самобытный старинный мотив плывет, как плывут вам навстречу ковылевые думающие степи.

Этот мотив грустен, как грустны бывают степи в летние вечера, и безбрежен, зовущий к чему-то далекому, далекому, как степи...

Каждый голос знает свое место в песне. Каждый поет с "душой", заливаясь, лаская любимые слова... Казаки поют, как поэты, отдавая песне все искорки лучших чувств человека".

Так описывал казачье пение в одном из своих очерков 20-х годов писатель-драматург Н.Ф. Погодин.

В. Г. Белинский, родившийся на Чембаре, верхнем притоке Хопра в Пензенской области, высоко ценил хопровские народные песни, отмечал в них верную передачу исторических фактов и тех событий, в которых казаки принимали непосредственное участие. Казаки пели о вольнице, о далеких временах, о любимом герое Ермаке Тимофеевиче, об атамане казачьей голытьбы Степане Разине, о герое Краснощекове, о схватках с турчанином.

Много песен было посвящено Степану Разину, которого А. С. Пушкин называл единственным поэтическим лицом русской истории.

Бедный люд воспевал Разина как своего вождя.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,

Над горой взойди над высокою,

Над дубравушкой над зеленою,

Над урочищем добра молодца,

Что Степан свет Тимофеевич,

По прозванью Стеньки Разина.

Ты взойди, взойди, красно солнышко,

Обогрей ты нас, людей бедных,

Добрых молодцов, людей бедных,

Добрых молодцов, людей беглых:

Мы не воры, не разбойнички,

Стеньки Разина мы работнички.

С исключительной любовью распевали казаки походные песни. В богатые песенные традиции, дошедшие до наших дней, органично вплетаются и традиционные игры, весенне-любовно-лирические и шуточные песни, хороводы. Трудно встретить в хоровом пении такой широкий распев еще где-либо: по богатству красок, голосов и подголосков нет равных русской песне.

И не случайно именно здесь возник знаменитый казачий ансамбль "Хопер". Выступал в Германии, Ирландии, Франции, Канаде. Многие сомневались, самодеятельность ли это?

А началось все с совхоза "8-е Марта" станицы Правоторовской, где был казачий хор. В. Борцов с завотделом культуры Урюпинска С. Лыковым слушали певцов, записывали движения, рисунки народных танцев. Поставили "Молодую казачью".

Бытовал когда-то в округе "Плетень". Мало кто помнил этот хоровод. В. М. Борцов разыскал в станице Бурацкой Анну Горбунову, зарисовал ход с пришлемом, ход конем, ход на атамана. С тех пор "Плетень" стал классикой в исполнении ансамбля.

Записывая песни в станице Усть-Бузулукской летом 1994 года, я встретился с 84-летней Татьяной Гавриловной Зобниной. Она спела старинные казачьи песни "Ой, не чаяло красно солнышко вокруг света обойти", "Загоралась ковыль-травушка", "Бывалоча Дон быстер бежал".

Эти песни мало кто помнил, а все же Гавриловна их знала хорошо, исполняла легко. Было поразительно слушать песни, которые исполнялись сто и двести лет назад.

И вдруг Татьяна Гавриловна запела старинным речитативом:

Ай да он ходил да гулял наш Добрынюшка

А он по крутым горам, по темным лесам.

Он зашел, забрел, наш Добрынюшка

Между трех да он дорог.

Ой, да между Питерской, Московской, славной

Киевской,

Ай, да навстречу ему, нашему Добрынюшке

Идет старый старичок.
 Ой, да не пора ли тебе, а ты, наш Добрынюшка,
 Да й пить, ай пить да гулять,
 Ай, да не пора ль тебе, а ты, наш Добрынюшка,
 Да вот ай ко двору тебе й прийтить.
 Ай, твой отец да и мать, наш Добрынюшка,
 Они все состарились.
 А жененка твоя все просваталась.

Я не мог поверить. Это тем более удивительно, что в народном представлении былинный богатырь Добрыня был не только воином, но и дипломатом. Во всяком случае, выполнял дипломатические поручения великого князя стольнокиевского Владимира Красно Солнышко. Почти сто лет былины уже не поются. Да и в прошлом веке они были редки на Хопре. Я спросил, знает ли она, как древняя былина, которую она исполнила? И от кого слышала? Оказалось, в 1922 году в хуторе Березовском она одиннадцатилетней девочкой услышала от старого-престарого деда, который, христардничая, остановился на ночлег в их курене. "Память у меня крепкая. Хоть песню, хоть что, один раз услышу, уже не забываю", — говорит Т. Г. Зобнина. Я попросил еще спеть.

Как у нашего князя Владимира
 Сбиралась беседа честная, честная, хвальная,
 Ой, да ну похвала такая многорадостная.
 А во этой беседе были люди добрыи,
 Люди добрыи, ой, да все князья-бояре,
 Сидели они, хвалились всем, бояре там да
 князья.

Хвалились своим княжеством,
 Бояре другим там чем они занимались.

Хвалились, выпивали,
 Ой богатыри, они хвалились,
 Они своей силой.
 И вот летает Змей,
 На широкий двор, на весь двор он рассыпался.
 И входит во светлицу двуглавый Змей,
 Да святым он иконам не молится,
 Князьям-боярам он не кланяется.

Много песен в разные годы я слышал, а такой напев впервые. Живой, причудливый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением.

Былины — память народа о своем прошлом. События, запечатленные в песне — народная история. Былины донесли до нашего времени богатые фольклорные традиции предшествующих столетий "идеального" государства X века Киевской Руси.

Хоровод

С наступлением теплых дней молодежь ходила по улице с пением, водила хоровод (карагод, танок) и играла в весенние игры. Распространенной во многих хуторах и станицах была игра "А мы пашню пахали": девушки становились в две прямые линии на небольшом расстоянии друг от друга. Начиная петь одна группа девушек и в такт песне медленно двигалась к другой группе. Пропев куплет и поклонившись, отходили, пятясь назад. С ответным куплетом в том же порядке двигалась другая группа. И так до конца песни.

— А мы пашню пахали,
Пахали, пахали.
— А мы просо сеяли,
Сеяли, сеяли.

В праздничные дни весны девушки и молодые женщины, украсив зеленую ветку разноцветными лентами и монистами, ходили с ней по улицам и играли любовные и лирические песни: "Ходила я, девочка, по борочку", "Да садочек мой", "Уж ты, сад-виноград", "Я посею лебеду на берегу" и другие.

Я посею лебеду на берегу,
Свою крупную рассадущу.
Пояла, погорела лебеда,
Моя крупная рассадуща...

Самым распространенным хороводом во всех станицах был торжественный, радостный "Плетень, заплетись". Участники игры, взявшись за руки, пели:

Заплетись, заплетись, плетень!
Завернись, завернись, узел!
Молодая утушка
Собирала детушек.

При этом начинали заплетение. Крайняя справа пара поднимала руки, и под ними, как через ворота, проходил весь хоровод, начиная с крайней левой пары. После этого первая пара поворачивалась в сторону движения хоровода. Затем весь хоровод проходил под поднятыми руками второй, третьей пары, и так продолжалось, пока все не заплетались.

Тогда начинался новый куплет:
Расплетись, расплетись, плетень!
Развяжись, развяжись, узел!
Молодая утушка
Растеряла детушек.

И под эти слова начиналось расплетение, заключавшееся в том, что хоровод все проделывал в обратном порядке. Расплетаться начинала та пара, которая заплелась последней. Крайний из нее поворачивался налево, проходил под руками второго и третьего играющего, за ним выплетался второй и вместе с первым проходил под руками третьего и четвертого. Так продолжалось до тех пор, пока все не расплетались.

В некоторых станицах хороводная игра входила в трудовой процесс, была его неотъемлемой частью. Фольклорист В. Г. Головачев описывает общественный праздник — первый весенний выезд в поле в станице Правоторовской: "В поле становились одним большим станом, разжигали костры, повара заваривали кашу, а молодежь начинала водить хороводы. Взявшись за руки, парни и девушки двигались по кругу и пели:

Как на горе мак,
Под горою мак,
Мак, мак, маковушки,
Станьте, станьте все в ряд!
Зелен мак.

Все вдруг приседали, а вожатый спрашивал старика в центре хоровода:

— Дедушка, не пошел ли мачок?
— Нет, — отвечал старик. —
Только пахать собираюсь.

И снова звенела песня. А старик на вопросы вожатого не спеша рассказывал, как он готовил плуг, как пахал землю, как сеял мак, как затем мак взошел, зацвел, созрел и теперь его можно собирать. Весь долгий трудовой процесс встает перед глазами молодых земледельцев, и ра-

достно им братья за дело, так ярко опозитизированное в песнях и танцах.

После хороводных игр все садились в круг есть польскую (от слова "поле") кашу, а потом уже разъезжались по своим участкам и приступали к работе.

СВАДЬБА

В ряду своеобразных казачьих обычаев первое место занимает свадьба. В XVI и XVII веках был распространен брак на майдане. Казак приводил жену на майдан и обращался к ней со словами: "Ты, Настасья, будь мне жена". Она, в свою очередь, говорила: "А ты, Юрий, будь мне мужем". Уже выйдя на майдан, казак обращался к станице: "Вот, честная станица, она мне жена, а я ей муж". При этом он прикрывал ее полою своего кафтана. Станица отвечала: "Что ж, в час добрый".

Таким же способом совершался и развод. Казак снова являлся с женой на майдан и объявлял товарищам: "Вот, честная станица, она мне больше не жена". Или же так: "Мужья, братья, верные казаки... Она мне всегда была услужливая и верная, и кто теперь желает, может ее взять". Сказав это, он ее обнимал и отпускал от себя. Община отвечала: "Что ж, в этом твоя воля". Так как женщины были редки в то время на Дону, то тут же являлся желающий взять ее себе. Тут же покрывал ее полой кафтана и объявлял, что она его жена, и она отвечала ему. Прикрытие полой имело важное значение. Это означало снять с отказанной жены бесчестие развода.

Лишь с Петра I на Дону стал укореняться обычай церковного венчания. Постепенно выработался и определенный обряд. Свадьбы обычно устраивались осенью или зимой, когда казаки освобождались от полевых работ, но иногда и весной, чтобы к началу полевых работ в семье была еще одна работница.

Чаще всего родители сами объявляли сыну свою волю

в выборе невесты и отправлялись на смотрины. Мать жениха вела дело более или менее тонкими намеками, хотя суть-то дела всем понятна. В доме невесты заводили разговоры о ее красоте, уме и трудолюбии. По зову матери появлялась одетая по-домашнему невеста, держа в руках поднос с кубком вина. Она угощала пришедших и скромно отходила в сторону. Гости расхваливали вино, пили умышленно медленно, чтобы дать возможность рассмотреть невесту жениху. Потом невесту уводили и спрашивали, понравился ли ей жених? А жениха спрашивали о невесте. Старики в это время менялись хлебами, в верхней стороне которых вырезались четырехугольники, наполненные солью.

Через несколько дней родители жениха присылали расторопных и находчивых сватов, которые приходили в дом под видом заблудившихся странников или охотников на куниц-красных девиц. О цели прихода вначале говорили намеками: "Мы люди чужестранные, приехали из далекой стороны, проехали три царства, четыре государства, ехали куда зверь бежит, куда птица летит... А едучи мимо вашего двора, мы недуманно-негаданно увидели след не то куницы, не то красной девицы."

Но бывало и так, что сваты в сопровождении жениха и его родственников являлись в дом невесты, где о их приходе уже знали. В ожидании гостей в горнице по лавкам рассаживались старшие родственники, а в отдельной комнате собирались подруги невесты. Первым появлялся посланец жениха под видом странника с переметной сумой и заводил разговоры о том, о сем. Узнав, что хозяйка готова принять гостей, отправлялся за женихом с его родней и товарищами. Гости входили, но жених с товарищами оставался на крыльце. Посланец говорил, что у них

еще один есть, всему делу голова. Хозяева просили ввести жениха. Он входил, кланяясь на три стороны, и отвечал на вопросы, которые ему задавали: кто он такой, как зовут, чей по прозванию, какой станицы. Заставляли пройти, чтобы посмотреть, не калека ли. Затем жених кланялся и удалялся на крыльцо. "Ну, люди добрые, — говорили гости, — показали мы своего молодца-охотничка, а теперь желали бы вашу кунушку-горностаюшку поглядеть". Выводили невесту, которая также кланялась всем. Тогда появлялся с "войском своим" жених, становился рядом с ней. Родители спрашивали у детей согласия на брак. Обычно следовал ответ: "Из воли родительской не выхожу!"

Иногда сватанье велось в форме военных переговоров между двумя сторонами: невестиной и жениховой. "Мы видим, — говорят родные невесты свахе, пришедшей с родней жениха, — что вы не с добром пришли к нам, у нас на этот раз войско не в сборе, то милости просим обождать, не начинать "войны". Потом идут бесконечные толки о лезерве, т. е. резерве, "антилерии". Невеста в некоторых станицах по Хопру при свадебных обрядах представляла из себя крепость, а жених — войско, которое должно взять приступом крепость. В этом случае поезд жениха-князя с его поезжанами представлял чисто военную дружину, она строилась в две шеренги по всем правилам военного искусства и под предводительством дружка сопровождала князя.

Завершал сватанье обряд рукобития, главное значение которого заключалось в торжественном договоре об условиях брака. Родители договаривались о кладе (т. е. подарках невесте), угощении. Здесь договаривались о заряде — сумме возмещения убытков за бесчестие в случае отказа

одной из сторон. Договорившись, отцы били по рукам, а игрицы (песенницы) играли:

*По рукам сваты вдарили,
У-рано, сваты, вдарили,
Заряды да-й положили,
Заряды сторублеваи.*

После заключения договора сводили жениха и невесту посреди горницы (свода). Жениху давали в руки графин с вином, невесте — поднос с рюмками. Угощая всех, в первую очередь родителей, они кланялись каждому и получали подарки. После взаимного угощения жених и невеста, раскланявшись, прощались со всеми и уходили к молодежи. В их отсутствие родители закрепляли договор.

В ряде станиц в нижнем течении Хопра, где А. М. Листопадов записывал свадебный обряд, особое значение имела песня "Пойду ль я". Ее запедала женихова сторона в тот момент, когда отец невесты выпивал рюмку вина, поднесенную ему отцом жениха. После этой песни разговор о браке вступал в силу.

С песней гости шли в дом жениха, где их ждало угощение. Веселье носило деловой характер — уговаривались о дне сговора и свадьбы.

В то время, как родители невесты находились в доме жениха, молодежь проводила вечеринку, во время которой величались жених и невеста.

Начавшись со дня рукобитья, свадебные вечеринки шли по праздникам почти до самой свадьбы. На них игрались обрядовые песни и обычные карагодные (хороводные). Молодежь плясала под гармонь.

За неделю до свадьбы вечеринки прекращались и начинались посиделки, на которых у невесты каждый вечер

собирались подружки, шили ей платья, готовили приданое и играли печальные песни.

*Ой, да ты не вой, да не вой ты, серая кунница!
Да и как же мне да и, кукушке, не выти:
Да и раньше рано да порошница да выпадала,
По чистому полю да охотнички выезжали.
В тороках вязут да шелковаи они тенеты,
Из темных-то лесов да и кукушку-то выгоняли...
Причитала невеста:
Отходилась, отгулялася
У своего-то родимого батеньки,
У своей у родимой у маменьки:
Отплела косушку русаю,
Отвила ленточку алаю...*

Невеста оплакивала свою волю ("Тяжко с тобою, моя волюшка, тяжело с тобой расставатися"), своих подруг, с которыми прощалась ("Да вы, милаи мои подруженьки, все вы вольнаи да раскочнаи! Да последний жа вечерочек побывать, мне, девочки, с вами").

Эти невестины песни удивительно образны, лиричны, поэтичны. Подружки на посиделочной неделе оставались ночевать у невесты. Рано утром невеста будила их песней:

*Ой, да и милаи мои, любимаи
Да вы подружаньки,
Да пробудитесь!
Не зря ли она из-за крутых гор
Вот показалася.
Да и красная ли она солнушка,
Ой, скоро выглянет,
Как придут-то мои разлучники,
Ой, за мной, девочкой...*

За несколько дней до свадьбы праздновали подружки. В комнату, где находилось приданое невесты (кровать с периной, одеялом, подушками, зеркало и сундук с платьями), приходили подружки, родные и знакомые. Перевязанные шарфами, цветными платками, украшенные цветами и лентами, веселые подушечники уносили легкие вещи, а следом на телеге везли сундук.

*Сястрицы-подружки,
Нясите подушки!
Сястрицы Катерины,
Нясите пярины!*

У дома жениха шел оживленный торг за приданое. Наконец женихова родня во главе с матерью принимала приданое и угощала участников подушечного поезда.

Наступал последний день перед венцом, весь заполненный обрядовыми действиями. Девушки собирались у невесты печь традиционный каравай, который украшали веточками, розочками и торжественно несли в дом жениха.

В доме невесты шло приготовление к сговору и девичнику. В некоторых станицах в назначенный день две позыватые со стороны жениха и две со стороны невесты с самого утра ходили по домам, передавали поклон от отца и матери и просили на сговор.

Под песни девушек убирали невесту, заплетали волосы в одну косу. Ждали прихода жениха.

В доме жениха собирались родственники и знакомые. Готовили жениха: одевали, учили держать себя бравым казакom. Затем, набрав провизии, отправлялись в дом невесты, как войско, осаждавшее неприятельскую крепость.

После того, как обе стороны сходились на общем мирном сговоре, вновь сводили жениха с невестой, которые

торжественно подтверждали согласие на вступление в брак. Жених с невестой удалялись к молодежи, а старые отправлялись на предбрачную вечеру в дом жениха. Здесь выбирали дружку, обязанного потчевать гостей, оберегать жениха и невесту, разносить каравай, собирать подарки для невесты, в общем, быть хозяином и главным распорядителем свадьбы. От его умения, веселости и расторопности зависел весь порядок и настрой свадьбы. В помощь ему выбирали двух свашек. Главная из них — невестина. Эта веселая сметливая женщина ни на шаг не отходила от невесты, оберегала ее, убирала, собирала гостей.

У молодежи тоже в это время шла вечера, на которой девушки обыгрывали — величали жениха с невестой.

С приходом старых вечера заканчивалась, и невеста с подругами, проводив жениха, возвращалась в курень с печальной песней:

*Да кукуй, кукушка, не в молкай —
Да немножко тебе куковать,
От велика дня до Петра!..*

Плачет девушка в последний день девичьей воли, прощаясь с домом, родными:

*И спасибо, родимый батюшка
Да родимая мамунюшка:
Да спасибо же вам за хлеб за солю!
За одно не спасибо вам, мои роднаи,
Отдаете меня во чужие-то людишки...
Обращается невеста к любимому братунюшке:
Да й-убей жа, й-убей мово злова разлучника,
И который мене разлучил с отцом с матерью...*

Наступил день выданья. Убранный свашкой, перевязанный через плечо платком, подаренным невестой, после

благословения родителей жених выходил к оседланному и разукрашенному лентами и колокольчиками коню. На коней садились и его друзья. Остальные участники поезда рассаживались в тарантасы, украшенные красными лентами. Жених величался князем, невеста — княгиней, а поезжане — боярами. Казаки-конники отчаянно джигитовали. Улицы станицы оглашались пением песен, звоном колокольчиков. С шумом подкатывал храбрый поезд к дому невесты на последний приступ.

К этому времени невеста уже простилась с родными, посидела на посаде (овчинной шубе кверху мехом), чтобы богатой и счастливой быть. Одета в брачный наряд, с заплетенной косой, она сидела за столом в окружении свашки, дядьки, младших братьев. Братья с плетками в руках не пускали князя к сестре. А дружка, набивая цену, выкупал княгиню. Девушки укоряли братьев:

*Татарин братец, татарин,
Продал сестрицу задаром,
Красу девичью за пятак,
Русу косушку отдал так!*

Брачный поезд с женихом и невестой направлялся в церковь. По окончании венчанья ехали в дом жениха, где на крыльце их встречали родители и благословляли хлебом: разламывали над их головами большой каравай. Чтобы молодые жили в достатке и благополучии, на них сыпали пригоршнями орехи, конфеты, зерно, хмель. Девушки играли песни:

*Отворяй, маменька, широк двор,
Да вот тебе, маменька, сын на дворе,
Со своею верною слугою.*

Начинался обряд повивания: молодой расплетали косу

девичью, закрывали волосы на макушке и надевали колпак.

*Да шел дожджичек с росой,
Была наша Настюшка с косою,
Да пошел дожджичек без росы,
Стала наша Настюшка без косы...*

А на следующий день происходила раздача каравая. "Отец-мать, благословите каравай внести и молодых ввести!" — обращался дружка к родителям. В горницу торжественно входили молодые с блюдом, на котором возвышался пышный, разукрашенный каравай. Со словами: "Сыр-каравай принимайте, а молодых одаряйте, наши молодые панове, им много надобно", — дружка подводил молодых к отцу с матерью. Те провозглашали свои подарки: отец сыну — коня с седлом на службу, а мать — телку или корову в хозяйство. Затем каравай разносили гостям, и каждый одаривал молодых.

Дружка, свашки, завершив свое дело, сдавали молодых родителям, просили не обижаться, если что не так. Их благодарили, наделяли подарками. Молодые благодарили всех участников свадебного пира, прощались, но гулянье после этого могло продолжаться еще неделю, в течение которой молодая пара посещала родственников, знакомых. Это называлось "ходить по сабе".

Захватив узелки с разными кушаньями, преимущественно с жареными курами, откуда и само название обряда — "курник", — компания отправлялась в дом родственников. Хозяин дома запирает ворота и уходит в дом. Гости, подойдя к запертым воротам, продолжали петь, плясать и вызывать хозяина. Он некоторое время не показывался, потом выходил с палкой, отворял калитку, предлагал гостям проходить мимо. После этого отворялись большие ворота,

выходила хозяйка с подносом в руках и за воротами начинала потчевать гостей, а потом всех их приглашала в дом.

Бывало и так, как рассказывал этнограф М. Харузин в "Сведениях о казачьих общинах на Дону": "Весной на Красной горке, во время разлива Хопра, четырем семьям из ближайшего хутора нужно было переправиться в станицу на свадьбу. Свадебный поезд подъехал к бушевавшему Хопру. Стали махать на другую сторону. Станичники, поняв, в чем дело, пошли к священнику. Тот приказал дьяку забрать требы, аналой, венцы и отправился с ними на берег Хопра. Жених и невеста на одной стороне, священник и родня — на другой. Запели "Исайя, ликуй", махнули в ту сторону платком — молодые пошли вокруг телеги, а батюшка в сопровождении двух казаков с венцами в руках вокруг аналая. Кончили пение и чтение и дали знак поцеловаться. Поздравляли новобрачных и закутили по обе стороны реки".

ССЫПЧИНА

Наиболее ярко вольнолюбивые традиции казачества отразились на играх на масленицу, продолжавшуюся неделю. Во время представления в станице действовали законы казачьей вольницы, и вся власть переходила к избранным кругом гулебному атаману, есаулу, казначею и колымаге. Гулебный атаман отвечал за поведение каждого казака не только перед участниками игры, но и перед станичным правлением. Исполнителем его поручений был есаул. В обязанности казначея вменялось хранить войсковую казну и отвечать за денежные сборы и за дарственные суммы. Колымага имел лошадь с упряжью, сани и сорокаведерную бочку, которая ежедневно наполнялась даровым вином.

Во время игры устанавливалась военная дисциплина. Нарушителей наказывали: заставляли пробежать босиком по улице под смех толпы, а при вторичном нарушении с позором исключали из игры.

Женщины в гулебную компанию не допускались, от них разрешалось только принимать пищу для общего котла, поскольку во время игры устраивалась ссыпчина (складчина).

Игра открывалась народным шествием казаков, которые появлялись с лихой, развеселой песней:

*Ух ты хмель, ты, мой хмель,
Где ж ты зиму зимовал?
Зимовал мой хмелек
В лесу на тычине,
В лесу на тычине,
На самой вершине...*

Гулебный атаман на лучшем коне ехал впереди, а вслед за войском верхом на быке ехал колымага.

Все население станицы должно было встречать "казачью вольницу", зазывать гостей, угощать хлебом-солью, вином. Более щедрые хозяева ставили вино ведрами, и колымага сливал его в бочку.

Казаки начинали показывать казачью удаль. Отчаянно джигитуя, они скакали по улицам. На всем скаку схватывали брошенную на землю шапку, делали стойку на крупе лошади, а затем спускались под живот, выхватывали из толпы молодую казачку, делая вид, что похищают ее.

На следующий день выходили на улицу уже без коней. Вновь на улицах ставили столы, появлялись ряженные, и казаки начинали разыгрывать народные героические драмы. Гулебщики превращались в буйную казачью вольницу, гулебный атаман — в Ермака или Степана Разина, улица — в сцену. Воображение переносило и участников, и зрителей то в дикие леса, то на вольную Волгу, то на майдан, где гольтьба под предводительством атамана Степана Тимофеевича собирается думу думать.

*Ей, собирайтесь вы, братцы-ребятушки, во еди-
но круг,*

Ну, давайте мы думушку, думушку подумаем:

*Вот, ну, поедем же, братцы, гулять во сине
море,*

*Разобьем-то мы, братцы, басурманские кора-
блики,*

Заберем, братцы, казны, вот, сколько надобно,

*Ей, да поедемте, братцы, вот, мы в кременну
Москву,*

Мы закупим себе платьица, вот, платьица

цветные,

Ей, поплывем же вниз по Волге, Волге-матушке.

Представления продолжались, как указывают собиратели фольклора В. Головачев и Б. Лащилин, на протяжении всей масляной недели, а по истечении ее казаки садились на коней и проезжали с песнями по улицам: начиналось прощание.

Гулебный атаман, кланяясь казакам в ноги, просил прощения за вольные и невольные обиды. Все целовались и разъезжались до будущего года.

Кроме масленицы ссыпки происходили и на Троицын день, как правило, на берегу Хопра, куда выходила вся станица. Здесь разбивались на три круга: малолетних, взрослых и стариков. Малолетних угощали обедом, сладостями, заставляли плясать для потехи. Взрослые пили, ели, веселились, при этом мужчины участвовали в каких-нибудь военных упражнениях, которые обычно сопровождали всякое торжество казаков. Вечером, забрав малолетних детей, женщины уводили их в станицу до утра. Мужчины оставались в лугу, пировали до поздней ночи и здесь же оставались ночевать. На другой день утром их жены приходили сюда и приносили с собой блюда с разными кушаньями, будили своих мужей, и пир возобновлялся.

Из общественных казачьих гуляний интерес представляют проводы казака на службу, или возвращение со службы, — одно из центральных ритуальных гуляний в станицах и хуторах. Как только казак возвращается со службы, глава семейства посылает "легкого гонца", обычно младшего в семье, созвать всю родню на пир. Не пригласить кого-либо из родственников считалось самой большой

обидой для неприглашенного. Тогда как не пригласить на гулянье приятеля, друга или соседа не считалось предосудительным. В хуторах, наоборот, приглашались все. Первоначально хутора возникли как родственные поселения, жители привыкли приглашать на гулянье всех.

Созванные родственники после обычного приветствия-приглашения хозяина садились за накрытый стол. Вначале садились без молитвы. При этом строго соблюдался определенный порядок: в передний угол садился виновник торжества. Справа от него — мужчины, соблюдая старшинство. Слева рассаживались женщины. Хозяин, хозяйка, ближайшие члены семьи пока за стол не садились. Когда все гости оказывались за столом, подавали горячие кушанья, хозяин, налив полные рюмки водки, приглашал гостей помолиться Богу. После этого приглашения занимали место он сам, хозяйка и другие члены семьи. На минуту возникала тишина, все вставали и начинали молиться. При этом внимательно следили, чтобы были соблюдены два правила-приметы: когда садились перед молитвой, наблюдали, чтобы никто не сидел около печки и чтобы дверь во время молитвы была обязательно закрыта. Причем притворивший дверь придерживал ее рукой. Первое правило-примета соблюдалось затем, чтобы гости не были печальны. Второе, как говорили казаки А. А. Касмину, "так заведено из предков".

Сначала выпивал сам хозяин, потом подносил жене и остальным членам семьи, а затем уже гостям. По обычаю, всякий, взявший рюмку, должен поклониться хозяину, хозяйке, называя по отчеству, а затем всей компании на три стороны, если она большая; если небольшая — каждому в отдельности. Если тот, кому кланяются, не замечал этого, то необходимо поклониться во второй и третий раз, до тех пор,

пока он не заметит и не ответит на поклон поклоном. После третьей рюмки приступали к обеду. (Почему-то считается, что военнопленный А. Соколов из рассказа М. Шолохова "Судьба человека" в фашистском концлагере проявил находчивость, сказав, что он после первой и второй не закусывает. По всей видимости, А. Соколов был из казаков, и М. Шолохов использовал эту казачью традицию). Казацкий обед отличался большим обилием. Число блюд — не менее 10 и редко более 15. Это объяснялось тем, что в каждом хозяйстве было в избытке все необходимое для обеда.

Вначале гости ели и беседовали, хозяин обносил их водкой, потом беседа становилась оживленнее и шумнее. Кто-нибудь затягивал казацкую песню, ее подхватывали другие. В комнате становилось шумно и весело. Запевали плясовую, выходили плясуны. Став друг против друга, начинали попеременно плясать, вводя каждый раз новое колено. Плясали на ногах, на животе, на спине, даже на голове. Теперь становилось еще оживленнее, гул усиливался, песни пелись громче, нестройными голосами, количество плясунов увеличивалось. Хозяин все подносил гостям, начиная со старшего и кончая младшим. Наконец все хмелели и из тихой родственной компании образовывалась шумная оргия, в которой все пели, иногда несколько песен сразу, все плясали, "кто на что горазд", а хозяин не переставал обносить гостей. Гулянье продолжалось с утра до поздней ночи. Наконец утомленные гости поднимались все сразу и начинали с шумом и песнями расходиться. Иногда при уходе пели.

Спасибо хозяину, спасибо богатому.

Наварил пива много:

На кабацкую меру,

На казацкую веру.

Хозяин с хозяйкою провожали гостей за ворота и приглашали их к себе наутро опохмелиться. На другой день те же гости собирались у хозяина и опохмелялись, затем начиналось "хождение по сабе", т. е. каждый участвующий приглашал всю компанию к себе. Иногда заранее договаривались, чтобы в каждом доме выпивать не более 2—3 рюмок. Кое-кто из участвующих носил с собой пучок куги (болотное безлистное губчатое растение). В шутку в карман клали кому-нибудь ложку или вилку и, уличив в воровстве, начинали сечь кугою.

А ОДЕЖДА У НАС...

Особенности жизни донских казаков отразились на их одежде. Своеобразный вид донской казачьей одежды складывался веками. Приходили беглые на Дон в своей русской одежде, а здесь носили то, что давало войско. Облик одежды воссоздают старинные казачьи песни.

*На стружках сидят гребцы — удалые молодцы,
Удалые молодцы — вседонские казаки.*

.....
*На них шапочки соболя, верхи бархатные,
Пестрорядные рубашки с золотым галуном,
Астраханские кушаки полушалковые,
С зачесами чулочки,
Да все гарусные,
Зелень-сафьян сапожки, кривые каблуки.*

Казаки свободно относились к самобытности в одежде и рассматривали ее как один из существенных признаков своей самостоятельности. В 1705 году атаман Зимовейской станицы бывшего посольства Савва Кочет доносил благодарность Петру I от имени всего войска: "Мы взысканы твоей милостью паче всех подданных, нас не коснулся твой указ о платье и бородах. Мы носим платье по древнему своему обычаю, которое кому понравится. Один надевается черкесом, другой — калмыком, иной в русское платье старинного покроя и мы никакого нареkania и насмешек друг другу не делаем. Немецкого платья никто у нас не носит, охоты к нему вовсе не имеем."

На Дону любили одежду ярких живописных расцветок, которую казаки привозили из походов. В. Сухоруков писал

о возвратившихся из похода казаках: "Один являлся в лазоревом атласном кафтане с чисто серебряными нашивками и жемчужным ожерельем, другой — в камчатном или бархатном полукафтани без рукавов и в темно-гвоздичном зипуне, опушенном голубою каймой, шелковой гвоздичного цвета нашивкой; третий — в камчатном или бархатном кафтане с золотыми турецкими пуговками и серебряными застежками... У всех шелковые турецкие кушаки и на нем булатные ножи с черенками рыбьего зуба в черных ножнах, оправленных серебром, красные или желтые сафьяновые сапоги и кунья шапка с бархатным верхом. Многие одевались в богатые турецкие, черкесские, калмыцкие платья, украшали оружием, оправленным с азиатской роскошью серебром и золотом под черн".

В конце XVII — к началу XVIII века сложился традиционный тип мужской казачьей одежды, обязательным элементом которой был зипун, представлявший собой распашную верхнюю одежду без ворота. Зипун был настолько обязательным элементом, что походы за добычей назывались "походами за зипунами".

Всю одежду можно разделить на служебную, военную и домашнюю. Служебная состояла из мундира или чекмени синего сукна, с красными выпушками, застегивающегося на крючки, и шаровар, также синего сукна с красными лампасами, фуражки и папахи с красным верхом и военной синей шинели.

Домашняя одежда напоминала военную, но она однобортная и отличалась по материалу. Чекмени черкесиновые или нанковые. Шаровары без лампас, белые холсты е рубахи, а также портки. Фуражка в быту носилась военная.

Из обуви первоначально в общем употреблении были *поршни*, которые делались из цельного куска кожи овальной формы, с одной стороны которого (где должен проходить носок) вырезывался тупой угол. Кругом всего куска по краю пробивались дыры, в которые продевался ремешок, выходявший концами со стороны пятки. Края тупого угла сшивались, образуя нос поршня, а края кожи стягивались вокруг ноги ремешком.

Праздничной обувью считались *чирики* — туфли с гладкой подошвой и вырезом сверху, которые носились на шерстяных чулках как казачками, так и казаками. (Среди казаков было распространено поверье, что чулки из овечьей шерсти предохраняют от укуса тарантулов, которые боятся запаха овец, т. к. овцы едят тарантулов. Поэтому казаки и летом охотно ходили в шерстяных чулках).

Грубые белые шерстяные чулки молодые казачки любили носить без подвязок. Особым щегольством считалось, если чулки собирались толстыми складками на узкой части ноги над щиколоткой. Состоятельные казачки носили парадные, щегольские "кислиной*" навестранные *чирики*, т. е. туфли, обшитые по краям ремешком из белой кожи. Позже казачки стали шить уже праздничный "окаймёной", т. е. обшитый цветной тесемкой башмак.

У простых казаков обиходная одежда состояла из юбки, кофты и фартуха. Лишь старинная *донская шуба*, несмотря на то, что в XIX веке широкое распространение получили пальто и различные шубки, была очень популярна, особенно у пожилых женщин. Шубы казачки носили белые, овчинные, ровные, "как халат". По краям рукавов и по низу

*Кислина — белая, не вымоченная в дегте кожа, из которой делают, например, сбрую.

на два пальца "оторочены курбьем", т. е. шкуркой молодого ягненка.

Верхнедонская женская одежда, варьируясь даже в пределах близлежащих станиц, имела свои особенные отличия от нижнедонской.

Головной убор замужней женщины — *шлычка* — колпачок, особым образом кроеный, надевался на волосы так, чтобы спереди они были немного видны. Волосы собирались под шлычку узлом и поддерживали ее в приподнятом положении. Для этой же цели служила вата, подложенная под верхний шов шлычки. Затягивалась шлычка на голове спереди продетой в нее тесемкой. Шлычка была не видна и служила только остовом для повязывания сверху платков.

Колотовочка, или *казимирка* — платок с мелким рисунком, небольшой, красный, четырехугольный. Один из углов колотовочки загибался и накладывался на лоб, два боковых конца затягивались сзади узлом, под который пропущался третий угол. Т. е. колотовочка закрывала до половины лоб, виски и уши. На колотовочку повязывались верхний платок или шаль, причем с боков они слегка закладывались внутрь, а над лбом собирались "уголком", что считалось модой.

Описанный головной убор носился летом. В холодное время года поверх накинутой на голову шали под подбородок, прикрывая уши, повязывался платочек, концы его связывались на макушке, т. н. *знуздалка*. *Знуздалка* была обычно красно-белого цвета. "Не ох я раззнуздавши пошлат, ни вззнуздалься", — скажет, бывало, казачка. Концы шали уже поверх надетой знуздалки обертывались, прикрывая нижнюю часть лица и рот, вокруг шеи и повязыва-

лись спереди узлом. "Ушам тяпло", — мотивировались эти старинные способы повязывания платков.

Рубаха холстовая — домотканая, белая, с прямым воротом, невысоким стоячим воротником. Ворот застегивался на медных пуговицах или завязывался тесемками. Рукава, узкие от плеча, расширялись к концу и по краю обшивались в два ряда цветными лентами. Рукава, воротник и подол рубахи были "перетканы рядами, цвятками, как кому нравится". Перетканый холст часто заменялся цветным ситцем, обычно красным. Из ситца шились рукава и от плеча иногда украшались шитьем. Воротник обычно красный, выстроченный цветными нитками, назывался *ажарёлок*. Подпоясывались рубахи красным шерстяным поясом, плетённым особым образом на пальцах. Девки носили такие *холстовые рубахи* в качестве верхней одежды "до венца". Замужние надевали поверх нее сарафан — *сукман*, или *кубелек*. Название это произошло от татарского *кумэк* — рубаха.

Сукман — верхняя одежда замужних казачек. Шилась из домотканой крашеной синей (иногда и некрашеной) шерстяной материи. Сукман отличался очень короткими узкими рукавами. Спереди от ворота шел короткий прямой разрез на медных пуговицах, называемых *базка*, и обшитый широкой шелковой лентой по краям. Петли образовывали цветной шнур, идущий по одному из краев пазухи и в соответственных местах не пришитый к нему. Вдоль подола сукман обшивался широкой шелковой лентой красной или синей, а по самому краю *гарусском* (род тесьмы, плетённой особым образом на пальцах). Во многих станицах *сукман* звался *кубелек*. Постепенно *кубелек* к 80-м годам XIX века сменился сарафаном, который шился из

цветного ситца, с высоким цельным нагрудником, узкими проймами, которые, сходясь сзади, пришивались к сарафану на высоте талии. Сарафан шился без спинки, с короткой прорехой на пуговицах с левой стороны у основания нагрудника. Сзади сарафан представлял собой доходящую до талии юбку с проймами и заложенную по верхнему краю многочисленными частыми сборами. Чтобы судить о количестве и величине сборов, достаточно сказать, что материи шло втрое больше, чем на переднюю сторону сарафана (швы у сарафана идут по бокам). Ведь сарафан шился в 5 *точей* или в 4 *точи*. *Точи* — отдельный выкроенный цельный кусок материи. Украшался сарафан цветными лентами вдоль верхнего края нагрудника, сзади по сборам, внизу — вдоль нижнего края. Повязывался сарафан широким плисовым поясом, пониже талии, чтобы сзади "сборы были видны и ленты".

Ситцевый сарафан, получив широкое распространение, вытеснил почти повсеместно домотканый кубелек и явился переходной ступенью к "французской моде".

Запон — короткий фартук из холста с пришитой небольшой "грудинкой". Под шов закладывались маленькие сборы, завязывался запон тесемками вокруг талии узлом наперед и вокруг шеи концами узкой цветной обшивки. С левой стороны пришивался карман.

Запоны различались праздничные и "расхожие". Праздничные, в отличие от повседневных, украшались ткаными узорами. Носились запоны исключительно на сарафанах и не надевались на сукман (кубелек).

В комплексе с платьями татарского покроя носили русские головные уборы: *повойник* или *рогатую кичку*.

С кички свисали над ушами до самых плеч *чикили-*

ки — длинные нити, унизанные жемчугом, а на лоб — металлические украшения.

По воспоминаниям казаков, записанным в 80-х годах XIX века, простые казачки в старину делали кички из белого или синего холста, который складывали четырехугольником, прошивали густыми рядами суровыми нитками. Потом долго варили в молоке, чтобы кичка затвердела. На рожки наматывали миткалевый рушник, концы которого сначала проводили поверх кички, затем под подбородком и, наконец, подтыкали сзади за ухом. Спереди на кичку нашивали *лабок*, унизанный жемчугом или блестками по бархатному полю. Сзади привязывали на шнурке *подзатылин* (подзатыльник), расшитый узорами.

Ходили в кичках все поголовно. У богатых кички украшались жемчугом и даже бриллиантами, вышивались золотом или шелками, бисером. К 60-м годам в зажиточных кругах кички вытесняются модными шляпками, чепчиками. Исчезновение кички объясняется ее дороговизной. В 70-х годах прошлого столетия уже М. И. Волосатова наводила справки, не сохранилось ли у кого кички? После долгих поисков она обнаружила кичку у жены атамана станции Слащевской. По ее описанию кичка представляла небольшую круглую шапочку с невысоким околышем и плоским верхом. Надета была кичка прямо, волосы тщательно зачесывались под нее, но виднелись спереди и сзади. Кичка, по-видимому, не покрывала всей головы. Сделана была из зеленого бархата и вышита золотом.

Казачки очень любили украшения, и самые характерные из них — *чикилики*. Это широкая лента из алого атласа, украшенная жемчугом, к которой прикреплялась густая сетка из крупного жемчуга. Лента обвязывалась

вокруг головы, а жемчужная сетка свисала из-под головного убора, частично прикрывая щеки.

Жемчужное украшение, прикрепленное на плечах и спускавшееся до груди, называлось перла, коробчак. Руки украшали браслеты.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР НА ХОПРЕ

Демократическая традиция разыгрывания народных представлений восходит к скоморохам. Первые сведения о скоморохах известны с XI века. В "Поучении о казнях божиих" (*Повесть временных лет*, 1068 г.) осуждаются их игры и забавы, участие в языческих обрядах — и в дальнейшем, особенно на протяжении XVI—XVII веков, государство ведет настоящую войну со скоморохами, с их вольнолюбием, наиболее остро ощущавшимся в период народных восстаний. Эта борьба нашла отражение в целом ряде исторических документов, в том числе и знаменитом указе царя Алексея Михайловича 1648 года, в котором народные игрища названы "мятежными действиями", скоморошье искусство запрещено, а сами они обречены на изгнание. И все же здесь было заложено глубокое противоречие. Указы о борьбе со скоморохами принимались на основе "челобитных" воевод. Это, так сказать, вынужденная мера. С другой стороны, ни царь, ни бояре не могли обойтись без скоморохов, которые находились в центре проведения праздников. Поэтому, несмотря на запреты, скоморошество развивалось. Даже выделились "оседлые", занимавшиеся земледелием и разными промыслами, и "походные". "Оседлые" были заняты своим искусством только в дни праздников, на свадьбах. А "походные" играли постоянно, переходя из одного населенного пункта в другой. Скоморохи пели, играли на музыкальных инструментах, плясали, устраивали медвежью потеху, разыгрывали кукольные представления. Немецкий путешественник XVII века Адам Олеарий так писал: "Эти комедианты

завязывают себе вокруг тела одеяло и расправляют его вверх вокруг себя, изображая таким образом переносный театр, с которым они могут бегать по улицам и на котором в то же время могут происходить кукольные игры."

Постепенно скоморохи как бы растворились в народном искусстве. В XVIII веке скоморошество как явление исчезает. С этого времени они уже не встречаются при дворе и на народных представлениях, но благодаря им повсеместно распространились народные драмы, кукольный театр, поводыри медведей, которые выступали вплоть до XX века.

На Хопре традиционными были казачьи драмы — веселые театральные зрелища, разыгрывавшиеся во время праздников. Наиболее популярные из них — "Атаман Буря", "Степан Разин", "Атаман Чуркин" и особенно "Ермак". Эта драма, получившая широкое распространение, обычно разыгрывалась во время крещенской ярмарки.

Казачья вольница, борьба за лучшую долю с огромным энтузиазмом воспринимались как исполнителями, так и зрителями, которые зачастую принимали самое активное участие в действии.

Для представления приспособлялся один из торговых корпусов, его называли скоморошным. Плата за вход была разная: "Стоять — пятак, ежели сидеть, то и до полтины". Оформлялся спектакль красочно, с большой фантазией. При разыгрывании драмы "Ермак" на сцену ставили ярко раскрашенный казачий струг, нос и борта которого были украшены богатой резьбой. С помощью невидимой для зрителя веревки струг вместе с казаками двигался по сцене.

В хуторах драму "Ермак" представляли прямо на ули-

цах, под открытым небом. Участники надевали казачью форму и играли на площадке, которую тесно окружал народ. Чтобы изобразить струг, они садились на землю в два ряда и делали вид, что гребут веслами.

Актеры "могли начинать" представление в одном месте и переходить на другое, третье и т. д. "Зрители толпой шли за актерами", подпевали, когда те пели песни, плясали вместе с ними, беспрерывно подавали реплики, словом, чувствовали себя полноправными участниками единого действия. Специфика народных представлений, разыгрываемых на "безграничной площадке", на воздухе, под открытым небом, при постоянном "вмешательстве активных зрителей" требовала особого стиля и особой манеры исполнения.

"Народный театр — это театр резких и четких движений, размашистых жестов, предельно громкого диалога, могучей хоровой песни, удалой пляски, здесь все должно быть сделано так, чтоб далеко было слышно, чтоб не было никаких недомолвок или полунамеков, тут горят настоящие костры, пахнут живые цветы, ржут живые лошади, пьется настоящая водка. Луна и солнце освещают актеров и "зрителей" без вмешательства электростанций, и степные ветры, волны рек шумят без помощи закулисных звукоподражателей," — писал В. Закруткин.

Тихий Дон и донское казачество с его бурной историей, стародавними вольнолюбивыми традициями, неписаными законами воинского братства, замечательным народным творчеством, издавна привлекали внимание писателей, историков, фольклористов. О донском казачестве написано множество больших и малых книг, казалось, собирателям нечего делать. Однако мы видим, что донские станицы

и сейчас хранят неизвестные, но великолепные образцы песен, загадок, поговорок, сказок, отразивших сложную, богатую событиями, историю Дона.

В. Головачев и Б. Лащилин — коренные уроженцы Дона, более десяти лет собирали и записывали песни, легенды, сказки донских казаков, особенно пристальное внимание обращали на свои родные станицы на Хопре, где прошло их детство: Правоторовскую, Михайловскую, Бурацкую, а также станицы по Бузулуку, Медведице. В Хоперском округе ими было записано много казачьих песен, тут же зарегистрированы факты бытования различных драм, комедий, фарсов. Изучая именно Хоперский округ, пришли к выводу, что на Дону издавна существовал художественно богатый и многообразный народный театр.

Донской народный театр, прежде всего, — театр героический. Наиболее значительным популярным его жанром была драма, в центре которой стоял атаман, гордый вольнолюбивый человек, глава казачьего братства, отстаивающего личную свободу и мстящего богатым за беды народа. Эта тема борьбы зафиксирована собирателями в ряде бытующих на Дону драм, отчасти примыкает к той линии разбойничьих жанров, которая характерна для русского народного театра эпохи крепостничества ("Лодка", "Улус", "Атаман", "Черный ворон" и др.). Сравнивая донские записи и записи, сделанные на севере, можно даже отметить ряд текстуальных совпадений, свидетельствующих о широком бытовании разбойничьих сюжетов в России.

Так, одна из распространенных пьес донского театра — драма "Атаман Буря", записана Головачевым и Лащилиным в станице Правоторовской на Хопре. Драма эта представляет собой довольно сложное, громоздкое по компози-

ции произведение, составленное из различных кусков, имеющих самостоятельный характер. Пятая заключительная сцена, например, известна русским собирателям как отдельная сатирическая шутка-диалог. Третья сцена (люди атамана Бури на Волге), в которой имеется диалог атамана Бури и есаула, совпадает с соответствующим диалогом атамана и есаула в драме "Лодка". В драме действуют известные в русском народном театре герои вроде Марка Гробокпателя. Этот образ был неоднократно зафиксирован собирателями в драме "Царь Максимилиан" и др.

Однако в донской драме, в отличие от северных вариантов, фигурирует казак Ермак и его противник — "сын муллы брат Магомета". Образ, порожденный воспоминаниями о частых столкновениях казаков с турками, татарами. Сюжет в драме осложнен введением 3-х персонажей из семьи Преклонских: старого дворянина Добрыни Преклонского, его дочери Марии и сына Озидора — "заключенного рыцаря". Вообще, крайняя мозаичность драмы "Атаман Буря" заставляет думать, что 72-летний казак Алексей Леонтьев, от которого собиратели записали текст драмы, свел воедино несколько отдельных пьес. Как же развивается действие пьесы?

В первой сцене мы видим Ермака и сына муллы, которые произносят короткие диалоги, после чего Ермак убивает турка. Далее появляется главный герой — атаман Буря. Он заключает с Ермаком дружеский союз. С песней входит "долинный рыцарь", ищущий встречи с прославленным атаманом. Разгневанный атаман Буря убивает дерзкого рыцаря. Следует традиционный диалог атамана и есаула. Затем входит известный по многим вариантам Марко Гробокпатель (прикидывающийся глухим

стариком). В завершение казаки, между которыми находится старый Преклонский, вводят "заключенного рыцаря". Атаман Буря требует у рыцаря ключи от сокровищ и, услышав отказ, велит заковать его в цепи. Сцена завершается хоровой песней "Атаман наш сын казачий не боится никого". Вторая сцена представляет собой изображение драмы семьи Преклонских. Она начинается диалогом Преклонского и разбойника Резака, играющего в карты. Они так шумят, что атаман Буря разгоняет их и остается думать думу. В лесу слышна песня Марии, есаул приводит ее, она просит отпустить сидящего в заключении брата. За то, что Мария отвергла любовь атамана, тот силой хочет выдать ее за старого Преклонского. По медальону Преклонский узнает, что Мария его дочь. Вводят заключенного рыцаря, и атаман Буря убивает его за дерзкие речи. Преклонский с горя велит Резаку убить Марию, и тот закалывает девушку. Потрясенный смертью детей Преклонский закалывается мечом. Появляется Марко Гробокопатель. Он поет песню "Трубка моя пеньковая". Затем следует совершенно непонятная и странная для драмы сцена: все убитые вскакивают и убегают.

Третья сцена, как уже говорилось, представляет собой изображение казачьей прогулки на Волге, которая повторяет аналогичную сцену русской драмы "Лодка". В четвертой сцене казак Кузьма Сибирьковский Нос предлагает товарищам сойти на берег и поджечь помещичий дом. Начало десятой и последней сцены известно по старым записям диалога Ваньки Малого и Барина Голого, а финал — расправа казака с барином.

Постановка драмы завершалась шутливой скоморошиной: старик и старуха пляшут и поют дурашливую песню "Из Москвы я в Питер прибыл".

Вторая пьеса "Суд атамана Бури", в которой известный нам герой выступает в роли грозного судьи, карающего купца, помещика-кабатчика, представляет собой вариант очень распространенной в Европе и России игры (царь судит подданных), но с сильно выраженными моментами сатиры.

Так, в 3-х записанных на Хопре пьесах нарисован образ удалого атамана, которому приданы героические черты и прозвище которого выражает его существо. Среди казаков имена Буря, Вихрь встречаются в донском фольклоре довольно часто.

По жанровым признакам к пьесам об атамане Буре примыкает драма "Степан Разин", первое зарегистрированное в фольклоре драматическое произведение о знаменитом вожде казачьей вольницы. Любопытно, что В. Головачев и Б. Лащилин записали текст драмы о Разине от двух древних старух-казачек на хуторе Лысогорском: у Пелагеи Ивановны Володиной (88 лет) и Татьяны Васильевны Зениной (74 года) в 1936 году. Женщины ведь в казачьих представлениях участия не принимали. И то, что Володина и Зенина помнили "Степана Разина", можно объяснить только тем, что роль персидской княжны в драме о Разине, вопреки традициям, исполняли женщины, которые могли удержать в памяти весь текст, его важнейшую часть. Драма о Разине, как утверждает Головачев, была очень популярна и зарегистрирована в ряде станиц Хоперского округа. Несмотря на запрет атаманской цензуры, постановку драмы возобновили в 1905 году.

Ставили даже в военных казачьих лагерях станицы Урюпинской. Казак станицы Правоторовской Михаил

Колов уверял В. Головачева, что "Степан Разин" шел и на Урале, причем отмечал, что уральский вариант отличался оригинальным финалом, рисующим смерть Разина в волнах реки Урал.

Драмы о Разине бытовали и среди астраханских казаков. В. Головачев утверждает, что записанный текст "Степана Разина", несмотря на финальную сцену, в которой казаки оплакивают гибель Разина, далеко не полный текст драмы. Володина и Зенина забыли вторую половину драмы и не могли ее припомнить. Бросается в глаза то, что стиль драмы отличается пестротой: если в первой сцене подчеркнуто реалистическое изображение казачьего круга, то сцена вторая, третья, особенно пятая — до предела насыщены песнями. Интересно отметить, что все песни, представленные в драме, давно были записаны и опубликованы собирателями как самостоятельные произведения разинского цикла. Так, в первой сцене разинцы поют песню "Ты взойди, взойди, солнце красное". Эта песня представляет собой вторую часть записанной П. В. Киреевским в 1835 году песни "Ах туманы мои, растуманушки".

В драмы попадали почти дословно выражения, заимствованные из песни. Так, во второй сцене есть разговор солдата-часового с заключенным казаком:

Солдат. Ну ты лучше помолчи, вор, помолчи, я тебе говорю.

Казак. Я не вор и не разбойник.

Солдат. Кто же ты?

Казак. Сынок Степана Разина. Вот уж погодите, как он придет в Астрахань, он эту тюрьму по камушкам разнесет, всех невольников выпустит.

В песне, записанной Ф. С. Голицыным от 80-летней

крестьянки в селе Карагуш Саратовской губернии в 1880 году, мы встречаем слова казака:

Стеньки Разина я сынок.

Придет новый батюшка скосна,

Новокаменну тюрьму по камешкам всю разберет,

Да всех невольничков распустит.

Этот же заключенный казак после приведенного выше разговора поет солдатам песню, посвященную гуляющим на воле товарищам:

Ой вы, братцы, друзья мои милые,

Не спокните меня, доброго молодца,

Во неволюшке,

Во неволюшке тяжелой, во царской.

Пригожусь то я вам, друзья милые,

Послужу я вам своим животом,

А еще лучше послужу своей грудью белою.

Введенная в драму песня представляет собой измененный вариант второй части известной песни "Как из славного царства астраханского", напечатанной Киреевским, а позже Пивоваровым ("Донские казачьи песни").

Государи мои, братцы-товарищи,

Не покиньте доброго молодца при бедности,

Уж как в некоторое время пригожусь я, братцы,
вам,

Заменю я вашу смерть животом моим,

Животом моим и грудью белою.

Финальная сцена драмы "Степан Разин" почти полностью построена на песне "Как помутился славный-то наш Дон". Происхождение финальной песни также известно. Это вторая часть популярной казачьей песни "На заре-то было, братцы, на утренней", широко распро-

страненной и зафиксированной в разных концах России.

Степан Разин в известной единственной нам драме изображен как горячий поборник народной свободы. Обращаясь к казакам на круге, Разин говорит о том, что донской атаман (вероятно, имеется в виду Корнило Яковлев) "продал Дон боярам", что надо горе размыкать, добыть себе в войне с боярами волю и "утереть народу слезы горючие". Тут же казаки избирают есаулом Ваську. Конечно, Васька — это исторический Васька Ус, ближайший помощник Разина.

Во второй сцене после освобождения "сынка" из астраханской тюрьмы Разин разговаривает с немецким рыцарем Выдрясом, который командует наемниками-иностранцами воеводы Прозоровского. Выдряс требует у Разина выдачи только что освобожденного "сынка". Разин гордо отвергает требования и, выхватив шашку, убивает Выдрыся. Третья сцена изображает широко известный эпизод потопления персидской княжны, в драме она именуется девкой-басурманкой. Сцена начинается беседой есаула Васьки с казаками, которые просят, чтобы есаул известил атамана, попавшего в сети к лютой змее, околдовавшей Разина своей любовью. Степан слышит шум, выходит к казакам и, услышав причину ропота, бросает девку-басурманку в Волгу.

Таким же ореолом окружен второй любимый герой русского народа, особенно популярный среди донского казачества, атаман Ермак Тимофеевич. Два варианта драмы "Ермак" записаны В. Головачевым и Б. Лащилиным — первый в станице Михайловской Хоперского округа, второй — на хуторе Вольновском. В отличие от "Степана

Разина" драма "Ермак" очень далека от исторических фактов. Мы не встретим тут ни одного упоминания о славном сибирском походе Ермака, о его битвах с Кучумом, о посольстве к Ивану Грозному, о трагической смерти атамана в волнах Иртыша. Ничего этого в донском варианте "Ермака" нет. Ермак изображен тут как типичный герой разбойничьих драм. Он гуляет по Волге с казаками, расправляется с помещиками, сражается с богатырем Марсом.

В обоих вариантах драмы "Ермак" множество прямых заимствований из драмы "Лодка", из "Царя Максимилиана", популярного когда-то драматического диалога "Аника-воин и Смерть" и многих других. Тут фигурируют лица, уже известные нам по тексту из "Атамана Бури". Та же семья Преклонских, тот же Марко Гробокопатель, тот же помещик, тот же богатырь-мусульманин. Он назван Мамаем. В драме очень много традиционных, как бы окаменевших в своей неподвижности, диалогов и эпитетов: все диалоги Ермака, есаула и помещика, а также ряд литературных заимствований. В сцене четвертой фельдфебель, разговаривая с Ермаком, повторяет слова пушкинского героя поэмы "Братья-разбойники". Это воспринято уже через искаженный текст народной драмы "Лодка". В первой сцене второго варианта казаки поют песню "скован, скован по рукам", представляющую прямое заимствование из баллады И. С. Тургенева "Разбойники". (Эта баллада была опубликована в "Отечественных записках" в 1841 году).

И все же, несмотря на все эти заимствования, собственные многим народным драмам, несмотря на то, что от исторической фигуры Ермака в драме осталось только одно имя, перед нами яркое классическое произведение о любимом народном герое.

Небольшая драма "Атаман Чуркин" записана собирателями в хуторе Креповском, недалеко от станицы Урюпинской. Это драматизация широко известной песни "Среди лесов дремучих". Песня эта написана немецким поэтом Фрейлигратом. А на русский язык переведена Ф. Б. Миллером. И опубликована в 1849 году под названием "Погребение разбойников". Вскоре она стала бытовать в народе и с именем атамана Чуркина дошла до наших дней. Бытование на Дону драмы "Атаман Чуркин" является лишним доказательством того, как литературные произведения влияли на создание многих жанров народного творчества.

Драму "Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольфий" В. Головачев и Б. Лащилин записали в станице Михайловской. Это одна из самых распространенных в России народных драм. Фольклористам известно свыше 200 вариантов "Максимилиана". Бытование этой драмы на Дону подтверждает органическую связь казачьего театра с общерусским народным театром, так же, как и наличие в донском репертуаре сатирической комедии "Ванька Малый и Барин Удалий", записанной также в станице Михайловской.

В. Головачев и Б. Лащилин записали и широко бытовавшие сатирические сцены-фарсы. Фарс "Как казак собачку лечил", где барин изображен в виде глупца; озорная сцена "Казак Чигуша и окружной атаман", сатирически изображающая "домовитых" атаманов; жанровая картинка "Казак Чигуша и Монах", изображающая чревоугодие и женолюбие монастырских "затворников"; полные искристого смеха бытовые сцены "Кобыла", "Повитуха", "Медведь" и др. Это грубоватый озорной театр народной

сатиры, в котором использованы все жанры фольклора. Тут и загадка, и поговорка, и песня, и удалая сказка, и духовные стихи, и анекдоты. Тут перед нами проходит целая галерея образов во главе с излюбленным персонажем донской народной комедии — плутоватым казаком, носящим имя Чигуша-Чига, — простодушным, но хитрым. К фарсам примыкают и пьесы кукольного театра, бытовавшего на Хопре. Из донских кукольников удалось узнать об одном К. И. Кондакове, создавшем кукольный театр на Хопре в 80-х годах прошлого века. Двоюродный брат этого кукольника Б. К. Кондаков, сам принимавший активное участие в представлениях, рассказал Головачеву и Лащилину о кондаковском театре. Но почти ничего не мог сказать о втором кукольнике Т. П. Куроплине, который долго выступал на Хопре и имел в своем театре особые технические приспособления.

Репертуар донского кукольного театра состоял из коротких фарсовых сценок, чаще всего сатирического характера. Тут опять-таки мы видим изобличение барства ("Барыня и крестьянка"), едкую насмешку над "домовитыми" казаками ("Атаман Сиденочник"), тут фигурируют сцены-шутки бытового семейного жанра. Старый муж и молодая жена ("Служивый Ваня и жалмерка Дуня", "Милые любятесь"). Все эти записи свидетельствуют о жанровом многообразии народного театра на Хопре, подтверждающего, что в этом театре наряду с чисто героической драмой бытовали сатирические комедии, острые фарсы, кукольные сценки, в которых были отражены жизнь и борьба, жанры, в которых нашли свое выражение свободолюбие, любовь к родной земле, нравственная чистота, честность, прямота характера, веселость, добродушие простых казаков.

Музыкальные инструменты, пословицы, предания

Каждое кукольное представление сопровождалось игрой двух гармоней, нескольких бубнов, литавр и трензелей.

Из музыкальных инструментов, бытовавших на Дону, самыми популярными были русская гармонь и бубен, реже звучали балалайка и скрипка. Играли на кларнете, флейте и даже на медной трубе. Их завозили казаки — военные музыканты, возвратившиеся со службы, где они играли в полковых оркестрах.

Самым древним струнным инструментом у казаков считалась донская лира, по-местному — *рыле*, или *гудок*, получивший название от звучащей струны — *баска*, которая только "гудёт".

Донская лира имела четыре струны и от 11 до 14 клавишей-шашек. Две струны звучали одинаково, третья — басок, назначение четвертой — отталкивать обратно клавиши. Струны изготавливались из бараньих кишок.

Играли на лире обычно двое — *рылешник*, он же *песенник*, и *помощник*, который поддерживал лиру и подготавливал, т.е. вторил. Во время игры *рылешник* левой рукой нажимал на клавиши, а правой вертел рукоятку, приводившую в движение колесико, которое терлось о струны, вызывая резкий, несколько гнусавый звук.

Время появления *рылешников* на Хопре неизвестно. Очень давно заходили на Хопер слепцы-лирники с поводами и играли грустно-протяжные песни на ярмарках и религиозных праздниках. Предание связывает появление

рылешников на Хопре с именами Позднышева и Быкадорова (по прозвищу Безрук). Про Безрука сложилась молва, что он был замечательным игроком на *рыле*. Именно он якобы научил казаков играть на этом инструменте.

Каждый *рылешник* был превосходным песенником и хорошим столярным мастером. Изготавливая для себя инструмент, он передавал его по наследству вместе со своим ремеслом.

Гудошники-песенники приглашались на свадьбы, на станичные торжественные праздники. В станичных правлениях специально для этих случаев хранились общественные гудки.

Кроме песен на Хопре бытовало много пословиц и поговорок, в которых отражались неписанные законы казачьей вольницы:

Атаман не волен и в докладе.

Без атамана дуван не дуваят.

Из рядовичей в атаманы выходят.

Была бы булава, будет и голова.

При войсковой булаве, да при своей голове.

*Секи меня, сабля турецкая, да не бей, боярская
плеть.*

С Дона выдачи нет.

Пословицы: "*терпи, казак, - атаманом будешь*"; "*где наше казачье ни пропадало*"; "*жизнь собачья, да слава казачья*", — говорят о тяжелой участи рядового казака, всю жизнь проводившего в трудных походах, и о том, как нелегко доставалась ему казачья слава.

Пользовалась повсеместной популярностью не только на Дону, но и по всей России пословица: "*напекли и наварили, как на Меланьину свадьбу*". Она связана с дей-

ствительным историческим фактом. Войсковой атаман Степан Ефремов, проходя однажды по базару Черкаска, увидел за прилавком молодую красивую казачку Меланью Карповну, обратившую на себя его внимание бойкой речью и редкой находчивостью.

Атаман приказал ей выйти за него замуж, и вскоре была сыграна пышная свадьба. Яств и питья было приготовлено для этого торжества такое множество, что пиршество продолжалось несколько недель.

Казакі были отличными всадниками и любили коня. Не случайно возникли такие пословицы:

Казак сам не поест, а коня покормит.

Казаку конь себя дороже.

Без коня казак кругом сирота.

Бесконный — не казак.

Казак с пленок на лошади.

Конь под нами, а Бог над нами.

Либо в стремя ногой — либо в пень головой.

На разговорный язык хопровских казаков оказало влияние повседневное их общение с запорожцами, татарами, турками, ногайцами, калмыками, греками. "Емельяном зовут Кузьминым, а сын тума, родился-де он, Емелька, на Дону, в Черкасском, отец-де его Кузьма, был русский человек, а мать туркень", — читаем в одном из документов XVIII века.

Тесное общение с восточными народами отразилось и на названии городков и станиц — Кумылга, Кумылженская. В быт донских казаков вошли заимствованные слова: каймак, арьян, каюк, кизяк, казан, чембур.

Основу казачества составляли русские. Но в состав их вошли люди и других национальностей, что и запечатле-

лось в некоторых старинных казачьих фамилиях: Грузиновы, Фицхелауровы, Кондауровы, Ахановы, Зембулатовы, Сариновы, Кирсановы, Грековы, Номикосовы, Кунделековы, Ляховы, Поляковы, Литвиновы.

Очень распространены были фамилии украинского происхождения: Александренков, Жученков, Григоренков, Павленков, Иванчуков. Есть интересные предания о происхождении хопровских фамилий.

С именем Петра I казачье предание связывает появление гербовой печати на Дону. В Черкасске на улице Петр I увидел пьяного, по пояс голого казака с ружьем в руке. Подойдя, царь спросил, почему он пропил все, кроме ружья. Казак, не поднимая головы и не видя перед собой царя, ответил, что с оружием он государю и Войску Донскому честь и славу добудет и одежду у врага возьмет. Петру понравились слова казака, и он приказал учредить гербовую печать Войска Донского с изображением сидящего на бочке голого по пояс казака с ружьем в одной руке и рогом, полным вина, в другой.

Правда, у казаков была и другая печать — "елень поражен стрелой". Символика: раненый, но свободный. Так как казаки получали жалованье из Москвы, то, чтобы не гневить царя, на документах, отправляемых в столицу, ставилась печать, учрежденная Петром I, а на других, что шли в Турцию, Болгарию, Персию, — олень, пораженный стрелой.

Из поколения в поколение передавались старинные рассказы о том, как казаки под предводительством Ермака Тимофеевича взяли Казань. Предание повествует следующее. Настреляли казаки птиц-баб (пеликанов) и, украсившись с ног до головы их перьями, вооружившись копьями,

ружьями, саблями, луками и стрелами, пошли под Казань. Своим необычным устрашающим видом они удивили русское войско и царя. Прибывший к ним боярин спросил, люди они или привидения, на что казаки ответили, что русские вольные люди с Дона пришли, чтобы царю московскому помочь Казань взять. В предании рассказывается, как казаки сделали подкоп, первыми проникли в город и вызвали панику, произведя ужас на жителей, принявших их за страшных чудовищ. А когда Казань была взята и царь хотел щедро одарить казаков, они ничего не взяли, а просили: "Чтобы только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил с тем, что кто буде дерзнет сих донских казаков с мест их сбивать, тот да будет проклят во веки веков", — писал А. И. Ригельман.

Есть и песенный вариант предания:

Ермак тремястами казаками город взял,

Город взял он Казань и царю отдал,

Избавил Ермак войско царское от урона,

За то царь пожаловал Ермака князем,

И наградил его медалью именною,

Да подарил Ермаку славный тихий Дон

Со всеми его речками и проточками.

Как взговорит Ермак донским казакам:

"Пойдемте, братцы, на тихий Дон, покаемся,

Не женатые, братцы, все поженимся!"

Другое предание гласит о том, как во время Ермака Тимофеевича было прислано царское жалованье: деньги, хлеб, вино, порох, селитра и сукно синего и красного цвета. Казаки, собравшись в круг для раздела жалованья, обнаружили недостаток красного сукна. Зашумел круг, нахму-

рился атаман. И порешили казаки делить все поровну. Пришлось синюю одежду отделать узкими полосками красного сукна с яркой красной отделкой.

Со времен восстания Степана Разина рассказывали о кладках. В многочисленных преданиях о кладках звучит мотив непобедимости и силы Разина как защитника народных интересов. Рассказывали в станицах, что Разин берег сокровища для простых людей и поэтому запрятал их в потаенных местах, а казаки, знавшие приметы этих мест, давно уж умерли. Другие говорили, что спрятали клад на Волге на бугре Стеньки Разина, в подземелье, и стережет его девица несказанной красоты.

"Когда шел Стенька Разин на Прощино городище, — говорится в волжском предании, — то зарыл в окрестностях его две бочки серебра. Конечно, зарыл он их неспроста, и теперь часто видят при вечере, как эти бочки выходят из подземелья и катаются, погромыхая цепями и серебряными деньгами. Но достать их мудрено.

Один мужичок узнал, что лежат они в горе, отыскал место, дождался полночи и стал копать землю и разворачивать камни: дошел он уже до плиты, закрывавшей заветные бочки, да как-то взглянул на противоположную сторону горы и видит он: идет на него войско, так стройно, ружья все направлены прямо на него. Он бросил все и бежал домой без оглядки. На другой день мужичок пошел на гору, но не нашел ни скребка, ни лопаты. Если бы он не струсил, то, без сомнения, клад достался бы ему".

Сколько же было кладов? Оказывается, их много, "одних главных — двенадцать". Взять их никак не удавалось. "За Волгой, на Синих горах, при самой дороге, трубка Стенькина лежит. Кто ту трубку покурит, станет заговоренным, и

клады ему дадутся все; будет, словно сам Стенька. Только такого смелого человека не выискивается до сей поры".

Народ считал, что Разин не умер, что "Стенька — это мука мирская, что Пугачев-то и есть Стенька Разин. Сто лет кончилось, и он вышел из горы".

Как народ не верил в смерть Разина, так же он не верил в смерть Пугачева, даже после его казни.

Рассказывали, что Пугачев спасся, а казнили подставное лицо — колодника. "Казнить-то казнили... да не его... Другого казнили, такого, вишь, человека подыскали из острожников, что согласился умереть замест его. Московский народ — знамо дело, не знал, не ведал, кто воевал на Яике. Сказали: вот-де Пугач! Ну и ладно! Пугач так Пугач... А наши казаки, кои в ту пору были в Москве, своими глазами видели, кому голову отрубили. Говорят, что похож-де обличьем на Петра Федоровича, а не он... Значит, один блезир показали".

Излюбленный мотив волшебных кладов присутствует в предании о Кондратии Булавине. В одном из преданий, записанном Б. Лацелиным на Хопре, рассказывается, что Кондратий Булавин спрятал войсковую казну в надежном месте Пристанского городка. Городок был сожжен царскими войсками, но заветный клад отыскать не удалось. Прошли годы. На этом месте поселился богатый казак дворянин Родионов и решил отыскать клад. Нанял мужиков и следил за ними, но не уследил. К ним явился сам Булавин и сказал: "Запомните, что свой клад я, Кондратий Афанасьевич Булавин, жалую вам, простым мужикам, не хочу, чтобы попал в дворянские руки". И не дался клад в жадные руки.

ТАМ, НА ТИХОМ ДОНУ

С Хопром связано и творчество выдающегося писателя Михаила Александровича Шолохова. Это его любимейшие места. Отсюда, из станицы Букановской, родом его жена Мария Петровна, дочь атамана Петра Громославского. В семидесятые годы, еще при жизни писателя, довелось услышать мне несколько преданий о М. А. Шолохове. Во время путешествия по Верхнему Дону лесничий из Вешек рассказал о том, как М. А. Шолохов женился. Приехал свататься. Петр Громославский только слышал о Мишке Шолохове, схватился за плетку: забудь и думать. В ответ: "Хоть убей. Пойду только за Мишку." Понял атаман, просто так это дело не решить. И надумал он: "Хорошо, выходи за него замуж. Но только с благословением и под венец в церковь." Знал атаман, что Мишка — комсомолец и прилюдно венчаться ему никак нельзя. И что бы вы думали? Шолохов обвенчался в церкви, выполнил свадебный обряд. Крепко он ее любил, раз пошел на такое. Наверное, позже не раз вспоминал Петр Громославский об этом. Ведь Мишка, за которого он не хотел выдавать свою дочь, от расстрела его спас, за участие в Вешенском восстании.

Или еще. Охотник Шолохов был страстный, влетает на моторке в затон, бах-бах-бах! Из пяти плавающих уток четыре перевернулись на бок. На берегу казачка запричитала: "Ирод, что ж ты наделал, уток перестрелял?!" И ну опять проклятия сыпать в адрес Шолохова. Тот молча подрулил к берегу, протягивает сто рублей за убитых уток. А тогда это большие деньги были. Вмиг казачка вытерла

слезы, покосилась на оставшуюся живую утку и, показывая рукой, сказала: "Добей и эту".

"А вот был случай, — лесничий затянулся дымком сигареты и хитро прищурился. — У Шолохова до войны была моторка. По тем временам вещь невиданная: у него, да еще у рыбохотинспектора.

Сидят на берегу рыбаки, поставили шнуры через Хопер. Снасть запрещенная, на стерлядь. Услышали шум, из-за поворота моторка показалаась. Рыбаки бросились в лес. Когда все стихло, выждав еще с час, вышли на берег. Один рыбак потянул из воды шнур, проверить. Тяжело идет шнур, волнуется рыболов. Смотрит, а на шнуре прицеплена малёшка, четвертинка водки то есть, через два метра еще одна, и еще. Обращается к другому, также перебирающему снасть: "Что у тебя?" "И у меня малёшка. И не одна". Засмеялись они. Поняли, не рыбнадзор это. Шолохов приезжал, пошутил". И, помолчав, лесничий добавил: "А он мудрый был".

М. А. Шолохов действительно пользовался всенародной любовью. Не раз приходилось слышать в станицах и хуторах, как казаки с любовью, легким юмором и иронией говорили о своем знаменитом земляке. Юмор и ирония у казаков особые. О чем бы ни говорили станичники, над кем бы ни посмеивались, всегда ставили себя рядом, не забывая о самоиронии.

Как раньше, так и теперь появляются публикации, в которых утверждается, что "Тихий Дон" — это великая книга, а "Поднятая целина" — так себе, иллюстрация колхозного строительства в СССР, которую написал Шолохов в обмен на обещание Сталина опубликовать придер-
жаный 3-й том "Тихого Дона". Да и "Тихий Дон", дескать,

принадлежит перу Ф. Д. Крюкова, а не М. А. Шолохова. Удивительно, как живучи эти вымыслы.

В 1928 году с помощью А. С. Серафимовича был опубликован первый том "Тихого Дона". Почти вслед за публикацией в ростовской газете "Молот" появилась статья, где автор, изумляясь мастерству, восклицал: "Какой размах, какой масштаб поэтического мышления у 23-летнего автора!" И хотя в статье не говорилось о плагиате, пополз слух, достиг Москвы, рапповская критика в лице Л. Авербаха вступилась за М. А. Шолохова, хотя позже ему не раз доставалось от рапповцев.

Один из современных писателей в связи с 90-летием М. А. Шолохова, размышляя о его творчестве, цитируя "Тихий Дон", поражается тому, что рядом со строчками "нечеловеческой силы" встречаются заурядные, даже банальные фразы.

Удивляет не это, а то, что *это* ему кажется странным. Хотя высочайшего накала все строки не могут быть. Если мы почитаем Ф. М. Достоевского, увидим сколько угодно банальных строк.

Бывает и по-другому. Что, впрочем, подтверждает правило. М. Ю. Лермонтов начал работу над романом "Герой нашего времени" в 23-летнем и полностью завершил в 25-летнем возрасте, и никто не обратил на это особого внимания. А такая глава, как "Тамань", полностью состоит из поэтического текста "нечеловеческой силы", говоря словами известного современного писателя.

Шлейф от легенды, что "Тихий Дон" принадлежит погибшему на фронте белогвардейцу Ф. Д. Крюкову, а М. А. Шолохов приписал себе авторство, тянется до наших дней, несмотря на то, что ученые, не наши, а швед-

ские, по просьбе Королевской академии наук исследовали язык произведений Ф. Крюкова и М. Шолохова. И не сейчас, а в эпоху холодной войны. Чтобы не оказаться заподозренными в симпатиях к коммунистическому писателю, ученые-лингвисты для объективности использовали даже электронно-вычислительную машину. Выводы ученых и машины совпали: язык произведений Ф. Крюкова и М. Шолохова различен. Еще раз было подтверждено, что Нобелевская премия в 1965 году присуждена автору "Тихого Дона" М. А. Шолохову.

Да и "Поднятая целина" при внимательном чтении оказывается не одой сталинско-колхозному строительству, а, прежде всего, художественным произведением. Общеизвестно, что политические взгляды писателя и его творчество могут объективно различаться. Например, И. С. Тургенев был политическим противником своего героя — Базарова из романа "Отцы и дети", — все же изобразил его правдиво, художественно убедительно. В этом романе были подняты такие общечеловеческие вопросы, о которых спорят до сих пор. Конкретная ситуация, вызвавшая появление на политической арене разночинцев, уже давно ушла в прошлое. И не она сейчас составляет суть споров. То же можно сказать и о "Поднятой целине". Да и главными героями в большей степени являются Лушка и дед Шукарь, а не М. Нагульнов и С. Давыдов, гибель которых в финале закономерна. Советская критика обратила внимание, что больше всего страниц, в сравнении с другими, посвящено в романе деду Шукарю, этому отлично выпisanному народному герою. И Лушка — настоящая казачка, красивая, статная, основной смысл ее жизни — любить и быть любимой. Взять хотя бы эпизод, когда Лушка склоняется над убитым Тимофеем

Рваным. Тихо и печально она прощается с ним. Она по-настоящему, не таясь, открыто и искренне, на виду у всех страдает и любит. Даже железный "двадцатипятидесятник" Семен Давыдов, рабочий-путиловец, прошедший революционную закалку, не устоял перед чарами Лушки. И нет большей трагедии для нее, как изгнание из родного хутора. Иначе с ней не справиться, уж никак она не вписывалась в строительство новой жизни, не понимала ее, а, по мнению М. Нагульнова, была врагом, "сознательно вредила", не давая полностью сосредоточиться им на колхозном строительстве. Не потерялась Лушка и в городе Шахты, где ее встретил земляк из Гремячего Лога. Она замужем за инженером. Но померкла ее красота, она состарилась, растолстела, безжизненны ее глаза. И в этом сила художника Шолохова.

Не меньшее значение имеют и Лятевский с Половцевым. Они создают не динамику классовой борьбы, а динамику развития сюжета. Давыдов приезжает днем, он не боится, да и кого ему бояться, за спиной — мощная партийно-государственная система? Альтернативы колхозному строительству нет и быть не может. Все это понимают. Но понимают и воспринимают по-разному, по-разному относятся. Кто-то пытается свыкнуться с мыслью, что наступает новая эра, новая, лучшая жизнь. Кто-то искренне верит в эту жизнь, строительство которой для него реально, кто-то озлоблен, кто-то вообще ничего не понимает и т. д. Лятевский и Половцев таятся, приехали ночью, и все их потуги якобы организовать контрреволюционную борьбу шиты белыми нитками. Это понимают, прежде всего, сами Половцев и Лятевский, о чем свидетельствуют ожесточенные споры между ними, взаимная ненависть и ощущение обреченности. Они понимают, что состояние, в котором нахо-

дятся, — агония. По инерции собираются организовать что-то наподобие борьбы с советской властью. Ненависть движет ими. В реальность своего дела они не верят. Это прекрасно показано Шолоховым в сцене с обобществленными быками, когда в целях гигиены, как оправдывается Яков Лукич Островнов, и с иронией пишет Шолохов, вместо соломы он насыпал песку и быки примерзли к земле. Мудро и иронично пишет об этом Шолохов. С точки зрения реального события это неоправданно и неубедительно. Даже читатель, никогда не видевший быков или коров в своей жизни, понимает, что что-то алогично в этой ситуации, тем более, что накануне с Давыдовым спорил и возмущался Любишкин.

С позиций здравого смысла неясно, зачем автор ставит всех в дурацкое положение. И все вынуждены разбирать эту дурацкую ситуацию. Вредительство Островнова установлено. Но как же реагирует Давыдов? С позиций здравого смысла, реально Островнов был бы репрессирован. Его в два счета убрали бы из хутора различные органы, от партийно-хозяйственных до карательных. И без совета с Давыдовым. Ситуация ясная. Она противоречит читательскому восприятию, она как бы немотивирована. Островнов остается на должности. Предположение, что колхоз не может обойтись пока без Островнова до того наивно, что об этом говорить вряд ли стоит. И это в те времена, когда район и агротехническая районная инспекция едва ли не по дням и часам расписывали для колхозов кому, где и что сеять? Кажущаяся неубедительность Шолохова становится убедительной и ясной, когда мы обращаемся к поэтическому миру писателя.

Шолохов сознательно заостряет наше внимание на абсурдности ситуации, ее немотивированности и необъяснимости для того, чтобы показать читателю нелепость самой борьбы с советской властью, это скорее безысходная имитация борьбы Половцева и Лятевского. Здесь внутренний событийный конфликт важнее внешнего. И мотивированность ситуации здесь внутренняя, отражающая достижение пика психологического напряжения противостояния действующих героев. Непривлечение к ответственности Островнова мотивировано внутренне, с позиций законов художественного мира романа.

Или явная пародия на идею мировой революции большевиков, когда Макар Нагульнов по ночам (не только потому, что днем некогда, это симптоматично и по другим причинам) учит "аглицкий" язык, чтобы на их же языке с мировой контрой гутарить. Еще раз М. А. Шолохов подтверждает, что собственно контрреволюции, стоящей, на которую можно было бы обратить серьезное внимание, нет. Она за пределами страны. Это понимает даже Макар Нагульнов, несмотря на то, что ему везде мерещатся контрреволюционеры.

Заблуждаясь относительно мировой революции, Макар Нагульнов искренне уверен в ней, под утро слушает и восторгается петушиным пением. Не подозревая, что петухи отпевают нечистую силу. Это традиционный фольклорный символ. Не случайно у В. М. Шукшина одно из произведений называется "До третьих петухов". Петухи и петушиное пение постоянно занимают героев "Поднятой целины" на протяжении всего романа, начиная с обобществления, создания "куриного" колхоза до его роспуска. И после этого страсть к "аглицкому" языку и петушину

пению еще более разгорелась в воображении Нагульнова. И соответственно дед Шукаря.

Или эпизод, в котором Нагульнов, этот необузданный и горячий партизнец, вдруг осознает, что за свои выходки может оказаться вне партии. Для Макара Нагульнова это страшно. Но еще страшнее его размышления на Смертном кургане, от которых веет надвигающейся эпохой 37-го года.

Художественно убедителен и дед Шукарь. С героями романа он оказывается рядом в самые кульминационные моменты событий. С Макаром Нагульновым слушает пегушное пение. Дед Шукарь гордится объединившим его с Макаром общим делом. Шукарь произносит в различных эпизодах целые монологи и всегда к месту.

Первоначальное название романа "С кровью и потом" было заменено на "Поднятая целина". И первое и второе символично, но второе шире, глубже. Если полистать подшивки донских газет конца XIX века, в многочисленных статьях обнаруживается настоящая тревога. Многовековая традиция на Дону не позволяла распахивать сенокосные угодья, особенно степные. Но все большая капитализация сельскохозяйственного производства, аренда подвергли хищнической эксплуатации землю. Используя 2—3 года землю, предприимчивые люди распахивали все новые и новые участки, по целине получая максимальную прибыль.

Как видим, эта тенденция не была остановлена и в 30-е годы XX века. Остатки целинной степи были подняты, т. е. распаханы, что символизировало не только подведение черты под патриархальным укладом общинного жизнеустройства, но и предопределяло будущее. Да и на-

звание хутора "Гремячий Лог" красноречиво говорит, что место жизни своих героев в сложный период М. Шолохов выбрал не случайно. Лог — это овраг, а гремячий — потому что весенняя бурная вода гремит, расширяет и углубляет овраг. Но стихает паводок и остается зиять увеличивающийся овраг, много сил необходимо приложить, чтобы обустроить его, найти защиту от эрозии почвы, противостоять природной и социальной стихии.

Междуречье Хопра и Дона: станица Вешенская, хутор Калининский (в романе "Тихий Дон" — хутор Татарский), хутор Рубяжный, хутор Лебяжий, станица Еланская, хутор Еланский, хутор Зимовной, хутор Гремячий, станица Букановская, станица Слащевская, — та территория, которая стала поэтической реальностью большинства героев "Донских рассказов", "Тихого Дона", "Поднятой целины". Ниже станицы Усть-Хоперской есть знаменитый овраг Гремячий. Так что М. А. Шолохову особенно ничего не нужно было выдумывать. Необходимо было только увидеть и понять, что он и сделал.

На Западе, в отличие от российской критики, относившей произведения М. А. Шолохова к социалистическому реализму, творчество писателя получило определение "жестокий" реализм. Кто и как бы его ни называл — "социалистическим", "жестоким" реалистом — жизнеутверждающая вера в человека у Шолохова очевидна.

ЛЕС НА ПЕСКЕ

Общеизвестно выражение: дом на песке. Это что-то аморфное, несбыточное и нереальное. Но чтобы вырастить лес на песке, такое может только присниться. И все же. Когда подъезжаешь к реке Хопер со стороны станицы Алексеевской и видишь стройные ряды сосновой рощи, кажется невероятным, что посреди знойной выжженной степи, сплошь состоящей из песка, такое возможно. Но еще более впечатляют рукотворные насаждения у станицы Кумылженской. С возвышенного косога далеко за горизонт на десятки километров простираются леса, выращенные в буквальном смысле на песке.

Во время экспедиционной поездки по Хопру осенью 1994 года я спросил у В. Ярмаковича, журналиста из Волгограда, не знает ли он, кто посадил этот лес. "Цыплаков, — коротко ответил Витольд, — о нем писали все газеты. Если хочешь, можем заехать. Он живет в Кумылге." На обратном пути, намотавшись по станицам и хуторам, мы заехали к Цыплакову в Кумылгу.

П. Т. (Петр Тимофеев). *Георгий Иванович, вот мне Витольд рассказал, что вы много лет занимались лесоводством и вообще главный и уникальный специалист по разведению лесов на движущихся песках. Ведь это очень сложно, на движущихся песках закрепить сосны, чтоб они укоренились и потом росли. Расскажите, с чего все начиналось, какова технология, как она разрабатывалась и где использована?*

Г. Ц. (Георгий Цыплаков). Это прошедший этап.

П. Т. Для вас прошедший. Экология сейчас вопрос жизни, а не только простого любопытства.

Г. Ц. Началось все с чего? Я сюда приехал в 1970 году работать лесничим после окончания института. 1972 год был очень тяжелый, сухой, но по велению партии и народа, — он усмехнулся, — с восточной стороны были подняты пески.

П. Т. Как подняты?

Г. Ц. Вспаханы. Цель была благовидная: увеличение производства кормов. Ведь пески малопродуктивны, а здесь, в этом районе более 55 тысяч га песчаных земель, а пахотных чуть более 30 тысяч га. Хотели использовать. Согнали сюда 30 "кировцев" и ударно, с лозунгами вспахали. Это было в 1971 году, а весна 1972 была страшно засушливая, начались суховеи, и понеслось. Так вот, когда пахали, я пришел в кабинет секретаря райкома и говорю: "Этого делать нельзя". "А как надо делать?" — спросил секретарь. "Сначала надо было подготовить лесополосы, так говорит наука". Но дело было сделано. Весной, когда этот суховея подул, народ начал роптать. Была написана огромная коллективная жалоба. Жалоба пошла в ЦК, оттуда приехала комиссия, человек 15. Возглавлял ее заслуженный старший лесовод, который хорошо знал наш район, занимался научными исследованиями здесь еще в 30-е годы. Это Гаель. Очень разумный человек. Было принято ни к чему не обязывающее решение, что вначале нужно закрепить пески. С этого все и началось. Вспомнили, как я говорил, что нельзя пахать. Решили посадить сосны. Пески настолько бедные, что кроме сосны ничего сажать нельзя. Пробовали все: березу, тополь, клен, но мало гумуса, от 0,2 до 0,5 %. Кроме того, пески такого промывного характера, что влага не задерживается, уходит

быстро. Начал я заниматься. Объехал, посмотрел. Думал о животном мире, как учесть тропы из поймы Хопра. Я страстный охотник. Написал записку, вычертил схемы. Утвердили. Так и пошло. Задача, как принято у нас, была поставлена жесткая: в кратчайшие сроки. Быстро и много, сразу и все. Жизнь подгоняла. Начал с того, что изучил агротехнику и технологию посадки. Они практически не удовлетворяли и не отвечали требованиям. Посадочные машины, как создали их в 30-е годы, с тех времен и использовали. Агротехника была сложной, требовала предварительной подготовки почвы по типу лущения. Зачем лущить пески, я никак не мог этого понять? Потом несколько раз культивация, вспашка, после вспашки культивация с боронованием и т. д. Понимаете, я никак не мог понять, зачем это на песках? А вышестоящее начальство, не руководящее, а техническое, никак не соглашалось изменить агротехнику. Министерство тоже ни в какую не соглашалось отступать. Использовалось это десятилетиями, привычно. Правда, во ВНИАЛМИ* нашем молодой тогда еще Петров начал предлагать новую агротехнику, но он работал не в нашей зоне, а по Калмыкии, по югу. Появились разработки опытных лесопосадочных машин, которые предусматривали совершенно новую агротехнику: одновременная подготовка почвы с посадкой. Изготовили 20 машин и разбросали по Волгоградской области, да еще в Пермь отправили, где открытых площадей вообще нет, а только лесосеки. Раз опытная, пусть ее пробуют, независимо от того, легкие почвы, твердые ли. Никого из чиновников это не интересовало.

*Всесоюзный научно-исследовательский агролесомелиоративный институт.

В общем, я из этих 20-ти машин собрал 18. За месяц. Они все лежали не распакованными. Года полтора валялись. Я их собрал. И из Перми привез три. Две не смог найти, их порезали автогеном. Все это партизанскими методами. Начальник управления меня поддерживал, но технологи настояли, и мне дали строгача, т.е. строгий выговор. Изучал организацию труда. Организация бригадная была. Фактически каменный век. Занялся я реорганизацией, поломал существующую структуру управления производством. Собрал все в одно место и организовал отряд. С выездом в поле, с ночевкой, с питанием, с бытовыми вагончиками. Ввел аккордно-премиальную систему оплаты труда, тогда она не очень еще шла. Ввел качественные показатели, штрафные санкции на свой страх и риск за некачественную работу и т. д. У нас получалось. А здесь в чем суть еще? Почему необходима спешка и строгость: весна у нас короткая, агротехнические сроки нашей зоны 7 дней, да еще могут ухудшиться погодные условия в эти 7 дней, что обычно случалось. В этот год у нас своего посадочного материала было мало и не всегда качественный. Везли отовсюду, где только можно было взять. Все же сумели по отрядной схеме посадить 382 га сразу. Это была для Волгоградской области недостижимая цифра. Притом посадили за 5 дней. И качество было отличное. Сколько комиссий ни было из министерства, ни одна не нашла огрехов, хотя желающие были. На следующий год я задумался над агротехникой создания посадочного материала. Посмотрел, ну, ручной труд, школьники. Для того, чтобы вырастить сотку посадочного материала (1000 штук) требовалось в пределах 1800 человеко-дней. Это страшно, да еще прополка.

Посидел, подумал, как использовать культиватор, который мог хотя бы между полосочек культивировать. Изменил схему посева, вместо сплошной — рядами. И последнее. Я до сих пор считаю, самое главное, что пришло мне в голову, — это провоцирование зон растительности. Мы готовили в питомнике почву под определенную агротехнику. Я ничего не изменил, только сдвинул по срокам. У нас посевные сроки где-то с 5 по 20 мая, в тот год теплые дни до 5 мая стояли, трава растет. Как бы ее спровоцировать? Решил вынуть посадочный материал и тут же готовить почву, а это где-то начало апреля, конец марта, т.е. на месяц срок я сдвинул. Когда я так сделал, трава к посевным срокам, к 5 мая покрыла все. Полил аммиачной селитрой.

П. Т. А у вас посевные сроки в какое время?

Г. Ц. Это 7 дней посадочные, посевные больше, в питомнике, где-то с 5 по 20 мая. Когда вынимаешь посадочный материал или он сидит еще в почве, то у него идет вегетация, начало сокодвижения, роста. И вот этот срок агротехнический определяется в 7 дней. Если в эти дни не воткнул его в землю, он погиб, т. е. ты перешел точку роста, он не приживется. А почему до этого нельзя? Еще лежит снег, лед, а посевной период немножко дольше. Семена готовы, у них уже точка роста есть.

Почву готовили в питомнике под посев сразу, чтоб увидеть, как взошла сосна. И вот, когда я сдвинул этот срок на месяц назад, то у меня весь питомник покрылся зеленой травой. Я спровоцировал семена, а перед посевом семян сосны я их полил аммиачной селитрой. Новые семена сорняков должны были взойти позже, чем сосновые. Таким образом получил чистейшие ростки со-

сны. Там и фильмы снимали, и фотографии делали. Идеально все идет. В стране не было такого. Сосна вышла чистенькая, а трава пришла после того, как уже можно было работать с почвой. Таким образом я сократил, сейчас уже не помню, но огромное количество человеко-дней. Теперь мне строчку видно, я культиватором в междурядья влезу, чтобы сорняк убрать механизированно. И у нас стали управляться во всем питомнике 6 женщин, несмотря на то, что мы увеличили площадь питомника в 2 раза. Это была фантастика. Специалисты со всей страны приезжали и из-за границы, масса людей работала. Это провоцирование сорной растительности дало возможность получить большой экономический эффект. Ручной труд был заменен механизированным, химию я ни в коем случае не применял. Как мне ни навязывали, я ни в какую. Один раз меня заставили насильно применить гербицид, и весь питомник погиб. Мне пришлось его пересевать. Я сказал: теперь только через мой труп. А для улучшения состояния почвы, для улучшения гумуса я возил торф: с Перми, из Пскова, обогащенный торф. Навоз не применял, торф возил вагонами. Еще измельчал солому и вносил под зиму, запахивал ее. Это неоценимое удобрение на бедных почвах. В чем его ценность? Там очень мало сопутствующих грибковых паразитов. Если внести навоз, то сосенка погибнет от паразитов, которых очень много. Десятками тысяч исчисляются, и они сопутствующие. А вот в ржаной соломе их нет. Сделал я еще мульчирователь, как раз для внесения этой соломы и опилок. После посева семян я их не стал засыпать песком, а засыпал соломенным слоем с опилками. Таким образом увеличивался гумусный слой раза в полтора в почве. Во второй год мы посадили 800 га.

Потом пошли по 1000, по 1100, 1200. Тем же составом людей, в те же сроки.

П. Т. А сколько всего посажено? И на какой площади? И где?

Г. Ц. Всего посажено? Занятая площадь — все 55 тысяч гектаров. Но она выборочно занята. А в общей сложности посажено 10 тысяч гектаров. И у нас очень высокая сохранность — 9,7 тысячи гектаров. Сохранность зависит не только от потрав, а и от взаимодействия со средой. Она же антагонизирует, сосна не абориген в наших степях. Агротехника помогла ей прижиться. В чем ее суть? Дело в том, что посадки всегда велись на поверхности почвы. Затем суховой дул. Постоянно этот обработанный слой почвы выдувался. Стебелек засыпался. Я опустил сосну на дно борозды. Посадочная машина это позволяла. Таким образом посаженная сосенка оказывается ниже поверхности почвы примерно на 10—12 см. Если посмотреть в профиль на посаженную площадь, то она волнообразна. И когда суховой дул, то оказалось, что эта волнообразность спасала сосну. Она не давала возможности засыпать ее и не выдувалась. Конечно, когда ветер дул, первые бороздки, которые встречали суховой, засыпались песком, а дальше создавался небольшой вакуум (этот феномен изучили ребята из ВНИАЛМИ), повышенное давление не пускало песок и не выдувало сосну. Кроме того, эти борозды становились естественным приемником, ложем для приема воздушной влаги за счет перепада ночных и дневных температур. В зоне посадки влажность всегда выше, чем по краям или вне ее. А 10—12 см, на глубине которых находилась сосна, позволяли ей дольше цепляться за влагу, когда она постепенно уходи-

ла с поверхности. Со временем природа постепенно выравнивала эти борозды, они практически не оставались. С помощью культиватора мы помогали природе, расширяли борозды для сбора естественного стока влаги. Чтобы сохранить посадки, я добился, поставил наблюдательную вышку и телеглаз. Все работало хорошо. Сидишь у монитора, наблюдаешь, любая вспышка моментально фиксируется, ведь сосна же страшно горит. У меня не было пожаров, фактически успевали локализовать на месте, телеглаз реагировал на дым. Он вращался на 307°, почти по кругу, зона охвата — 60 км. Высота вышки 66 м.

П. Т. А вышка отечественная?

Г. Ц. Вышка отечественная, предназначена для таежных условий. Кстати, этот телеглаз был опытным. Я не помню, но, кажется, ленинградцы делали.

П. Т. Георгий Иванович, лет 20 назад, проезжая из Букановской вдоль Хопра в сторону станицы Еланской, на бугре, я видел, росли сосенки. Они выжили?

Г. Ц. Да. Практически все насаждения живы. Там часть наша, а часть ростовских лесомелиораторов. Ростовские насаждения почти все погибли. У них там беда большая: вторичный вредитель пошел. Мы до этого не допустили.

П. Т. Как это, вторичный вредитель?

Г. Ц. Насекомые, в основном, пилильщик. В тот год был массовый вылет вредителей. Я добился в министерстве, и мы из Венгрии привезли препарат, я уже не помню его название. Очень дорогой, биологический, для людей и животных безвредный. Привезли на все наши леса 1,5 кг. На одну самолетную заправку вносили 20 г. И наши леса остались целы.

П. Т. Как вы считаете, насколько перспективны посадки сосен в Прихоперье, до каких границ они возможны?

Г. Ц. Я думаю, везде возможны, где позволяет почва.

П. Т. А каково общее состояние леса вдоль Хопра?

Г. Ц. Если оценку ему дать, я не могу. Но лес подошел к своему естественному состоянию, так как неизвестно, какой он биорегенерации.

П. Т. Идет естественное воспроизводство?

Г. Ц. Идет, притом низкоствольное воспроизводство, от пня. Считаю, он подошел к той черте, к которой должен был подойти.

П. Т. За которой уже гибель?

Г. Ц. А гибель давно идет. Почему я начал интенсивные рубки? Я увидел сегодняшнюю и завтрашнюю гибель. Лучше сохранить древесину, чем ее потерять вообще.

П. Т. Рубили какой лес?

Г. Ц. В основном, дубовый. Тополь — растение порослевого воспроизводства, сама природа его воспроизведет. У него вырождение фактически очень медленное. Дуб также имеет свойства порослевого размножения, но как запасной вариант. Природа дала ему этот запасной вариант, чтобы выжить, а не чтобы жить.

П. Т. А вы дубовые леса сажали?

Г. Ц. С дубовыми лесами очень сложно, ими практически никто не занимается.

П. Т. Мы видели дубравы на правой стороне Хопра, вдоль Луковской, Арженовской, Зотовской станиц.

Г. Ц. Ну, это ученые занимались еще в 30-е годы. Процесс очень сложный, и по многим причинам. В том числе экономическим. Дорого. Если вы дорогу сделали, ее

через несколько лет окупили. А лес посадить, когда еще окупится. И он ничей, т. е. государственный. Вот ко мне приезжал француз. Собственник. У него 617 га леса. Эти 617 га — 9-е поколение, где-то 13-е поколение людей. Приезжал почему? До него еще кто-то был, я уже не помню, кто. Они замеряли гумус, притом прирощенный. А был июль, влажность воздуха упала до 37%. Удивились. Такая влажность бывает в условиях пустыни, по приборам начали щелкать пальцами. Работают ли они? А они работали. Я им рассказал анекдот. Инспектор ГАИ останавливает водителя. А сам постоянно пьяненький. Заставляет водителя дунуть в трубку, она не синее. Что, не работает? Он сам как дунет, она и посинела. О, работает! Я им рассказал, они смеялись до слез.

Где-то у меня письмо сохранилось из ООН, благодарственное, за вклад в развитие лесоразведения в особых климатических условиях планеты. Так вот, француз этот, собственник, приехал, его заинтересовало, почему здесь гумус образовывается быстрее, и его больше, чем у него на родине? Когда мы с ним поговорили, нашли точки соприкосновения. Нашли разгадку. Там, у себя, под пологом спелого леса они пытаются вести травопольный севооборот. Сеют люпин, эспарцет, потом траву эту скашивают. Улучшают почву, но уничтожают микрофлору, которая способствует образованию из падающих иголок (это кислая среда) гумуса. Они убирают иголки, подсевают траву.

П. Т. Очень интересно. Мне рассказывала Н. Ф. Марченко, научный сотрудник Хоперского заповедника. В конце 70-х годов вдруг начали вязы во Франции усыхать, аналогичный процесс пошел в Хоперском заповеднике.

Г. Ц. Это так называемая "голландская болезнь". Дело в том, что в воздухе огромное количество спор уносятся до озонового слоя, передаются на огромные расстояния.

П. Т. Ученые начали изучать эту проблему, организовывали конгрессы, но найти причину увядания и усыхания не могли. Самое интересное другое. Прошло 10 — 12 лет, и у нас, в Хоперском заповеднике, началось естественное восстановление, старые вязы зазеленели, а во Франции до сих пор стоят сухие. И вот это поразительно, связано с экологическими устоями естественного воспроизводства леса, в отличие от искусственного, как это было во Франции.

Г. Ц. Даже вот такая сторона. Я начал в пойме рубить усыхающие деревья. Мне: "Ты вырубашь все леса!" А он завтра погибнет, он уже смертник. Здоровые деревья мы все оставляли и оставляем. Но противников появилось сразу очень много, со всех сторон. Мы с учеными из ВНИАЛМИ изучали, а сколько же жить пойменному дубу? Есть деревья 17-го поколения, 14-го, т. е. 140 — 160 лет. Это его критический возраст. У него уже возраст спелости 30 лет. В Дикой Лучке против Букановки мы нашли 4-е поколение, вот ему необходимо дать дожить до естественной спелости. И рубить эти деревья ни в коем случае нельзя. Возьмите любое биологическое существо, доведите его до зрелости и больше фактически ничего не будет. Мутанты. Создатель дал дубу порослевую способность размножаться для сохранения вида в экстремальных условиях, а не как естественную потребность. Он должен семенами размножаться. А почему он не размножается семенами? Потому что очень сухо, потому что изменился

климат. Не столько сам климат, сколько почвенно-климатические условия. Изменил их в основном человек. Зарегулировал сток рек, лишив половодий нормальных, распахан земли по берегам. Человек создал более жесткую среду обитания, поэтому желудь, упав на землю, не прорастает.

П. Т. Если только случайно?

Г. Ц. Случайно не бывает. Это даже случайность случайности, если желудь попал в какую-то щель, создались благоприятные условия. Я за свою более чем двадцатилетнюю службу естественного воспроизводства дуба нашел 5—6 стволиков. Один я выкопал, он упал в какую-то щель, где-то чуть ли не на метр глубиной, оттуда вышел. Другой вышел из-под пенька.

П. Т. Но мы встречаем в лесу естественную поросль дуба.

Г. Ц. Это не естественная. Когда-то, много лет тому назад, когда еще в природе было естественное воспроизводство, дуб пророс. Но ежегодно поедается, скусывается скотом. Это старик, неразвившийся старик. Если его ствол исследовать, ему под сто лет. Ведь для чего надземная часть существует? Чтобы развилась подземная. А вы надземную ликвидируете, подземная не будет расти.

П. Т. Карликовые уродцы.

Г. Ц. Карликовые уродцы. Когда я приехал сюда в 70-м году, то недалеко от дома в котловине посадил сосну. Рядом сосны уже по 15 и более метров, а в котловине условия по питательности ненормальные. И эта сосна не более метра.

П. Т. Спасибо за беседу.

Удивительна судьба человека, крепко стоящего на земле, созидателя, сумевшего доказать, что восстановление лесов, некогда в изобилии произраставших в Прихоперье, не только возможно, но и необходимо.

Подвижничество — это не только самоотверженность в достижении цели, это состояние души. Неоднократно Георгий Иванович Цыплаков подчеркивал, что он счастливый человек, несмотря на труднейшие испытания, выпавшие на его долю. Родился он 15 мая 1935 года в г. Уральске, куда были сосланы его отец и мать — коренные москвичи. Во время войны родители погибли, а он оказался с бабушкой в Сталинграде. После долгих мытарств в первые послевоенные голодные годы выжил только благодаря рыбе, которую ловил в Волге. Буханка хлеба стоила 500 рублей, сазан на 10 кг — 3 рубля, банка черной икры — 20 копеек. Жили с бабушкой в солдатской палатке, а зимой в дровяном сарае, отапливавшемся буржуйкой. В школе, вспоминал Георгий Иванович, учился всегда хорошо, но и здесь чудом остался жив. Все его сверстники, кроме одного, погибли. Вокруг снаряды, мины, патроны, все подвалы открыты. Боеприпасы постоянно взрывались, в таком возрасте почти невозможно удерживать любопытных пацанов. Закончил школу, институт, работал инженером-конструктором на заводе "Баррикады" в Волгограде. Проработал 12 лет. Затем решил сменить профессию, закончил Марийский лесотехнический институт, один из старейших в стране. Приехал в Кумылгу.

Верховья Дона в прошлом были богаты лесом. По берегам Вороны, Медведицы, Хопра стояли великолепные боры, но хозяйственная деятельность человека к XIX веку нанесла невосполнимый урон лесному богатству. Уже в

1820 году, по данным Статистического Комитета ОВД, строевой лес занимал 102 тысячи десятин, дровяной и кустарник 319 тысяч десятин. Распределялся он неравномерно. Самый лесистый — Усть-Медведицкий округ — занимал 176 тысяч десятин, Хоперский — 80 тысяч, остальные округа — от 10—12 тысяч до 30—40 тысяч.

Нельзя сказать, чтобы войсковая администрация не уделяла внимания лесному хозяйству. Положением 1835 года было разрешено заниматься лесоразведением всем желающим. "Охотников производить опыты лесоразведения, — писал М. Богданович, — явилось много, но самым энергичным лесоводом оказался П. Г. Павлов. Он занял под лесную площадь 200 десятин земли и решил развести вербу, тополь, дуб, караич, а между ними дикую яблоню и грушу. Сначала дело шло хорошо. Деревья, посаженные стройными рядами, дали прекрасные ростки, за исключением терна и ольхи, пропавших бесследно. Особенно хорошо удался караич. Полая вода 1875 года ясень и клен уничтожила без остатка, погибли дубовые всходы. Опыты продолжались в 1876 и 1877 годах. Из посаженных деревьев сохранились только верба и тала". В конце экспериментов П. Г. Павлов делает вывод, что лесоразведение возможно, хотя сопряжено с большим трудом, требует много времени и издержек.

В это же время, в 1876 году Н. П. Заламанов в "Донском голосе" опубликовал статью, в которой писал: "Разведение лесов в местностях степных, страдающих от засухи, увеличит еще более вредное действие засух на полевые растения, т. к. леса испаряют воды более, нежели почва, непокрытая растениями и, сверх того, уменьшают образование росы на полях. Вследствие этого поля, отра-

жающие леса, сильнее страдают от засух, нежели поля, далее лежащие".

Конечно, таким выступлением возмущился Семен Номикосов и написал в "Донских Епархиальных Ведомостях", что, "чем растительность по Заламанову роскошней, тем она ближе к вымиранию. Если лес или роскошный луг испарит всю влагу из почвы, то, очевидно, растения долее существовать не могут. Почва же, непокрытая лесом и другими растениями, мало-помалу должна накопить влагу и превратиться в болото.

Действительно, Н. П. Заламанов заявляет, что истребление лесов на юге ведет за собой образование болот. На основании простых законов мышления, следуя положению Заламанова, мы придем к убеждению, что песчаная Сахара рано или поздно превратится в болото, наши Архангельская и Вологодская губернии, если воспретить рубку леса, — в сухую степь, лишенную всякой растительности.

Известно, по берегам больших южных рек наших рос некогда непроходимый лес. Лес этот изведен, но отчего-то берега не превратились в болота и, напротив, занесены песком и на значительные расстояния. Мы полагаем, что берега стали песчаными, сухими именно вследствие уничтожения лесов. В некоторых департаментах Франции песчаные дюны, образованные большими реками, захватывали берега все больше и больше, вытесняли культурные растения все дальше и дальше. Такой порядок вещей продолжался до тех пор, пока берега по распоряжению французского правительства не были засажены красной лозой. Корни этого кустарника скрепляют сыпучий песок и останавливают его наступательное движение. Пока не было красной лозы, не было никакой растительности. За красной лозой появ-

ляются различные однолетние травы, свойственные песчаной почве, затем становится возможным развести сосну. С этого момента бесполезное пространство земли превратилось в полезное и стало давать доход".

Более ста лет этому выступлению. Благодаря Г. И. Цыплакову оно оказалось пророческим для Хопра.

ЗАПОВЕДНИК

П. Т. (Петр Тимофеев). Добрый день. Мы приехали в заповедник, чтобы своими глазами увидеть то, о чем много слышали и читали.

Н. М. (Наталья Марченко). Здравствуйте. Будем рады.

П. Т. Наталья Федоровна, расскажите о заповеднике, о себе, науке. Ведь многие люди считают, что заповедная территория существует для сохранения природы, редких птиц, разведения каких-то видов флоры и фауны.

Н. М. Что такое заповедник? Более двадцати лет я занимаюсь выхухолью. Есть люди, которые считают, жил я без этой выхухольи и сто лет еще проживу. А может, она и так вырастет, а может, и не вырастет. В газете встречается выражение — "заповедник — это эталон". Эталон чего? Это скорее контрольная делянка в общей жизнедеятельности человека. Это тот участок, на котором прекращено сельское хозяйство, рубка леса, вылов рыбы, охота и т. д. для того, чтобы снять контрольные показатели. Второе — это сохранение различных раритетных форм. Мы занимаемся средой обитания человека. А среда обитания очень сложная. Она вся как сеть. Каждое звено ее хрупко и важно. В какой-то момент оно может оборваться. Мне очень нравится высказывание С. С. Шварца, которое я услышала на одном из совещаний: "Природа — она вечна. Охранять природу — это смешно. Она обойдется без одного вида, без десяти. Она и без нас обойдется. Она останется вечно. Но только без нас. Поэтому мы не ее

охраняем. Это примерно то же, если бы муравей, живя на берегу океана, сказал, что он охраняет океан".

П. Т. *Есть мультфильм, в котором мышонок, размахивая хворостинкой, кричит: "Не подходи, не подходи!"*

Н. М. Да. И третье направление — это экологическая пропаганда. Весь вопрос в том, чтобы выделить для каждого заповедника приоритетное направление, потому что не все заповедники могут эти три направления равно выполнять. Наш заповедник — единственный в России пойменный заповедник. Находится на стыке лесостепной и степной зоны. Энтрозональное образование. Место, где мы можем посмотреть различные процессы. Все же один заповедник — это не система. Нужны не только вертикальные, но и горизонтальные связи, тогда будет система и в экологическом состоянии среды обитания можно будет хоть что-то понять.

П. Т. *Работая над материалами о Хопре, я написал, что река течет в степной зоне, а характер имеет лесной реки. Редактор сделал замечание: "В степной зоне? Лесная река? Это уж чрезмерное воображение".*

Н. М. Возьмите насекомых. Еще интересней. Цикады — кавказская фауна. У нас обычны. Или черный дятел. Он летит с севера, обошел Воронежский заповедник, который у него на пути, а здесь его, как ворон, полон лес. Воронежцы приехали, удивились, вертят головами, не могут понять, как это произошло.

П. Т. *Возможно, с экологией связано.*

Н. М. Возможно. Нужна система и скорректированные программы исследований, тогда можно отслеживать важные процессы. Вот завезли нам пятнистого оленя, для обогащения фауны. Сейчас численность его падает, под-

держат жизнеспособность его наша территория неспособна, по всей видимости, он вымрет. На какой срок была рассчитана акклиматизация? Если на сто лет, задачу мы выполнили. В законе о заповедниках сказано, что из хозяйственного оборота земли изымаются навечно. Это сколько? Сто лет, тысячу или десять тысяч лет? Мы-то планируем работу на год, два, пятилетку. Вот Коста-Рика, например, составила программу восстановления тропических лесов. Рассчитали, что через 300 лет, если они проведут эту программу, то сумеют восстановить ту травяную растительность, на фоне которой, **возможно**, начнет развиваться сельва. А мы пятилетками мыслим. Программы должны быть длительными, рассчитаны на большее время, чем продолжительность жизни одного поколения сотрудников.

Еще утром, когда мы выезжали из Волгограда, удивительно менялся ландшафт.

Степное однообразие Приволжской возвышенности часа через два сменилось холмами, переходящими в лесистые гряды, которые виднелись километрах в 10—15 слева: там Дон.

Навстречу попадают рощицы, состоящие из отдельных групп деревьев, иногда побольше, помасштабнее, насаженные или естественно выросшие в пойменных местах бывших ручьев и степных речушек.

Чем ближе мы к Михайловке, тем больше чувствуется присутствие реки Медведицы. Медведица очень полноводна. Мы даже удивились, что она так полноводна, когда переезжали через мост. Оказалось, в этом году очень дождливое лето и все реки необыкновенно полноводны. После Бузулука, который, естественно, тоже мощно подпи-

тывает Хопер, мимо Новоаннинского поднимаемся выше, проезжаем Алексиковский, пересекаем границу Волгоградской и Воронежской областей. В пределах границы поднимаемся как бы на плоскогорье. Значительно меняется характер дубрав: имея четкие очертания, компактные, радиусом 2—3 км, они рассыпаны островками по огромному полю этого плоскогорья. Перемежаются дубравы уже созревшими пшеничными полями. Местность все больше изменяется. На горизонте в направлении Борисоглебска появляется синеющая гряда леса. Где-то там, вдоль этого леса, виднеющихся холмов течет Хопер. Но и ближе мы видим сплошной лес. Поворачиваем налево и через хутора Октябрьский, Озерный въезжаем в Варварино. Варварино — центральная усадьба Хоперского государственного заповедника, которому в 1995 году исполняется 60 лет. Здесь 18 научных сотрудников. После знакомства с Натальей Федоровной Марченко, старейшим научным сотрудником, убеждаемся в уникальности расположения заповедника. На стенах кабинета — огромные гидрографические карты озер и проток, расположившихся вдоль петляющего Хопра.

Заповедная территория представляет изогнутую соответственно течению реки полосу длиной около 30 км и шириной от 4 до 8 км, почти целиком входящую в пойму реки Хопра, только узкие полосы леса располагаются каймой по берегам, отделяя заповедник от прилегающих степных участков, занятых пахотными угодьями.

Представление о пойме обычно связано с ландшафтом из луговых полей, кочковатых осоковых болот, порослей тальников и плакучих ив с разбросанными среди лугов, болот и ивняков старицами реки. Пойма реки Хопра в

границах заповедника, если смотреть с высокого правого берега, имеет совершенно иной вид.

Около 70% заповедной территории занято дубовыми лесами с примесью вяза, осины, тополей, клена и липы. В подлеске — крушина, шиповник, ежевика, ветла, синетал. А среди леса то тут, то там сверкают зеркала стариц и излучин причудливо извивающейся реки.

Занимая сравнительно небольшую часть поймы, продолговатые озера-старицы изрезают ее во всех направлениях. И только около 15% площади поймы составляют луга, вкрапленные небольшими пятнами в пойменные лесные массивы.

Правый материковый берег реки Хопра, поднимающийся до 100 м над меженным уровнем Хопра, имеет ясно выраженный лощинно-балочный рельеф.

Более низкий и пологий левый берег сложен из песков с небольшими прослойками глины.

В климатическом отношении заповедник входит в область холодных луговых степей, вытянутую от Дона через среднее течение Медведицы к Саратову. Она характеризуется холодной зимой и температурами января 10—12°, и почти всегда постоянным снежным покровом и теплым, даже жарким летом с температурами июля около 21°. Количество осадков достаточно лишь для развития травяной растительности и недостаточно для поддержания густой речной сети.

В конце ноября - начале декабря на Хопре наступает ледостав. В суровые малоснежные зимы толщина льда на реке достигает одного метра, а затоны промерзают до самого дна. Подо льдом Хопер находится 125—135 дней в году. В середине марта на реке появляются продушины, а

возле берегов — полыньи, окраинцы. В конце марта — начале апреля Хопер на всем протяжении очищается ото льда и, выйдя из берегов, заливаёт луга, леса, а иногда и прибрежные станицы и села.

Во время половодья старожилы отмечают два подъёма уровня реки, или, как говорят они, две воды — "холодную" и "теплую".

Если же весна выдается особенно дружной и теплой, то в реке подъем воды происходит только один раз. Может случиться и так, что река почти совсем не выходит из берегов. Разливы бывают в зависимости от количества снега, а также от того, как быстро происходит таяние.

Млекопитающих свыше 25 видов: бобр, выхухоль, землеройка, белозубка, еж, куница, лисица, хомяк, белка, тушканчик, заяц, волк, норка, косуля, пятнистый олень и др.

На Хопре обитает свыше 177 видов птиц. Среди них аист, цапля, лебедь, кряква, серый гусь, шилохвость, пустельга, кобчик, ястреб, лунь степной, лунь луговой, лунь полевой, лунь камышовый, беркут, орел-могильник, орлан-белохвость, скопа, канюк, сарыч, черный коршун, серая куропатка, перепел, стрепет, серый журавль, бекас, чибис, озерная чайка, голубь, кукушка, филин.

Из всего этого шумного царства более двух десятков видов довольно распространены. Беркут, скопа, удод, филин стали редки, а орлан-белохвость занесен в Красную книгу.

Н. М. Я занимаюсь, уже говорила, выхухолью. В общем-то и заповедник создавался в 1935 году с целью сохранения поголовья этого уникального зверька, изучения его свойств. У выхухоли есть сородичи — европей-

ская выхухоль, живет на границе Франции и Испании, но намного мельче и мех иной. В Приокском заповеднике есть акклиматизированная выхухоль. В естественных условиях в России она сохранилась только в Хоперском заповеднике. Сейчас численность увеличилась и идет стабильное воспроизводство. Одновременно с задачей изучения и сохранения выхухоли для обогащения фауны был завезен пятнистый олень. В течение 50 лет ученые проследили акклиматизацию оленя и убедились, что к 2035—40 годам он вымрет. Это связано с генетикой адаптировавшегося к новым условиям вида. Генный потенциал не позволил ему измениться в новый вид, он сохраняет и отстаивает свой вид. Давая вспышку поголовья в искусственно созданных условиях, через несколько поколений сходит на нет, исчезает.

Кроме оленя здесь акклиматизировали бобра. Бобр расселился по всему Хопру. Вначале его выпускали в местах, наиболее пригодных для жизни, потом он уже естественно распространился по всей реке до впадения в Дон. Правда, в некоторых местах среднего и нижнего Хопра он не прижился. Кормовая база, в первую очередь краснотал, которого не очень много на берегах, не позволила ему акклиматизироваться и расселиться. Бобр живет семьями. Интересно, что даже прошлогодний выводок некоторое время находится в семье вместе с малыми этого года детьми, которые, как правило, появляются весной. В бобровой семье сразу 3 поколения. Бобр — труженик, у него есть кормовые хатки, куда он затаскивает кормовые чурочки и грызет зимой. Отдельная хатка предназначена для жилья. Чтобы в нее попасть, необходимо поднырнуть снизу. Осенью бобр наиболее интенсивно занимается хозяй-

ственной деятельностью на берегу какого-нибудь озера или протоки. Если Хопер неполноводный, протока начинает пересыхать, он усиленно строит гати, перегораживает запруды, чтобы уровень воды поднять.

Вячеслав Иванович Бирюков, один из старейших сотрудников заповедника, показал мне в заводях реликтовые поля кувшинок и кубышек, которые представляют научную, историко-культурную и собственно природную ценность. Зрелище, потрясающее своей первозданностью и красотой раскрывающихся цветов. Прекрасно, что вот такой отрезок Хопра находится в состоянии природного покоя и человек не вмешивается в его жизнь. Даже туристы на байдарках и плотах, которым запрещено останавливаться на берегах, пересекают территорию заповедника по специальным разрешениям. Два года назад приехавшие на научный симпозиум американцы были удивлены тем, что на Хопре сохранились естественные леса. На Западе даже национальные парки и природные ландшафтные заповедники рекультивированы. Леса в них посажены. Н. Ф. Марченко говорила, что в природе все важно. Например, мышь. Это не только кормовая база хищников. В зависимости от их количества они съедают семена, а это связано с тем, сколько семян прорастет на том или ином участке, т.е. естественно-природная климатическая регуляция посадок. В природе все настолько взаимосвязано, что, например, знаменитая мошкара, которая периодически дает взлеты интенсивного роста, которая забивает легкие коров, например, и животные погибают, — имеет важное значение. Человек, к сожалению, вмешивается в природу. Берега рек обрабатывали дустом или дру-

гими препаратами. "Вот в этом, 1994 году, — рассказы-вала Н. Ф. Марченко, — получили американский препарат желто-оранжевого цвета, который, казалось бы, безвреден. Лесничий пробовал на язык и утверждал, что он безопасен абсолютно. Им травил комара и мошкару. Но, как оказалось, это чревато тяжелейшими последствиями. Разрушается планктон. Мошкара вылетает из личинок, прикрепленных к ивовым прутьям, к тальнику. Тальник опускается в проточную воду. И только в проточной чистой воде выводится мошкара. А это кормовая база малька. Не будет мошкары и комаров, не будет рыбы. В древних трактатах утверждается, что в прошлом периодически возникали разные породы рыбы, потом исчезали, но в принципе Хопер был стабилен относительно рыбы. И богатство видов говорит о том, что здесь природно-климатические условия еще довольно органичны и естественны. Хотя в верховьях экологическую чистоту нарушают предприятия.

Вспомним хотя бы уваровскую катастрофу, когда прорвало дамбу в феврале 1989 года и химически загрязненные потоки хлынули в Ворону, а затем подо льдом прошли до устья Хопра. Рыба погибла в огромном количестве. Это была колоссальная утрата. Ученые и сейчас наблюдают последствия этой катастрофы для Хопра. Но в силу своей живучести, природной стабильности и то, что это было единичное, хотя и мощное прессовое давление на Хопер, река нашла в себе силы полностью не рухнуть, воспроизводство рыбы из года в год нарастает. И почти восстановилось. Благодаря заповеднику мы смогли проследить эти процессы".

Мы попрощались с гостеприимным заповедником и, заночевав в Урюпинске, рано утром выехали в хутора и станицы.

За Урюпинском дорога круто уходит вверх. Перед нами развернулась величественная панорама: правая, нагорная сторона Хопра покрыта дубравами и перелесками, среди которых выделялись облысевшие холмы с выходами мела и гальки. Между ними — высокие гряды, поросшие дубовыми и смешанными рощами, красиво сползали к Хопру. Слева, насколько охватывало зрение, на десятки километров, сливаясь с горизонтом, зеленела низменность.

Хопер подпитывается расположившимися вдоль берегов озерами и родниками, он дышит. Река очень извилиста, движется постоянно в буквальном смысле слова: все излуки и песчаные косы, отмели, наносные барханы постоянно движутся вместе с водой, изменяя рельеф дна. Поэтому русло, хотя оно и относительно стабильное, может примыкать к старицам, озерам, коленам, соединяться с ними, отходить от этих стариц, которые его как бы со всех сторон поддерживают, не дают иссякнуть постоянному току воды.

В этом году Хопер очень полноводный: всего неделю назад прекратились дожди, уровень воды выше обычного на метр. Весной мощнейший паводок, какого не было лет двадцать, вычистил многие участки реки, засыпал где-то глубокие ямы песком, а некоторые ямы спрямил, вырыл новые до шести-восьми метров глубиной. Уникальность Хопра подтвердили гидрологи, с которыми мы встречались в Хоперском заповеднике. Река сохраняет свой характер, свои особенности, не оскудевает водой и рыбными запасами.

SUMMARY

The author carries out the historical, ethnographical cultural and poetical research of Prekhopyorja land on the base of archives, field and poetical sources. Having been in all the settlements (stanitsy) he carefully studied the archives, librarian funds, museums in Rostov, Novocherkask, Volgograd, Urjupinsk, Moscow and St.Petersburg.

The Khopyor as a region is unique from the historical, cultural, common and natural points of view. According to UNESCO figures of early 80 years of the 20th century the Khopyor river is the cleanest and the most beautiful river in Europe. But there are neither books nor more or less serious articles about the Khopyor which are worth the attention.

For the first time in the history of Russian and foreign literature the traditional mode of life, poetical culture of Verchovije Cossacks who lived in the territory of the Khopyor-river are under consideration. Their background lies in the common for the Don Cossacks' traditions of XVI-XIX centuries.

Environment, common landowning, trades, house-keeping, celebrations, customs, weddings, songs, legends, folk-theatres make the contents of the book.

All chapters are not a broken chain of information but organic system with its internal rules. Its scientific and poetical significance is expressed in the context. The strict ring composition do not separate the historic past from modern life in time and space but makes them mutually conditioned.

In the introduction the brief information is given about the region, etymology of "Khopyor", some climatic and natural peculiarities.

"My country, my Cossack country" chapter. The sources of the Don Cossack society formation, how the territory between the Volga and the Danube had been settled since the ancient time, the etymology of the word "Cossack", all these

facts are told on the base of archives. The chapter also contains the information about the "krug" (circle) which was of two kinds military and "stanitchnij" (settlement's), election of a ("ataman") commander, governing, some peculiarities of democracy, history of baton and incision, social life of settlements, property state and tsar payment. Besides, it is very interesting to know about Stephan Razin, the wars, the church, differences between the "verhovije" and "nizovije" Cossacks, the policy of Peter the Great in the Don, the rebellion by Kondratij Bulavin, the community forms of landowning and landusing, forests, pastures, the social order, books, crop-rotation, the women rising in Sla-shevskaja and Bukanovskaja settlements, investigation and its results and so on. All these matters are described in the first chapter and not only these facts.

"Settlements of the Khopyor" presents statistical demographical data on the history of settlement's existence, house-keeping, churches construction, their originality, the church things, books. Apart from that, there is also information about large fairs and smaller ones, taking place in the farmsteads. There we can read about trade in cattle, horses, various Russian and foreign goods. This description is given in "Urjupinskaja stanitsa" part of the chapter. There are also some facts of archaeological findings as well.

"Post service" chapter. The post stations in the Region of the Don Army was paid a special attention. Before 1846 the post service had been fulfilled by Cossacks from the reserve, appointed for domestic needs and by teen-agers 17-19 years old. The service had been carried out weekly and each turn came in 3-5 weeks. That order was very conservative with low efficiency. The Army government collected the figures all over the settlements to make sure that recruitment is more efficient. They asked the Minister of the Armed Forces to allow the recruitment order. That was approved on April, 1846.

"House-keeping" chapter. Family traditions are connected with the mode of the Cossacks' life in general. The base of these traditions is parents' "powers". Those members of the family who lived separately in their own houses had to obey

their parents like those members who lived in one united house. Mother and Father interfered not only with all household matters of their children and punished them but they might take away all the things they wanted and if it was necessary they might settle in their children's house. They could even capture all the property and force their children to work for their benefits.

"Settlement's (stanitsa) Court" chapter. The court had its long history. From the very beginning all the society, Krug undertook justice. The Krug (circle) settled all civil and criminal trials except those concerning executions. In the case of claim, the plaintiff came into the circle and made his claim orally. The circle ordered the defendant to come and cross-examined him, and after that the court passed sentence which was put into execution. If the criminal action took place, the injured person came or two-three witnesses might speak up. They presented the circumstances of the crime and accused. The circle cross-examined, then accused and passed sentence. If the military leader (ataman) had known about the crime before it was announced in the circle, he conducted inquiry and proposed to discuss in the Krug. He might express the idea of punishment. The Krug considered the case, questioned the witnesses and defendants making clear all smaller details and took decision.

"Deals and agreements" chapter. There were many ways to obtain property (except by personal work): making gifts, findings, deals and agreements. Gifting was widely spread but performed as the real aid to the poor, buying Cossacks' military equipment. The people of stanitsas usually saw the Cossacks off for Army service and their relatives presented them with some money.

Having arrived from the service, Cossacks brought presents to all the family members and relatives. These were clothes, boots, scarves and so on. The more presents, the better for respectful attitude. Treasures were considered as findings. Someone who found treasures became the owner.

"Haymaking" chapter. The special place in the economic life of "Verhovije Cossacks" took cattlebreeding and horse

breeding. The Khopyor okrug (region) took a leading role in the Don agriculture. In the settlements the part of yurta land natural meadows and virgin steppe were allotted for haymaking. All these places were prohibited for other purposes usage. All haymaking land was divided according to the number of men.

"The Don horse" chapter. Due to various local conditions the Cossacks had two sorts of horses. In the north territories of the Khopyor, Ust-Medveditskij and Donetsk regions horses were strong, hardy, medium-sized, able to carry service in artillery. Another kind of tall, thin and slim horse was found in the Zadonskaja steppe. This horse was of the eastern origin. Narrower body skeleton, neck as deer's, hooked nosed head with well-developed low jaw and small belly were peculiar features. The Don horse's legs are correctly formed because foals were brought up in the steppe not in the stable. Horses born in the Don region and brought up under the conditions of the heard horse-breeding were extraordinary hardy and able to bear hunger and thirst. In XVIII and XIX centuries there was a high demand for them in regular cavalry.

"Fish-breeding" chapter. Fishing tackles, peculiarities of fishing, crafty systems of spring fishing, river poetry.

"Songs over the Khopyor" chapter is one of the most important. Poetic folk-culture, the sources of its formations, legends and traditions in the Khopyor region. Lirical songs as well war and social ones are rich in the contents and melodies.

"Singing and dancing in the ring" chapter describes the originality of the ring songs, the peculiarity of their being on the Khopyor, rites and symbols.

"Wedding" chapter. The first place among the Cossacks customs was given to wedding. In XVI-XVII c. matrimony on "majdan" (square) was traditional. Divorce procedures were also taken place on "majdan". Since Peter the Great period the church wedding had become customary.

"Ssjipchina" chapter. It is about theatrical performances folk humor, celebrations, parties, games, holiday traditions of the Khopyor people.

"Oh, the clothes for us..." chapter is about the free and

unique style of clothes. The everyday and holiday clothes for men and women, their peculiarities. Different types of footwear, its function. The peculiarities of head articles.

"Folk theatre on the Khopyor" chapter is one of the most important. Thanks to the notes by Golovachev V. and Lashilin B. we have records of folk plays. Analyses of these plays proved not only their art character but also the existence of the folk-poetry culture. The subunit "Musical instrumentals, proverbs, legends" tells about the variety of them.

"There, on the calm Don" chapter is devoted to the literature creation of Sholokhov M. and connected with the Khopyor. The concrete analysis of his book stresses that "The Calm Don" was written by Sholokhov not by Krjukov, as some "critics" said and continue to confirm. The vocabulary of Sholokhov differed from Krjukov's one and this fact was proved by the Swedish and American structuralists and not by our specialists, unfortunately. And this was done not at the present time but in the period of "the cold war". The scientists used computers to be impartial and not to be suspected in their sympathy to the communist writer. "Revived (Raised) Virgin soil". Its art system is considered carefully. This book is not an ode to the Stalin collective-farming system. It is clear when we start the concrete analysis of the text.

"Forest on the sand" chapter is devoted to the modern life and the historic past. The fact that the forest was grown up on the sand is very important. The unique technology was used. The attempts were undertaken in XIX c. but without any success. Tsyplakov G. managed to do it. The UNO appreciated highly his contribution and labour.

"Nature reserve" chapter completed the ring composition. It tells about the unique reserve, interesting scientific research, the ecology of Nature which is united with the ecology of culture.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаза К. К. Казаки, донцы, уральцы, кубанцы, терцы. Очерки из истории стародавнего казаческого быта в общедоступном изложении. СПб., изд. В.Березовского. 1889.
- Аз С. Племенной и общественный состав казачества. Исторические наброски // Дон. обл. вед. 1913. № 125, 126, 127, 129, 130, 131, 132, 136, 137, 140.
- Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1.
- Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1.
- Акты, относящиеся к юридической и бытовой стороне донских казаков (XVIII в.) // Памятная книга ОВД на 1900 г. Новочеркасск, 1900.
- Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1902. Т. 1—4.
- Арендное землепользование // Новое время. 1893. № 6295.
- Арсенов П. Б. Об усыхании пойменных дубняков в Хоперском заповеднике // Лесное хозяйство. 1972. № 1. С. 31—34.
- Балуев П. С. Историческое и статистическое описание станиц и городов ОВД. Новочеркасск, 1900.
- Б. В. Е. Историческая справка о казацкой одежде // Приазовский край. 1892. № 50.
- Беспорядки в ст. Слащевской и Букановской // Русские ведомости. 1886. № 186; 1897. № 100.
- Богачев В. Очерки географии Всевеликого Войска Донского. Новочеркасск, 1919.
- Богачев В. Каталог геологического, палеонтологического и горного отделения Донского музея. Новочеркасск, 1906.
- Богачев В. Путеводитель для геологических экскурсий в земли ОВД. Новочеркасск, 1919.
- Богорад В. Б. Фауна рыб Хоперского заповедника: Автореф. дис. канд. биол. наук. М., 1952.
- Борисов А. По вопросу о применении к Урюпинску городского положения // Дон. обл. вед. 1870. № 37.
- Бригадиров Н. Г. История Дона. Указатель литературы: В 2-х ч. Ростов н/Д., 1968.
- Броневский В. Рыцарские обычаи донских казаков // Сын Отечества. 1833. № 49, 50.

- Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834. Ч. 1.
- Броневский В. История Донского войска. СПб., 1834. Ч. 3.: Описание донской земли, нравов и обычаев жителей. Старицкие обычаи.
- Будянский О. Исторические сведения об А. И. Ригельмане // Ригельман А. Летописное повествование о малой России и ее народе и казаках вообще, 1778—86 год. СПб., 1847.
- Бутурлин Д. Военная история походов россиян в XVIII в. СПб., 1820. Ч. 1—2.
- Быкадоров И. Ф. Донское войско в борьбе за выход в море. Париж, 1937.
- Быкадоров И. Ф. История казачества. Прага, 1830. Кн. 1.
- Введенский С. Н. Червлёный Яр // Воронежская старина. Воронеж, 1905. Вып. 5. С. 347—380.
- Ветчинкин В. Н. Очерк поземельного владения на Дону в связи с развитием межевания // Труды ОВД статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2.
- Внутренние известия. Михайловская станица // Рус. вед. 1885. № 96.
- Волгоградская область / Под ред. Панина И. Волгоград, 1970. ГАВО, ф. 72, оп. 1, ед. хр. 7.
- ГАВО, ф. 232, оп. 1, ед. хр. 107.
- ГАВО, ф. 302, оп. 5, ед. хр. 4, 5, 6, 7, 13.
- ГАВО, ф. 333, оп. 1, ед. хр. 2, 11, 21, 29, 36, 56, 57, 102, 103, 107, 115, 134.
- ГАРО, ф. 341, д. 514, л. 260—272; л. 567—567 об; л. 574—574 об.
- Головачев В., Лащилин Б. Народный театр на Дону. Ростов н/Д, 1947.
- Донские дела. СПб., 1898. Кн. 1—5: Русская историческая библиотека (изд. археографич. комитета). Т. 18, Т. 24. 1906; Т. 26. 1909; Т. 28. 1913; Т. 34. 1917.
- Донской народный костюм / Сост. Тумасов Т. К., Скуба Т. С. Ростов н/Д, 1986.
- Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
- Егорова Г. Н., Зобов А. И., Марченко Н. Ф. К вопросу совершенствования ведения летописи природы в Хоперском заповеднике на основе составления ландшафтной карты // Проблемы управления экосистемами и организация перспективных сетей заповедника. М., 1985. С. 77—88.

- Забелин И. Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях: В 3-х кн. / Сост. А. Н. Сахарова. М., 1990.
- Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. 2-е изд. М., 1872. Т. 1. Ч. 1, 2.
- Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.
- Заметки о станичных судах* // Дон. обл. вед. 1875. № 98.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей ученого архива русского географического общества. Пг., 1916. Вып. 1—3; 1914. Вып. 1; 1915. Вып. 2.
- Земельный вопрос на Дону.* Новочеркасск, 1906.
- Землеустройство* в ОВД. Новочеркасск, 1913.
- Известия* Ростовского областного музея краеведения. Ростов н/Д, 1989.
- Из Кумылги.* И. Ф. // Донской голос. 1881. № 27, № 58.
- Из станицы Урюпинской* // Дон. обл. вед. 1880. № 11.
- История Дона* с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов н/Д, 1965.
- Калмыков М.* Донская старина: Черкасск и Войско Донское в 1802 году, по описанию де-Романо. Новочеркасск, 1896.
- Книга* большому чертежу, или древняя карта Российского государства. СПб, 1792.
- Краснов И.* Верховые и низовые казаки // Военный сборник. 1858. Т. 1. С. 458—500.
- Краснов И.* Низовые и верховые казаки, описание их жизни, нравов... // Дон. обл. вед. 1859. № 34, 35, 47, 48, 50; 1860. № 17—26.
- Краснов М.* Новый передел // Дон. обл. вед. 1882. № 27.
- Краснов Н.* Земля Войска Донского. СПб., 1863.
- Краснов Н. И.* Поиск донского казака Ивана Богатого под Царьград // Живописное обозрение. 1884. № 8. С. 301; № 9. С. 350; № 10. С. 43.
- Краснянский М. Б.* Картины из народной жизни донских казаков. М., 1871.
- Крюков Ф. Д.* Рассказы. Публицистика. М., 1990.
- Лавилин Б.* На родных просторах. Волгоград, 1968.
- Левитский Р.* Об общественных лесах Войска Донского // Сельское хозяйство и лесоводство. 1871. № 2.
- Листопадов А.* Песни донских казаков. М., 1953.
- Лишин А.* Акты, относящиеся к истории Войска Донского. Новочеркасск, 1891—1894. Т. 1—3.
- Мальшев С. И.* Хоперский заповедник. Путеводитель. 1958.

- Марков Е.* Червлёный Яр: путевые заметки // Русский вестник. 1891. Кн. 8. С. 96—118.
- Миллер В.* Казацкие эпические песни XVI—XVII вв. // Журнал Мин. нар. просв. 1914. № 5, 6.
- Мильков Ф. Н.* и др. Междуречные ландшафты среднерусской лесостепи. Воронеж, 1990.
- Никулин П.* Народные поверья, суеверия и предрассудки // Дон. обл. вед. 1876. № 42, 49.
- Новак Л. А., Фрадкина Л. Г.* Казачий курень. Ростов н/Д, 1973.
- Новак Л. А., Фрадкина Л. Г.* Как у нас-то было на тихом Дону. Ростов н/Д, 1985.
- Ногин И.* Донской край в доисторический период и в эпоху греко-римской культуры // Краткий исторический очерк Донского края. Новочеркасск, 1814. С. 1—30.
- Номикосов С.* Общинное владение в Донском крае // Сев. вест. 1889. № 7.
- Номикосов С.* Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884.
- Общинная форма землевладения* // Новое время. 1883. № 6388.
- О Крюкове Ф. Д.* // Слово. 1988. № 11. С. 120.
- Омикрон Дм.* Письма из Урюпина // Донской голос. 1880. № 27, 55.
- О недоразумениях на Дону* // Донской голос. 1881. № 95.
- О самоуправлении.* Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. СПб., 1872. Т. 2.
- Отин Е. С.* Хопер // Русская речь. 1973. № 1. С. 144—146.
- Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России... Юридический очерк. СПб., 1877. Т. I; 1879. Т. II.
- Песни Донского казачества* / Ред. М. Лобачев. Сталино, 1937.
- Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южно-русских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л., 1958. № 62. С. 151—226.
- Полное собрание русских летописей.* М., 1962. Т. 1; 1962. Т. 2; Л., 1925. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2; СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1859. Т. 8; М., 1965. Т. 9; М., 1965. Т. 10; М., 1965. Т. 11, 12, 13; СПб., 1863. 1-е изд. Т. 15; Пг., 1922. 2-е изд. Т. 15. Вып. 1; СПб., 1903. Т. 18; СПб., 1910. Т. 20; СПб., 1913. Т. 21; СПб., 1910. Т. 23; Пг., 1921. Т. 24; М., Л., 1949. Т. 25; М., Л., 1959. Т. 26; М., Л., 1962. Т. 27; М., 1935. Т. 30; Л., 1977. Т. 33; М., 1978. Т. 34.

- Попов А. История о Донском войске. Харьков, 1814. Ч. 1.
- Попов И. А. Общинное владение в Донской обл. // Донской голос. 1881. № 17.
- Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Изд. Ростовского ун-та, 1967.
- Прышенин И. М. Материалы для истории Войска Донского. Грамоты (1571—1863). Новочеркасск, 1864.
- Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках 1778 года. Изд-е общества истории и древностей России. М., 1846.
- Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. СПб., 1902. Т. 2; СПб., 1901. Т. 6.
- Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV—нач. XVI века. М., 1974.
- Савельев А. Трехсотлетие Войска Донского. СПб., 1870.
- Савельев Е. П. История Дона и донского казачества. Новочеркасск, 1918. Ч. 3.
- Савельев Е. П. Средняя история казачества (историческое исследование): в 2-х част. Новочеркасск, 1915—1916.
- Сазаров Н. Происхождение вольного донского казачества и служб донцов России. Новочеркасск, 1914.
- Сборник ОВД. Статистический комитет. Новочеркасск, 1901. Вып. 2; 1902. Вып. 3; 1904. Вып. 4; 1905. Вып. 5; 1908. Вып. 8; 1909. Вып. 9; 1912. Вып. 11; 1913. Вып. 12.
- Сборник статистических сведений по Воронежской губернии. Воронеж, 1891. Т. IX. Вып. 1. Новохоперский уезд.
- Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1863—1885. Т. 1—5.
- Список населенных мест Области Войска Донского по переписи 1873. Новочеркасск, 1875.
- Станционные беспорядки // Донской голос. 1880. № 56.
- Старинные предания Тишанской станицы // Дон. обл. вед. 1873. №№ 27, 29, 35, 46, 47, 49, 50.
- Старчевский А. В. Словарь древнего славянского языка. СПб., 1899.
- Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822—32 годах. Новочеркасск, 1899.
- Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII веках // Русская старина. СПб., 1824.
- Терменский П. Н. Хождение митрополита Пимена (XIV в.)

- как источник по исторической географии Подонья // Изв. АН СССР. Сер. Географ. 1970. № 5. С. 95—99.
- Тимощенков И. В. Общественный быт и народные обычаи Казанской станицы // Труды ОВД статистического комитета. Новочеркасск, 1874. Вып. 2. С. 139—181.
- Тимощенков И. В. Труды по экономическому обследованию казачьих станиц ОВД (с 1877 по 1907 включ.). Новочеркасск, 1908.
- Труды Хоперского государственного заповедника / Отв. ред. С. С. Туров. М., 1940. Вып. 1.
- Харузин М. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права, собр. Харузиным. М., 1885. Вып. 1.
- Цвилев Н. Н. Флора Хоперского заповедника. М., 1987.
- ЦГАВО, ф. 84, оп. 64, ед. хр. 185.
- ЦГАВО, ф. 91, оп. 28, ед. хр. 256.
- Я. А. Об археологической находке в Тишанской станице // Дон. обл. вед. 1873. № 27, 29; 1874. № 36.
- Яковлев Н. Ф. Материалы по одежде донских казаков // Этнографическое обозрение. 1916. № 1—3. Кн. 109, 110.

CONTENTS

"MANY YEARS AGO..."	5
MY COUNTRY, MY COSSACK COUNTRY	13
SETTLEMENTS OF THE KHOPYOR	41
Post service	69
House-keeping	71
Settlement's (stanitsa) Court	75
Deals and agreements	80
HAYMAKING	85
THE DON HORSE	91
FISH-BREEDING	99
SONGS OVER THE KHOPYOR	107
Singing and dancing in the ring	111
WEDDING	117
SSJIPCHINA	129
OH, THE CLOTHES FOR US...	137
FOLK THEATRE ON THE KHOPYOR	147
The instrumentals, the proverbs, the sayings	160
THERE, ON THE CALM DON	169
FOREST ON THE SAND	181
NATURE RESERVE	199
From talk with Marchenko N.F. in the Khopyor	
state reservation in summer, 1994	199
SUMMARY	209
LITERATURE	214

СОДЕРЖАНИЕ

"МНОГО ЛЕТ НАЗАД..."	5
СТОРОНА МОЯ, КАЗАЧЬЯ СТОРОНУШКА	13
СТАНИЦЫ ПО ХОПРУ	41
Почтовая служба	69
Семейный быт	71
Станичный суд	75
Сделки и договоры	80
СЕНОКОСЫ	85
ДОНСКАЯ ЛОШАДЬ	91
РЫБОЛОВСТВО	99
ПЕСНИ НАД ХОПРОМ	107
Хоровод	111
СВАДЬБА	117
ССЫПЧИНА	129
А ОДЕЖДА У НАС...	137
НАРОДНЫЙ ТЕАТР НА ХОПРЕ	147
Музыкальные инструменты, пословицы, преда-	
ния	160
ТАМ, НА ТИХОМ ДОНУ	169
ЛЕС НА ПЕСКЕ	181
ЗАПОВЕДНИК	199
Из беседы с Н.Ф.Марченко летом 1994 года в	
Хоперском государственном заповеднике	199
SUMMARY	209
ЛИТЕРАТУРА	214

Петр Тимофеевич Тимофеев

ХОПЕР: ИСТОРИЯ, БЫТ, КУЛЬТУРА

Художник **С. А. Гавриляченко**
Фото автора и **В. В. Ярмаковича**

Подготовка макета,
техническое редактирование — **А. П. Тимофеев**

Редактор **Т. Г. Тетенькина**
Художественный редактор **А. В. Старцев**
Корректоры: **В. И. Козулова, Е. В. Таргонская**

ЛР № 010276 от 02.02.1998. Подписано в печать 27.07.98 г. Гарнитура Академическая.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76. Уч.-изд. л.
9,74. Тираж первого завода 3000 экз. Заказ 13132.

Отпечатано в типографии Государственного издательско-
полиграфического предприятия "Янтарный сказ".
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18.